ЛЮБОВЬ ВИНОГРАДОВА

АНГЕЛЫ МЩЕНИЯ

Женщины-снайперы Великой Отечественной

Л. ВИНОГРАДОВА
АНГЕЛЫ МЩЕНИЯ
Женщины-снайперы Великой Отечественной

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Снайперское движение в Красной армии началось в самые отчаянные дни войны, осенью 1941-го, на Ленинградском фронте. В 1943 году в составе действующей армии появились первые женские снайперские взводы. На счету у многих «ангелов мщения» были десятки убитых врагов. Не всем этим девушкам довелось дожить до конца войны. Те, кому повезло, вернулись, совсем еще молодыми, к жизни обычных советских женщин. И все же главным событием их жизни стала Великая Отечественная. Автор книги Любовь Виноградова работала в архивах, изучала мемуары очевидцев, встречалась с участниками событий и членами их семей. Результатом этого кропотливого труда стало уникальное историко-документальное исследование о вкладе девушек-снайперов в победу в Великой Отечественной.

- Любовь Виноградова
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Эпилог
  - Фотоиллюстрации
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89

- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133

- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177

- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221

- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265

- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309

- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353

- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397

- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441

- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485

- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492

Любовь Виноградова
АНГЕЛЫ МЩЕНИЯ
Женщины-снайперы Великой Отечественной

Памяти моего друга
Анны Федоровны Синяковой
(Мулатовой)

ЛЮБОВЬ ВИНОГРАДОВА

АНГЕЛЫ МЩЕНИЯ

Женщины-снайперы Великой Отечественной

КоЛибри
МОСКВА

От автора

Краснодар в сентябре лишь стоит на пороге осени: дни ясные, город полон спелых фруктов и низкого ласкового солнца. Попав

туда из осенней Москвы, оживаешь — особенно если приехал к теплому, доброму человеку. У Екатерины Федоровны нас ждал борщ — правильный, какой готовят только на Украине и на самом юге России, да еще «синенькие» — по-нашему, баклажаны, — и бутерброды с докторской, и чай с конфетами, и рассказы, рассказы. Новая знакомая, которая неделю назад ничего не знала о нашем существовании, принимала нас как родных. Сильно хромающая — осталась инвалидом после тяжелого ранения под Севастополем, — почти девяностолетняя, она сновала по квартире с блюдами и чашками. Круглое лицо, симпатичное и в старости, цвело улыбкой. Довольная тем, что у нее гости, она говорила, говорила без конца — и о войне, и о себе, о сыне, о внуках, о своем городе, о соседях и подругах.

Мы приехали в Краснодар потому, что семьдесят лет назад Екатерина Федоровна Терехова — Катя Передера — была на войне снайпером и на ее счету тридцать убитых или раненых немцев. До знакомства с ней я встречалась со многими женщинами-снайперами. Пила с ними чай, слушала рассказы о снайперской школе и о фронте, о жизни после фронта, жалела их в старости и болезнях, привязывалась к ним сердцем. И все время искала ответ на вопрос: мучают ли их мысли о тех жизнях, что они забрали?

Самый пронзительный, самый четкий ответ на этот вопрос дала мне Екатерина Федоровна Терехова — за себя и за других, один на всех. Рассказывая, как к ней привязался незнакомый проповедник-сектант, призывавший ее ввиду преклонного возраста покаяться в грехах, она удивленно сказала мне: «А какие у меня грехи? Я ничего не украла. Я НИКОГО НЕ УБИЛА». Эта добрая, милая женщина, в мирной профессии — врач, всегда старалась помогать людям. И твердо знала, что всю жизнь делала добро — в том числе на фронте. Особенно там.

Многие ли из моего поколения, «детей перестройки», пойдут умирать за родину, многие ли готовы за нее убивать? Но все же нам сегодняшним хорошо бы хоть немного понять молодых женщин, ровесниц наших бабушек, стрелявших в ту войну по людям. Эта книга — попытка взглянуть на Великую Отечественную их глазами.

Глава 1
«Моя ж ты дочечка, как же ты там будешь без борща?»

Пробежав по ночному небу, лучи прожекторов пересекаются и ловят цель: маленький тихоходный самолет. В перекрещенных лучах он похож на беспомощного серебристого мотылька. Летчика и штурмана ослепляет нестерпимый свет. Еще секунда — и самолет в огне.

С земли он хорошо виден однополчанам попавших в беду: в эту ночь цель ночных бомбардировщиков недалеко. В оцепенении девушки в летных комбинезонах смотрят, как горящий самолет начинает медленно, огненным шаром падать. У его летчицы и штурмана нет парашютов, и спасти их может только чудо. Начальник штаба капитан Ракобольская бросается к журналу полетов «посмотреть, кто горит».

В ту страшную ночь на Кубани, на Голубой линии, из экипажей, отправленных Ракобольской в полет, не вернулось четыре. После безуспешных поисков Ракобольская написала родным восьмерых девушек, что те пропали без вести. Полина Гельман — лучшая подруга погибшей в ту ночь штурмана Гали Докутович — еще долго ждала, что Галя вернется, но наконец, смирившись с утратой, решила, что если вернется с войны и если у нее будет дочь, то она назовет ее Галей в честь своего самого дорогого друга.

В 588-м женском ночном бомбардировочном полку штурманов постоянно переучивали на летчиков, техников — на штурманов, чтобы было кем пополнить потери. Взамен погибших летчиц и штурманов в бой ввели новые экипажи, и те включились в работу: захлебнувшееся из-за нехватки ресурсов наступление на Голубой линии — цепи мощных укреплений на Таманском полуострове — до поры до времени сменилось сражениями в воздухе. Советская сторона подтягивала ресурсы для нового наступления.

Немцы, отступив весной 1943 года с Кавказа, решили во что бы то ни стало удержать Таманский полуостров — для прикрытия Крыма и как плацдарм для новых наступательных операций. Согнав на работу местных женщин и детей, они создали почти неприступную линию укреплений, тянущуюся от Азовского до Черного моря. Использовали природные преимущества — болота и лиманы на северном участке, лесистый горный рельеф на

южном, а в центре построили несколько мощных фортификационных линий, перед которыми сделали минные поля и несколько рядов проволочных заграждений. Немцы использовали для этой линии укреплений название «Готенкопф» — «Голова гота», а русские почему-то взяли название, которое немцы использовали в начале работы над планом, — «Голубая линия». Весеннее наступление Северо-Кавказского фронта из-за нехватки ресурсов не достигло здесь значительного успеха: оно шло неделю, но продвинуться удалось лишь до станицы Крымская на подступах к Голубой линии.

Катя Передера попала в район станицы Курчанской вместе с 19-й курсантской бригадой, в которую в августе 1943 года вошел ее снайперский взвод. Это было большим новшеством: к 1943 году снайперов подготовили столько, что их отправляли в части целыми взводами, примерно по 30 человек. Такой взвод считался большой ценностью, даже если состоял, как Катин, из одних девчонок.

Вначале все было тихо, стояли в обороне. Только иногда доносился из камышей треск автоматной очереди, и по утрам немцы устраивали «пятиминутки» — бесприцельные артиллерийские обстрелы[1]. Девушек-снайперов знакомили с фронтом и местными условиями: ходить строем нельзя, нужно передвигаться пригнувшись, цепочкой, чаще перебежками. Если над головой появилась «рама» — немецкий самолет-разведчик «фокке-вульф», — надо немедленно залечь (девушки тут же возненавидели «раму» за то, что по ее милости приходилось укладываться в грязь, пачкая обмундирование). Нужна вода, чтобы попить или умыться, — иди к воронке от снаряда или бомбы, их здесь предостаточно. А в лимане — огромном пространстве мелкой воды — для питья вода непригодная, горьковатая и соленая. Пить ее, посмеиваясь над неженками, могли лишь те несколько девушек, кто вырос у таких озер.

Взвод занял девять землянок, и снова, как в станице Медведовской, где они учились на снайперских курсах, свой быт девушки устроили с помощью принесенного от лимана камыша: из него сделали и постели, и потолок землянок (чтобы не сыпалась земля), и пол. Костры жгли тоже из камыша. Передний край, который девушки, тут же позаимствовав словосочетание от окружающих, стали называть «Голубой линией», — всего в трех километрах[2]. Между позициями 19-й стрелковой бригады и немецким передним краем — лиманы и безымянные островки. Этот рубеж бригада занимала до приезда взвода снайперов уже несколько недель.

Готовились к наступлению, но пока все было спокойно, и семнадцатилетняя Галя Колдеева, самая юная в снайперском взводе, потихоньку убегала купаться в мелкий лиман. Опекуном и наставником девушек стал татарин Николай Зайнутдинов — не особо образованный, но добрый и смелый парень. Метко стрелять он научился еще до армии, пока пас в степях тысячные отары овец: нередко нападали волки и пастух наловчился стрелять по ним[3]. Получив, уже на фронте, снайперскую подготовку, Зайнутдинов быстро заработал репутацию хорошего снайпера — настолько хорошего, что ему доверили возглавить целый снайперский взвод. Подопечные оказались девушками, но Зайнутдинов не выказал недовольства. За высокий рост девушки его прозвали Полтора Ивана, подсмеивались над ним из-за нешибкой его образованности, дулись, когда Зайнутдинов «внедрял дисциплину», но в целом относились к нему хорошо[4].

Над головой шли воздушные бои; с начала сентября несколько дней прибывали новые части. По вечерам около землянки снайперов частенько раздавались выстрелы — один, или два, или три, — и кто-то из девушек выходил. Это ребята вызывали их на свидания, условившись о количестве выстрелов в воздух: заходить в женские землянки им запрещалось. Короткие свидания, прогулки у лимана, редко заканчивались чем-то серьезным. Чувства вспыхивали, но на следующий день или через день, после короткого отдыха, часть, где служил парень, уходила вперед к Голубой линии, и лишь немногие, обменявшись адресами, продолжали роман по переписке. Катя только поболтать успела с симпатичным сержантом Левой. Хотели посидеть в пустой землянке, но строгий Полтора Ивана был тут как тут. «Куда?» И разогнал их, пригрозив: «Я вот родителям напишу!»[5] Наутро Леву ранило в глаз, и больше Катя ничего о нем не слышала.

Девушки не питали иллюзий: знали, что начнется наступление и многие из этих ребят погибнут. Они много слышали о майских боях здесь, на неприступной Голубой линии, «Такой укрепленной территории, как на Кубани, нам не встречалось. Здесь все изрыто было, здесь все было под землей. Он же заранее готовился, он, наверное, не собирался отсюда уходить. 10 километров Голубой линии мы два дня проходили», — вспоминал воевавший там солдат[6]. И сейчас, спустя 70 лет, поисковые отряды все еще находят и перезахоранивают в тех местах солдат. Их очень редко получается идентифицировать: в ноябре 1942 года отменили солдатские смертные медальоны — пластмассовые цилиндры с листком

бумаги внутри. Начальство сочло, что солдатские книжки могут выполнять ту же функцию. Конечно, это было не так: бумажные книжки очень быстро разрушали вода и тлен. Отменили медальоны, по мнению многих исследователей, потому, что государство предпочло оставить свои миллионные людские потери безымянными: «Так выгоднее было. Хоронить не надо. Пенсию осиротевшей семье по потере кормильца платить не надо. Да и потери огромные скрывали»[7]. И все же поисковикам иногда везет: люди, боясь остаться неопознанными после смерти, писали свои имена на расческе, ложке или котелке или делали себе медальоны сами из пустой гильзы.

От гитары остались щепки. Ее хозяйка Оля Короткевич, слава богу, уцелела под обстрелом, но была ранена, и, видимо, тяжело. Оля была веселая и громкая, «любительница попеть и потанцевать», лучше всех пела во взводе. Из дома учиться на снайпера она поехала с гитарой и на фронте с ней тоже не расставалась. Теперь, с искаженным от боли лицом, она не переставая спрашивала: «Где же моя гитара?» — «Не беспокойся, Оля, гитара будет!» — успокаивала Олю ее снайперская пара Катя Передера, неумело и поспешно перевязывая рану: Олю надо поскорее унести отсюда[8]. Вокруг шел бой. На этот раз Голубая линия будет прорвана.

В наступлении, которое Северо-Кавказский фронт начал 10 сентября, 19-й курсантской бригаде крепко досталось. Понес потери и женский взвод снайперов, которые в наступлении стали простыми пехотинцами: за несколько дней под Темрюком он потерял, кроме Оли Короткевич, еще девять человек: было 33, осталось 23[9], Катя Передера оказалась права: Оля выжила и купила себе другую гитару, но на фронт уже не вернулась, на всю жизнь оставшись инвалидом.

Новой снайперской парой Кати Передеры стала Женя Макеева — высокая красивая девушка, черноглазая и смуглая, острая на язык, общительная, смелая. Стала не только парой, но и самой близкой подругой. Катя и Женя ни на день не разлучались до 7 мая 1944 года: в тот день Женя Макеева погибла и Катя не смогла ее похоронить.

Большинство девушек Катиного снайперского взвода призвали из Краснодара, но Катя и Женя были из Кропоткина. Они жили в разных концах этого небольшого кубанского города, так что знакомы до снайперской школы не были. Как и остальных девушек взвода, их призвали в армию сразу после освобождения

Краснодарского края в феврале 1943 года.

Немцы вошли в Кропоткин 4 августа 1942-го. С бугра — город стоял на возвышенности — Катя с родными смотрели в долину, на Кавказ, и видели, как двигались к городу немецкие части. Когда они прорвались к городу, Катя, хоть и не робкого была десятка, со страху прыгнула в погреб, обойдясь без лестницы. К ней присоединились мама и сестры. А немцы между тем въехали в город на своих машинах и мотоциклах, и, когда девушки вылезли посмотреть, что происходит, они уже вовсю шуровали по улицам: забирали у хозяек яйца и молоко, стреляли кур[10].

Оккупация запомнилась голодом и страхом, однако особых зверств Катя не видела. Единственное страшное, что произошло сразу после появления немцев, были расстрелы отступающих советских солдат, чьи подводы немцы успели перехватить. После этого, как казалось Кате, все успокоилось. Вокруг многие помогали немцам: появились отряды казаков и крымских татар. Те, кто до войны не был доволен советской властью, начали работать в полиции или администрации. «Самое страшное другое, — вспоминала жительница Краснодара. — Помню, въезжает фура, брезентом покрытая. И из этой машины вываливаются человек тридцать-сорок в фашистской форме. И все разговаривают по-русски»[11]. Рабочие, если было где работать, при немцах так и ходили на свою работу: есть-то семье надо[12]. Немцы ловили подпольщиков, что-то жуткое происходило поблизости, но до Катиной семьи доходили лишь слухи. Немцы требовали от населения молоко и яйца и совершали мотоциклетные рейды в отдаленные деревни и хутора, где еще осталось много птицы. Уток и гусей они живыми увозили на мотоциклах. Мальчишки быстро наловчились: услышав шум мотоциклов, сразу вооружались длинными хворостинами и гнали птицу к реке, озеру или ручью, где пережидали визит незваных гостей. В остальном немцы местных не обижали, просто не считали за людей. Случалось, что не отбирали продукты, а меняли их на свой эрзац. Многие местные говорили — кто открыто, кто тихонько, — что, если бы немцы дали им земли, жизнь при них была бы лучше, чем при Советах.

Город советские войска освободили с тяжелыми боями спустя полгода, и вскоре Кате и многим ее ровесницам пришли повестки (ребят-ровесников забрали еще до оккупации города в 1942-м). Нашлось немало девчонок, кто на фронт идти не захотел: попрятались у родных, у бабушек. Катя пошла, не позволила совесть прятаться — ведь многие из ребят-одноклассников, она знала, уже погибли[13].

Группу девушек — около ста человек, чтобы сформировать

одну роту, — посадили в открытые товарные вагоны, наполненные солью, и так, на соли, привезли в Краснодар. Старинный город, красивая столица Кубани, стоящая на месте древнего Боспорского царства, сильно пострадала. Промышленные предприятия были подорваны НКВД еще до прихода немцев[14], и еще худшие разрушения вызвали обстрелы, бомбежки и пожар, устроенный немцами перед уходом.

Из Краснодара будущих снайперов повезли в станицу Медведовскую, спокойное местечко у слияния двух рек, с белыми домиками в садах и огромными огородами. Здесь им предстояло учиться. Поселили в свинарнике — не нашлось другого места, но девушки понимали, что капризничать не время: идет война, только что прогнали немцев. Свинарник они быстренько вычистили и сделали себе матрасы из камыша, которого было вокруг лимана более чем достаточно. Матрасы положили на землю вдоль стен, поставили в середине несколько деревянных скамеек и повесили на стену листок с распорядком дня — вот и все обустройство[15]. Женскую военную форму для Красной армии тогда массово не выпускали, так что им, как и сотням тысяч призванных в тот год женщин, выдали мужскую, огромную, и мужские сапоги. Гимнастерки доходили невысоким девушкам до колена, сапоги сваливались с ног. Хоть смейся, хоть плачь. Как и других девушек на фронте, всех остригли под мальчика. Уложенная традиционно вокруг головы коса испокон веков считалась красой и гордостью казачек. Большинство из этих будущих снайперов никогда в жизни не стриглись, и расставаться с косами оказалось очень тяжело. Многие плакали и просили старшину сделать исключение. Но хромой старшина-фронтовик, сославшись на приказ сверху, приказал стричься всем[16]. Непривычные мальчишечьи прически расстраивали их до окончания курсов, а там они сделали в Краснодаре химическую завивку — первую и последнюю за всю войну.

Проведя несколько теоретических занятий, с будущими снайперами начали строевую подготовку и стрельбы в овражке: поставили мишени, и успевший понюхать пороху старшина учил их целиться и справляться с отдачей. Учил и маскироваться и даже загонял в лиман, где они должны были сидеть под водой и дышать через трубочку![17] Словом, всему тому, что, на его взгляд, могло потребоваться им на войне. Где взять силы для таких изнуряющих тренировок? Кормили отвратительно, часто одной перловой кашей — на стрельбище она попадала уже холодная и «посиневшая», и Катя вспоминала причитания своей мамы, когда та провожала дочь на фронт: «Моя ж ты дочечка, как же ты там будешь без борща?»[18] Кубань по культуре и

традициям ближе к Украине, чем к России, и без борща Катя ни до ни после войны жизни не представляла. Мама нашла способ скрасить ей существование, приехав в Медведовскую — добралась, то пешком, то на колесах, просясь на грузовики, за целых 150 километров! С ней приехала мама Жени Макеевой — как они познакомились и от кого узнали, что дочери в Медведовской, неизвестно. Но Катя и Женя знали, что матери к ним едут, — кто-то сказал — и готовились: попросившись в дом к местным женщинам, постирали гимнастерки, перепачканные грязью во время учений, подшили чистые подворотнички. Мамы привезли какие-то продукты, но мало: с едой уже стало плохо даже на Кубани. Женин старший брат воевал (он тоже с войны не вернулся). Забрали, сказала мать, и Катину старшую сестру Нину — медсестрой, и она находится сейчас где-то недалеко от Кати[19].

В мае стало тепло, появились цветы. Девушки собирали букеты, и в казарме запахло совсем не по-солдатски[20]. В конце мая им выдали холостые патроны и учебные гранаты и провели учения: снайперы должны были разгромить прорвавшийся к железной дороге десант противника и освободить вокзал. После учений объявили, что принимать экзамены (теория, строевая подготовка и стрельба) будет фронтовая приемная комиссия и в ее составе женщина-снайпер Людмила Павличенко, которая до своего ранения тоже воевала на Северо-Кавказском фронте. О Павличенко они много слышали и читали в листовках, она «истребила более трехсот фашистов». Поэтому, когда знаменитость не приехала, девушки и их наставник-старшина были страшно разочарованы[21].

Глава 2
«Какая выдающаяся женщина — лейтенант Красной армии Л. Павличенко!»

В конце августа 1942 г. чуть ли на каждое советское и многие западные периодические издания освещали небывалый визит. Советские фронтовики приехали с официальной делегацией комсомола в США, на Международную студенческую ассамблею. Программа визита, однако, была намного шире, чем просто участие в конгрессе: планировалось, что делегация пробудет в США несколько недель, выступая по всей стране перед самыми разными аудиториями с целью привлечь внимание к Восточному фронту.

Такого интереса и такой симпатии к СССР, как осенью 1942-го, раньше никогда не было и вряд ли будет. Россия — еще совсем недавно страна-изгой, закрытый, отсталый и воинственный колосс, заключивший пакт с нацистами, нападавший на соседние страны с целью захвата территорий, — теперь предстала перед Западом в новом качестве: страны, отчаянно, изо всех своих сил борющейся с безжалостным и очень сильным агрессором, стянувшей на себя огромные немецкие силы. Коммунисты и профсоюзные активисты в США и европейских странах требовали от своих правительств большей помощи России. Немцы, захватив огромную часть советской территории, дрались за Сталинград. Каков будет исход этой битвы? Если не в пользу русских, всем придется плохо. Люди жадно следили за новостями с Восточного фронта, слово «Россия» было у всех на устах, успехи Советской армии ощущались во многих семьях как свои собственные.

Нельзя было придумать лучшего момента для приезда в США делегации из СССР, да еще с двумя орденоносцами-фронтовиками.

Руководителем делегации назначили секретаря по пропаганде МГК ВЛКСМ Николая Красавченко. Он занимался формированием групп, забрасываемых в тыл к немцам, так что в Америке его часто представляли аудиториям как партизана[22]. Двое других членов делегации были снайперы-орденоносцы, в недавнем довоенном прошлом студенты-старшекурсники — Герой Советского Союза Владимир Пчелинцев и Людмила Павличенко.

Почему выбрали двух снайперов, а не танкистов или

летчиков? Скорее всего, потому, что у других родов войск Красной армии на тот момент дела шли не блестяще. Зато снайперское движение набирало размах, и немцы русских снайперов боялись. Пресса много писала о них, подчас преувеличивая их подвиги. А эти молодые симпатичные снайперы к тому же были яркими представителями настоящей коммунистической молодежи. На фронт оба ушли со старших курсов вузов, были подкованы идеологически и хорошо могли говорить на разные темы. Оба были связаны с НКВД — Пчелинцев по роду войск, Павличенко — через отца[23], а таких за границу можно посылать смело.

Та поездка в Америку подробно освещена в воспоминаниях Владимира Пчелинцева, к моменту международного визита — знаменитого снайпера Ленинградского фронта, по праву считавшегося одним из основателей снайперского движения в Красной армии[24].

Поездка стала для Пчелинцева полной неожиданностью. Двадцатидвухлетнего снайпера, который только что был отозван из действующей армии на работу в снайперскую школу под Москвой, разбудили среди ночи и отвезли на встречу с Николаем Александровичем Михайловым, в то время первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Михайлов сразу объяснил причину вызова, но сначала Пчелинцев не поверил своим ушам. Посылают в Америку? Володя «внутренне замер. Уж не ослышался ли я? Кажется, он что-то сказал об Америке? Какая Америка, когда идет война?»[25].

Михайлов подтвердил, что да, именно в Америку, на студенческую ассамблею, но Пчелинцев все еще не мог прийти в себя и только хмыкнул. Америка для него была все равно что Марс. «Американский империализм» воплощал в себе все ужасы капитализма с растленными нравами, повальным расизмом, загнивающей экономикой и продажной прессой. Пропаганде беспрекословно верили, ведь ни в Америке, ни вообще где-либо за пределами СССР почти никто не бывал.

Не ездили советские люди за границу. У большинства населения — крестьян — вообще не было паспортов, так что они даже свой колхоз покинуть не могли.

А сейчас, потрясенно думал Володя Пчелинцев, шла война, решалась судьба страны. Как же они поедут в Америку? Однако времени на такие размышления особо не было. На следующий день в кабинете Михайлова Володя встретил Людмилу Павличенко, которую видел раньше в снайперской школе в Вешняках, и высокого молодого человека — Николая Красавченко. Их отвели к начальнику Управления пропаганды и

агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову, разъяснившему всю важность поездки. И тут же стали поспешно снаряжать в дорогу: за несколько часов подогнали по Володе и Людмиле военную форму из генеральского магазина, перешив на нее их лейтенантские знаки различия, дали в придачу великолепные гражданские костюмы, белье, пальто и обувь, какие им и не снились, снабдили запасом деликатесов, чтобы удивляли капиталистов, и немалой суммой денег, чтоб ни у кого не одалживались.

Вскоре они полетели долгим и сложным маршрутом в обход оккупированных нацистами стран, с многочисленными посадками. Летели через Тегеран, поразивший ослепительными витринами в богатом центре и обилием прилипчивых нищих, через Каир, где тоже были нищие, а еще пирамиды и магазин часов — там Пчелинцев приобрел незаменимую для снайпера вещь: швейцарский хронометр. В Каире члены делегации видели на авиабазе союзников «замысловатые белые шкафы», оказавшиеся обыкновенными холодильниками — их в СССР еще в глаза не видели. На приеме в столице Нигерии представители СССР решили, что чернокожие официанты обслуживают гостей в белых перчатках для того, чтобы не вызывать у тех брезгливости своим цветом кожи. В Аккре — столице Золотого Берега — на приеме у английского генерал-губернатора Володя попробовал странный фрукт, наполнивший его рот «отвратительным вкусом мыла» и вызвавший тошноту. Выплюнуть было невозможно, пришлось глотать. Так он впервые попробовал грейпфрут. Другой «замысловатый фрукт, размером с небольшую дыньку и с кожурой как шкура у крокодила, с шипами и острыми иглами», Володе понравился: его вкус представлял собой «нечто среднее между апельсином и земляникой» — ананас.

Потом — «прыжок через океан» и короткая остановка («даже не верится») в Бразилии, где самолет обкурили от чумы и сунули им в рот «какие-то стеклянные трубочки» — термометры, таких они тоже раньше не видели. Дальше — вдоль побережья. Бразилия, Французская Гвиана, Иль-дю-Дьябль, Суринам, Венесуэла, посадка на острове Тринидад и (они не отрывались от иллюминаторов) Карибское море — сильнейшее впечатление, «поразительный цвет воды». Пуэрто-Рико и, наконец, на одиннадцатые сутки пути, Флорида! На четырнадцатый день пути они оказались в Вашингтоне, где их доставили прямиком в Белый дом, объявив, что советской делегации будет оказана особая честь: они сутки проведут здесь.

Президент был в отъезде, ими занялась лично Элеонора Рузвельт, которая произвела на них большое

впечатление. Прямая, высокая и элегантная, с «грубоватым лицом», на котором резко выделялись морщины, эта женщина была умна, эрудированна и имела вес в обществе не только как жена президента.

На следующее утро у советского посольства делегацию встретила «громадная толпа журналистов и фотокорреспондентов», ослепившая вспышками. Вспышки будут ждать их повсюду, куда бы они ни приехали во время своего турне. Не заставили себя ждать и вопросы журналистов. Публика хотела знать все о советской делегации, особенно о снайперах, особенно о Людмиле.

Слово «снайпер», занявшее свое место в словарях в начале XX века, после Англо-бурской войны, для западного человека содержало неприятный оттенок: снайпер — стрелок, убивавший исподтишка, а не в честном единоборстве.

Теперь у них появилась возможность познакомиться с молодой привлекательной женщиной, убившей из засады более трехсот человек.

29 августа 1942 года многие газеты перепечатали заметку:

«26-летняя лейтенант Людмила Павличенко — очаровательная королева воинов, имеющая самый высокий личный счет среди лучших снайперов Красной армии, вчера сделала две вещи, о которых не могла бы и подумать всего несколько недель назад, когда во время обороны Севастополя она застрелила своего 309 фашиста.

1) Она приехала в Вашингтон, став первой амазонкой Красной армии, посетившей столицу США.

2) Она ночевала в Белом доме в качестве гостьи президента Рузвельта и американской первой леди…

Мисс Павличенко награждена орденом Ленина и имеет четыре ранения»[26].

Она была совсем не похожа на убийцу. Павличенко и Пчелинцеву выпало разрушить целый ряд стереотипов: советские офицеры, коммунисты, снайперы, имеющие на счету сотни жертв, предстали перед американцами совершенно обычными, молодыми и симпатичными, людьми.

Загадочная девушка-снайпер, разумеется, вызвала у публики необычайный интерес.

Как вспоминал Пчелинцев, на долю Павличенко приходились «самые каверзные, а иногда даже неприличные вопросы. Любопытству журналистской братии не было предела». «Красят ли женщины на фронте губы и какую помаду при этом они предпочитают? Какие сигареты курят? Разрешит ли госпожа Павличенко печатать ее портреты на коробках сигарет? Фирма

готова уплатить за это миллион долларов!.. Какое белье предпочитает леди Павличенко и какой цвет ей нравится?..»[27]

Павличенко сначала стушевалась, но ненадолго: за словом она в карман не лезла. На память о той поездке сохранились короткие видеоролики[28], и достаточно посмотреть их пару минут, чтобы понять, что это была за девушка: с тонким красивым лицом и выразительными глазами, бойкая и острая на язык, с характерным южным говором. «Это у нее (общение), прямо скажем, получилось неплохо, гостей и хозяев завораживали ее улыбка и раскованность. Признаться, у нас с Николаем так не получалось…»[29]. — вспоминал Пчелинцев. Павличенко скоро освоилась с тоном нахальных вопросов и от обороны перешла к нападению.

Ей пришлось нелегко. На каждом шагу — непрестанное внимание прессы, вспышки фотоаппаратов, вопросы, внимание к каждой мелочи. Газеты писали, что Павличенко сделала перерыв в выступлениях, когда в Америке ей срочно вставили белый передний зуб вместо золотого: пока шла работа с зубом, она из-за присвиста не могла выступать на радио[30]. Писали о ее коренастой крепкой фигуре, о высоких «русских армейских сапогах», о скромной оливково-зеленой форме. Только, по мнению прессы, форма плохо на ней сидела. Журналисты писали, вызвав возмущение советского посольства, что с длиной юбки что-то не так: будь она покороче, Павличенко казалась бы стройнее. Отмечали невысокий рост советского снайпера и то, что она «плотная», «полноватая». Пчелинцев даже отметил в воспоминаниях о поездке, что с Павличенко злую шутку сыграло пиво, которого они из-за жары пили очень много. «Наша Люда начала полнеть», — писал Пчелинцев. Кто знает, может быть, у советских дипломатов, когда они видели Павличенко в жизни или на фото в газетах, даже возникала тревога. Не усомнится ли придирчивая западная публика в том, что эта полная молодая женщина могла часами ползти по-пластунски и по нескольку дней обходиться без еды: она утверждала, что некоторые из ее поединков с немецкими снайперами длились сутки и больше.

Но восторга по поводу девушки-снайпера было гораздо больше, чем критики и насмешек. Такие, как она, молодые русские сейчас спасали мир от фашизма. Писали о ее очаровательной улыбке, о глазах, сияющих как холодные звезды на красивом лице, цитировали смелые, остроумные ответы на злые вопросы.

«Людмила за словом в карман не лезла, — завидовал Пчелинцев, — не зря училась на историческом факультете». Отвечала смело и ярко, ответы запоминались. На

вопрос о косметике: «Кому придет в голову на войне пудрить нос!»[31] О нижнем белье и длине юбки — что для нее длина юбки не имеет никакого значения, как и наличие или отсутствие под формой шелкового белья. «Это советская форма, и я ношу ее с гордостью»[32]. На вопрос о том, почему она, девушка, выбрала себе такую профессию, она, выступая перед огромной аудиторией в Чикаго, дала ответ, который потом цитировался сотни, тысячи раз: «Джентльмены, мне двадцать пять лет. На фронте я уже успела уничтожить триста девять фашистских захватчиков. Не кажется ли вам, джентльмены, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?!»[33] (Толпа замерла на минуту, а затем взорвалась неистовым шумом одобрения.)

США, Канада, Великобритания. Встречи, митинги, интервью. Турне продолжалось два месяца. По газетным статьям, интервью по радио и телевидению, цитатам из речей, произнесенных Павличенко на очередной встрече с американской, а затем канадской и английской аудиторией, можно было составить представление о героической фронтовой биографии этой женщины.

Теперь тем, кто интересовался ее историей, было известно, что Павличенко 25 лет (на самом деле ей было 26, она родилась 12 июля 1916 года), что старшие классы школы она заканчивала, параллельно работая на заводе шлифовальщицей, занималась планерным спортом и стрельбой в Осоавиахиме и пошла на фронт добровольцем в самом начале войны, хотя ей оставалось закончить всего один курс университета, где она училась на историка.

Счет она открыла в августе 1941 года, обороняя Одессу, там же была дважды контужена и один раз легко ранена. Несмотря на контузии и ранение, Павличенко удалось довести свой личный счет до 187.

После падения Одессы Приморскую армию перебросили на оборону Крыма, и Людмила Павличенко восемь месяцев обороняла Севастополь. Именно под Севастополем имели место наиболее важные эпизоды ее снайперской биографии. Вместе с напарником она разгромила наблюдательный пункт врага, тренировала молодых снайперов, нередко участвовала в дуэлях с немецкими снайперами. Всего вражеских снайперов на счету Павличенко было 36, во время одной из дуэлей она сутки пролежала на одном месте, подстерегая осторожного врага. Когда на рассвете второго дня ей наконец-то удалось заметить и застрелить его, Павличенко вместе с винтовкой забрала у врага снайперскую книжку, из которой явствовало, что тот начал воевать в Дюнкерке и к моменту роковой встречи с русской

девушкой-снайпером на его счету было уже 500 солдат и офицеров противника.

В Севастополе Людмила снова была ранена и контужена (всего у нее было три ранения и четыре контузии) и на подводной лодке вывезена в Новороссийск, где лечилась в госпитале. После госпиталя командование решило, что жизнь Людмилы Павличенко представляет собой слишком большую ценность для того, чтобы рисковать ею, и перевело ее в снайперскую школу обучать новичков.

Восторженным западным аудиториям Людмила Павличенко рассказывала о том, что немцы знали о ее существовании и боялись ее, что они даже приглашали ее через громкоговоритель перейти к ним, обещая сделать офицером и давать ей шоколадные конфеты и пирожные[34], о том, как лежала на одном месте без движения по 15–20 часов (даже зимой), как специально за ней были посланы четверо автоматчиков, которых ей удалось уложить (она принесла в расположение советских войск их документы и четыре автомата), о том, что немцы угрожали разрезать ее на триста девять кусков по количеству застреленных ею врагов[35].

В Америке советская делегация произвела фурор. Для нее пел Поль Робсон, певец Вуди Гатри написал песню о Людмиле Павличенко, а великий Чарли Чаплин, как вспоминала Павличенко, «на виду у всех — бережно усадил меня на диван и принялся целовать мне пальцы. „Просто невероятно, — приговаривал он, — что эта ручка убивала нацистов, косила их сотнями, била без промаха, в упор“»[36].

В Великобритании, где года за полтора до описываемых событий невозможно было бы представить ничего подобного, советскую делегацию, в первую очередь Людмилу Павличенко, ждала не менее восторженная встреча, чем в США и Канаде.

Газета Derby Evening Telegraph писала 6 ноября 1942 года о том, как Людмила Павличенко проинспектировала Отряд местной обороны (Home Guard) в Лондоне: «Одетая в форму снайпера Красной армии, лейтенант Людмила Павличенко сегодня выпрыгнула из машины перед Министерством информации. Она без предисловий проинспектировала выстроенный в ее честь Отряд местной обороны министерства… Промаршировала вдоль строя в своих высоких русских сапогах, то и дело останавливаясь, чтобы схватить чью-то винтовку, оттянуть затвор и заглянуть в ствол.

Когда фотокорреспонденты попросили ее прицелиться, она быстро развернулась в их сторону, прицелившись в ведущего фотографа».

Случалось им, конечно, выступать перед более консервативными и даже враждебно настроенными аудиториями — как, например, в студенческом городке Питтсбургского университета[37]. Но там, где аудитория была рабочая, советских делегатов, особенно девушку, просто носили на руках.

«Девушка-снайпер получает три подарка от британцев», — писала «Нью-Йорк таймс» 23 ноября[38], рассказывая об очередном восторженном приеме, оказанном героине двухтысячной женской аудиторией. Девушка с военного завода подарила героине револьвер, чтобы та била врага. Студентка из Оксфорда — книги по истории, которые пригодятся Павличенко в послевоенной учебе, а домохозяйка — серебряный чайник как символ мирной жизни. Во время этой встречи собрали свыше 350 фунтов стерлингов на медикаменты и перевязочный материал для России. Воспитанники из дома детей-инвалидов, не имея денег, пожертвовали свою коллекцию редких бабочек.

Безусловно, многие все же сомневались, не аморально ли восхищаться снайпером, пусть даже этот снайпер — молодая и необыкновенно смелая женщина. Но вот в чем в чем, а в правдивости ее историй сомнений не возникало. Такой был момент, что ни в СССР, ни на Западе никто не задавал вопросов. А теперь они напрашиваются сами собой, подсказанные простой логикой и той информацией, которая есть у нас сегодня[39].

В октябрьском номере за 1942 год канадский молодежный журнал New Advance опубликовал статью Джесси Стори, делегата студенческой ассамблеи. Рассказывая читателям о советской делегации, Стори писал: «Какая выдающаяся женщина — лейтенант Красной армии Л. Павличенко! Я открыл для себя интересный факт, помогающий глубже понять ее антифашистский характер, за завтраком в Белом доме, где госпожа Рузвельт принимала канадскую делегацию. Мы находились в гостиной, непринужденно беседуя с госпожой Рузвельт, когда она вдруг сказала, что накануне принимала здесь же советскую делегацию. Один из вопросов Людмиле, который задала ей миссис Рузвельт, был: „Как ей, женщине, удавалось стрелять в немцев, видя их лица в момент прицеливания? Американским женщинам трудно понять это!“ Лейтенант Павличенко коротко ответила: „Я видела собственными глазами, как погибли мой муж и мой ребенок… Я — находилась рядом…“».

История цитируется здесь по воспоминаниям Пчелинцева[40]. Знал ли Пчелинцев, что это неправда? Рассказ Павличенко другому западному корреспонденту, уже после войны, о том, что у нее недавно родился сын, тоже далек от истины. Сыну Павличенко Ростиславу в 1946 году было уже 14 лет. Людмила

родила мальчика в шестнадцать лет, брак со студентом Алексеем Павличенко, который был старше ее, сразу же распался. Из-за этой истории семье пришлось переехать из городка Белая Церковь, где все были на виду, в Киев. Растила мальчика бабушка, позволив Людмиле работать, учиться и воевать. Биографы Павличенко никогда и нигде не упоминают о Ростиславе Алексеевиче Павличенко, прожившем жизнь в тени знаменитой матери; он не вписывается в стройную биографию девушки-снайпера[41]. И даже в путеводителе по Новодевичьему кладбищу, где Ростислав Павличенко похоронен рядом с матерью, не указано, кем он ей приходился[42].

Русские суеверны. Они считают: соврал, что болен, непременно заболеешь. А уж на тему смерти никому и в голову не придет выдумывать. Американский журналист мог допустить неточность, или Пчелинцев неправильно понял его. Но большие сомнения вызывают и многие другие заявления и истории Людмилы Павличенко.

Как быть с рассказом о трехсотом немце, которого она сама себе подарила на день рождения? День рождения у Людмилы Павличенко 12 июля; Севастополь был захвачен немцами еще в конце июня, а 3 июля об этом оповестила сводка Информбюро. Согласно источникам, Павличенко эвакуировали с тяжелым ранением, — но с середины июня раненых из Севастополя уже не эвакуировали. Сама Павличенко в воспоминаниях, которые увидели свет почему-то лишь в 2015 году, упомянула, что была эвакуирована из Севастополя 22 июня[43]. И если все же она и биографы спутали дату ее ранения и эвакуации и 12 июля она «подарила себе» трехсотого врага, то когда же успела убить еще девять? Ведь если верить рассказам Павличенко, немецкие агитаторы кричали по громкоговорителю[44], что разрежут ее на 309 кусков. («То есть знали мой счет!» — утверждала она.) Получается, она оставалась на фронте и после дня рождения, достаточно долго для того, чтобы немцы успели разведать ее счет? Но где это происходило, если Севастополь давно уже пал?

Слава пришла к Людмиле Павличенко внезапно и лишь после того, как ее личный счет исчислялся уже почти двумя сотнями врагов. Честно говоря, история, рассказанная в самой первой публикации о Павличенко в центральной советской прессе, странная. Статья представляла собой письмо некоего сержанта Григорова, который вдруг решил поведать стране о подвигах снайпера, имевшего самый большой личный счет из всех советских снайперов. Почему не прислали корреспондента раньше? В воспоминаниях Людмила Павличенко объясняет это тем, что толком в то время никто не знал, что это за фронтовая

профессия — снайпер, а также ссылается на то, что снайперы — не очень веселые и разговорчивые люди, в отличие, например, от пулеметчиков: о пулеметчице Нине Ониловой из ее полка писали много[45].

Сержант Григоров описал в письме такой случай. Людмила засекла немецкого наблюдателя, спрятавшегося в кустах, и стала его караулить. Наблюдатель был опытный, и поймать его в прицел было сложно. Снайпер ждала. Сначала немец показывал ей надетую на палку каску, однако «зоркая комсомолка» не поддалась на провокацию. После этого «по тропинке вдруг прошла домашняя кошка. Это было необычно. Неопытный стрелок мог бы отвлечься и начать глазеть на кошку, а наблюдатель тем временем сделал бы свое дело». Стоит ли говорить, что комсомолка не поддалась и на провокацию с использованием кошки? Но на этом история не закончилась. Появилась… «забавная собака, которая становилась на задние лапы». Однако и собака не отвлекла снайпера. (Удивительный и единственный в своем роде случай применения кошек и собак против снайпера.) Наконец «прямо из-под земли выросло искусно сделанное чучело фашистского солдата… в полной форме, с винтовкой. Это было уже интереснее: само по себе чучело выпрыгнуть не могло, — его мог поднять только человек. Значит, немец именно здесь. Значит, он сейчас появится». Наконец блеснул бинокль, и Павличенко «плавно нажала на спусковой крючок». Немец «клюнул носом и покатился вниз»[46].

Российский историк Олег Каминский первым провел серьезное исследование, проверив правдивость историй о девушке-суперснайпере. Он нашел странные моменты уже в рассказах о самом начале ее фронтового пути. В рассказе Павличенко о боях в Одессе приводится совершенно другой район, чем тот, в котором, согласно документам, вел бои ее полк. Как пишет Людмила Павличенко, командарм Иван Ефимович Петров лично приказал ей набрать взвод снайперов и руководить им[47]. Однако в 1941 и 1942 годах в Красной армии еще не было снайперских взводов. Кроме того, свою фронтовую карьеру Павличенко закончила в звании старшего сержанта, так что командовать могла разве что отделением. Рассказывала Павличенко и о том, что немцы однажды бросили против ее взвода целый взвод своих снайперов и состоялся поединок стрелков советского и немецкого взводов[48]. Это неправдоподобно: у немцев и снайперов-одиночек тогда было мало, а уж о целых их взводах не могло быть и речи.

Решив разгадать загадку Людмилы Павличенко, Каминский обратился к наградным листам ее части и сделал удивительное

открытие: «застрелившая 187 фашистов» Павличенко даже не была награждена за бои под Одессой. Как это может быть, ведь награждали для поднятия боевого духа не только отличившихся чем-либо солдат, но и поваров, и писарей, и артистов фронтовой бригады? А снайперам давали медаль за 10 убитых или раненых врагов и орден — за 20. Счет, доведенный до 75, гарантировал звание Героя Советского Союза. Почему не награждали Павличенко? Во время обороны Севастополя она довела свой счет до 260 всего за полгода. За это она наконец получила почему-то лишь медаль «За боевые заслуги», а первый орден — лишь намного позже, когда после падения Севастополя лечилась в госпитале. В воспоминаниях Павличенко упоминает награждение Нины Ониловой, которое, по ее словам, совершенно не вызвало у нее зависти: ведь главным было то, что уничтоженные и ею, и Ниной враги уже никогда не будут воевать. Что касается Владимира Пчелинцева, воевавшего одновременно с Павличенко на другом фронте и имевшего счет в два раза меньше ее, Павличенко объясняет его успехи (звание старшего лейтенанта и звезду Героя Советского Союза) тем, что он был мужчина и умел, в отличие от нее самой, подладиться к начальству.

Почему эта женщина, о которой до падения Севастополя никто ничего не знал, так стремительно стала знаменитой? Из-за того, что наверху, сначала не обратив внимания на ее невиданные боевые успехи, вдруг опомнились? Более вероятно другое объяснение. Оборона Севастополя, история которой полна примеров истинного героизма, окончилась катастрофой. Приморская армия, о которой Людмила Павличенко не упоминала в своих интервью, после Севастополя прекратила существование, от нее ничего не осталось. Прижатые немцами к морю, люди отчаянно сопротивлялись, ожидая, что вот-вот подойдет помощь, что их эвакуируют на кораблях. Но помощь не пришла. Горстке людей удалось пробиться в горы. Более ста тысяч было ранено, погибло, оказалось в плену. Эта катастрофа, уже не первая за год войны, еще больше подорвала моральный дух армии и народа. Нужны были героические примеры, в том числе женские, ведь именно в этот момент руководство страны, видя невозможность полностью компенсировать понесенные армией колоссальные потери, приняло решение о массовом привлечении в армию женщин[49]. Чтобы придать имени Павличенко больше веса и блеска, 16 июля 1942 года ее наконец наградили орденом Ленина — но все равно не «Золотой Звездой»! Звание Героя Советского Союза ей дали уже после турне по США и Англии.

Если верить биографам, Павличенко эвакуировали из

Севастополя (на подводной лодке!) из-за тяжелого ранения в лицо — как она сама писала, в скулу[50], но почему на фотографиях заграничного турне, сделанных всего через пару месяцев, мы не видим на ее гладком молодом лице ни одного шрама? Почему нигде не прочитаешь рассказов однополчан о Людмиле Павличенко? Да, почти все погибли, но хоть кто-то должен был уцелеть из тех, кто был с ней вместе в бою? Воевавшие в Приморской армии, даже в том полку, где она служила, пишут о героической разведчице Марии Байде[51], о Нине Ониловой[52], награжденной двумя орденами Красного Знамени и, посмертно, звездой Героя, о Зое Медведевой[53], вслед за Ониловой ставшей отличной пулеметчицей, о разведчице Аннушке, попавшей в плен и прошедшей немецкие застенки[54], но Павличенко не упоминают. Более того, если верить биографу Павличенко, именно опубликование во второй половине 1970-х годов мемуаров участников обороны Одессы и Севастополя подвигло ее начать работу над собственными воспоминаниями[55] — не потому ли, что в воспоминаниях командиров и однополчан она нигде не фигурирует?

Почему во время турне по Америке Павличенко почти никогда не демонстрировала свою стрельбу? В воспоминаниях Пчелинцев пишет, что, куда бы они ни приехали, людям не терпелось посмотреть на них с Людмилой в деле, увидеть, как стреляют красные снайперы. Им везде дарили оружие, на всех военных заводах, поставлявших оружие СССР, уговаривали пострелять. Но делал это всегда, причем очень охотно, Пчелинцев — он был стрелок от Бога, увлекался снайперским делом еще до войны. Упоминая о том, что на всех военных заводах им подсовывали оружие, чтобы они показали свое искусство, Пчелинцев рассказывает об одном таком дне: «Однажды в Вашингтоне ситуация сложилась так, что отшутиться не удалось, и стало понятно, что одному из нас придется защищая „честь мундира“… Конечно, корреспондентам хотелось, чтобы свое искусство продемонстрировала Людмила. Не без труда удалось убедить, что это сподручнее сделать мне»[56]. О том, что Людмила тоже стреляла во время визита, Пчелинцев упоминает всего один раз, отзываясь о ее стрельбе как о «бесшабашной»[57].

Все эти вопросы, думаю, навсегда останутся без ответа. Как будто мало путаницы, которую создала сама Людмила Павличенко, в дело включились и биографы, упоминающие даже ее снайперскую книжку. Если такая книжка и существует, она поддельная: в Красной армии снайперские книжки появились только в 1943 году, когда Павличенко уже закончила снайперскую карьеру.

Уже упомянутые воспоминания Павличенко читаются как роман. Молодая женщина до войны закончила в Киеве снайперскую школу Осоавиахима, придя туда после стрелкового кружка на своем заводе (после первого опыта в стрельбе руководитель кружка заявил ей, что у нее редкие врожденные способности)[58]. Ушла на фронт добровольцем и скоро доказала, что является прекрасным снайпером. То со взводом, то с напарником, то вообще одна она не только «охотилась» на нейтральной полосе, но и уходила далеко в тыл врага, уничтожая солдат и офицеров, штабы, вражеских снайперов. Почти каждый рассказ об очередной удачной «охоте» заканчивается описанием: снайпер Павличенко, одна или с товарищами, обыскивает тела убитых врагов и помещения и забирает трофеи, как будто совсем не боясь того, что кто-то здесь остался в живых или немцы пришлют подмогу[59]. В рассказах о действиях других снайперов таких историй, как правило, не найдешь — как и рассказов о том, что, инспектируя тела мертвых врагов, женщина-снайпер определяла «своих» — убитых в переносицу или в висок[60].

Отношения с сильными мира сего играют в книге большую роль. Если верить воспоминаниям, Павличенко пользовалась большим расположением командующего армией Петрова: тот подарил ей именную снайперскую винтовку и назначил командовать взводом[61]. Да что там Петров, Павличенко с другими делегатами напутствовал перед поездкой по Америке лично товарищ Сталин (о чем другие участники по какой-то причине не упоминают). На его вопрос, чего им не хватает для поездки, Павличенко ответила, что ей бы нужен учебник английского языка и словарь: ведь она должна «таких союзников, как и врагов, знать в лицо»[62]. Видимо, полученные от «великого человека» книги помогли: в воспоминаниях Людмила Павличенко пишет, что нередко говорила в поездке на английском[63] (об этом умолчали все корреспонденты, и западные, и советские!). Никак не обойтись без английского ей было и при близком общении с первой американской леди. В воспоминаниях Павличенко рассказывает о том, как свалилась в воду, катаясь на лодке по пруду в поместье Рузвельтов, куда делегацию пригласили в знак особого расположения. Пригласив ее к себе в спальню, Элеонора Рузвельт собственноручно обрезала и подшила для нее свою пижаму, пока Павличенко принимала душ и сушила одежду (почему-то Людмиле не во что было переодеться), и сам президент, приехавший в инвалидном кресле на половину дома жены, так как та опаздывала к обеду, нашел двух женщин за непринужденной беседой. При виде его русская снайпер вскочила, придерживая на бедрах полотенце, и

выпалила: «Прошу прощения, господин Рузвельт!»[64] Стоит ли говорить, что по возвращении знаменитая снайпер снова оказалась — на этот раз уже одна — в кабинете Сталина? Приглашена она была как человек, знакомый с четой Рузвельт («Расскажите, что они за люди…» — попросил Людмилу Верховный главнокомандующий, сделав глубокую затяжку)[65]. Когда в конце разговора Людмила Павличенко попросилась снова на передовую, вождь взял карандаш и произвел на бумаге вычисления, показав снайперу, что, оставшись в тылу и обучая новых бойцов, она принесет своей стране намного больше пользы.

После войны Людмила Павличенко окончила Киевский университет, но историком не стала. Не стала и инструктором стрелкового дела. Работала в Главном штабе ВМФ, затем — в Комитете ветеранов войны, не показав себя с какой-либо выдающейся стороны. Она непрерывно курила и, поговаривали, пила[66].

Приходя в гости к подруге, Людмила Михайловна иногда рассказывала ее сыну-школьнику истории о войне, в том числе одну, неизменно его ужасавшую. Устраивая себе снайперскую позицию, где она могла бы хорошо замаскироваться, снайпер Павличенко иногда ползала по полю боя и стаскивала в кучу трупы, затем устраивалась за ними. Иногда чья-то мертвая рука сползала ей на лицо, и Павличенко поправляла ее[67]. Стоит ли комментировать?

Все архивы Приморской армии, где служила Людмила Павличенко, погибли вместе с армией. Никаких документов, подтверждавших счет Павличенко или то, что она числилась в полку снайпером, не сохранилось. Все, что мы знаем о ней, известно с ее собственных слов, и истории эти полны противоречий.

Можно было бы анализировать и другие рассказы самой известной советской женщины-снайпера, но лучше рассказать о других снайперах. О тех, которые значатся в документах своих дивизий, в списках с цифрами напротив их фамилий: единицами, реже двойками. О тех, кто не ходил на нейтральную полосу, не лазил на деревья, не совершал рейдов во вражеский тыл. Кто, заняв свое место в траншее у амбразуры перед рассветом, часами через бинокли и прицелы всматривался слезящимися глазами в немецкий передний край, карауля врага — не десяток, а лишь одного, одну жертву. И жертва стоила долгих часов ожидания, мороза или жары, дождя или палящего солнца, жажды и голода. «Убей немца», — требовала от них строками великого Ильи Эренбурга советская пропаганда. Другого пути спасти свою

страну и вернуться к мирной женской жизни они не видели.

Глава 3
«Она видите из какой семьи? А нас много!»

К осени 1943 года снайпер Волховского фронта Лида Ларионова имела на счету всего одного убитого немца, хотя и стала уже бывалым солдатом. Эта черноволосая и скуластая восемнадцатилетняя северянка была одной из сотен девушек, обученных на снайперских курсах «без отрыва от производства», прямо на фронте. Больше всего таких было на Ленинградском и Волховском фронтах: ситуация до весны 1943 года там часто была статичной, учись — не хочу. Именно в условиях такой статичной, позиционной войны, когда обе стороны, копя силы, стоят в обороне, снайперы начинают играть большую роль. Они не дают солдатам противника покоя, держа их в постоянном напряжении: те не могут поднять голову над бруствером траншеи, боятся перебежать открытый участок. Не нанося противнику большого урона (потери от огня снайперов не так велики), снайперы психологически изматывают его солдат, заставляют офицеров прятать погоны и надевать солдатские гимнастерки: на простого солдата снайпер может и не разменяться.

Снайперское движение в Красной армии началось в самые горькие дни войны, осенью 1941-го, на Ленинградском фронте. Оно не было спущено сверху, пошло от тех стрелков, которые, как Владимир Пчелинцев, занимались стрельбой еще до войны и теперь имели возможность хоть в чем-то насолить немцам, взявшим Ленинград и его защитников в безжалостное кольцо. Вскоре движение оценили в верхах, началась большая кампания и в прессе, и в войсках. Профессия становилась модной.

Владимир Пчелинцев, как считается, стоял у истоков движения. Через год после того, как под Невской Дубровкой он открыл свой боевой счет, в Нью-Йорке Пчелинцев вспомнил осенний день 1941-го и «срывающийся тихий голос комбата: „Давай!“ До немецкого солдата, вышедшего к Неве с ведром за водой, было 400–450 метров — расстояние, с которого на снайперском полигоне Володя бил без промаха. А теперь, когда он поймал на мушку подошедшего к воде немца, руки у него дрожали. И вдруг он „понял, отчетливо понял, в чем дело — сейчас, на глазах у всех, убью человека“. Приказав себе отбросить сентиментальность и вспомнить убитых и раненых советских людей, которых он столько повидал с начала войны, Пчелинцев

выстрелил[68]. К упавшему немцу кинулся второй, и комбат уже орал во весь голос: „Давай второго! Слышишь, Пчелинцев, второго, говорю, бей!“ Вскоре Володя стал популярной личностью, в части появились корреспонденты. Письмо Пчелинцева снайперу Вежливцеву — вызов на соревнование — и ответ Вежливцева напечатали во фронтовой газете. Включились другие снайперы. Стали писать о социалистическом соревновании снайперов (в СССР социалистические соревнования были очень популярны в любой сфере жизни). Снайперы делились опытом, рассказывали свои истории. Фронтовые газеты перепечатывали материалы друг друга. Центральные газеты перепечатывали материалы фронтовых. Движение росло. Начали проводить слеты снайперов.

„Пока немецкая армия до 1940 года продолжала использовать старые довоенные оптические прицелы, Красная армия развивала современное снайперское оружие и готовила огромное количество снайперов. Русские снайперы действовали в одиночку, командами из снайпера и наблюдателя, снайперскими парами или даже целыми отрядами, в которых было до шестидесяти снайперов“[69]. По мнению немецкого снайпера — автора этого отрывка, его русские коллеги доставляли немцам много беспокойства еще в самом начале войны, а уж в 1942 году, когда война приобрела более статичный характер, стали настоящей бедой. Автор сильно преувеличил, однако цитата свидетельствует о страхе перед советскими снайперами.

С развитием снайперского движения меткие стрелки — а их, благодаря Осоавиахиму, было в армии немало — увидели, что могут играть на войне не менее важную роль и стать армейской элитой, не хуже чем летчики и танкисты: им обеспечена поддержка, дело только за снайперской винтовкой (наибольшей популярностью пользовалась винтовка Мосина с четырехкратно увеличивавшим оптическим прицелом).

В конце 1941-го наконец получила свой шанс „работать по специальности“ на войне 48-летняя ленинградка Нина Петрова. На фронт она, инструктор по физкультуре и спорту общества „Спартак“, мастер спорта, тренировавшая ворошиловских стрелков, пошла санитаркой: больше ни в каком качестве не брали и вообще долго не хотели брать в армию из-за возраста. А Петрова, оказавшись вблизи передовой, защищая родной город, ждала возможности доказать, что, хотя ей уже под пятьдесят, она, собиравшая до войны толпы зрителей в тирах, должна быть на войне только снайпером и больше никем.

Наконец ей попала в руки снайперская винтовка, и командир разрешил „в свободное время“ — сколько его у санитарки в

медсанбате? — „охотиться“. Вот когда командиры поняли, что за человек имеется в их распоряжении. С этого момента и до своей гибели Петрова обучала солдат снайперскому делу на фронтовых курсах, водила их стрелять на передовую и, конечно, „охотилась“ сама[70].

Тысячи простых солдат, не учившихся до войны стрельбе в Осоавиахиме, учились на фронте и мечтали о снайперских винтовках, выпуск которых наращивали всю войну. Освоила эту профессию и Лида Ларионова, простая деревенская девушка, до недавних пор и не слышавшая слова „снайпер“. Ни десятилетку, ни снайперскую школу она не заканчивала и о таких сложных предметах, как баллистика, не имела никакого понятия. Выучилась, как и ученики Нины Петровой, на фронтовых курсах.

Лиду призвали в армию в сентябре 1942 года. Ее большая деревня, в 30 километрах от поселка Бабаево Вологодской области, была очень бедной — как бывают только деревни на севере. Ничего, кроме картошки и брюквы, в доме не было. Хлеба — ни кусочка, он давно уже стал деликатесом. Провожая Лиду, мама сварила ей на дорогу картошку в мундире, дала еще с собой сушеной картошки и сушеной брюквы — их заготавливали и сдавали на фронт как налог. Все это мать завязала в платок и положила узелок в корзинку вместе с Лидиным единственным приличным платьем. Больше положить было нечего[71]. Младшая сестра Лиды Афанасия, Фая, еще подросток, пошла провожать сестру в военкомат, в большой поселок Бабаево — 30 километров пешком. В Бабаеве ждала тетка, она пошла с девчонками в военкомат и по дороге плакала. Фая никак не могла понять этих слез, уверенная, что война долго не продлится и Лида вернется героиней» Вообще-то она сестре завидовала.

Попасть на фронт Фая тоже отчаянно хотела, но по возрасту ей было рано. Зато она годилась на трудовой фронт. Бабаево попало в прифронтовую полосу, и Фаю, которой было всего четырнадцать лет, вместе с другими подростками забрали на работу — помогать фронту. Фая любила учиться, но с этим пришлось подождать. Подростков отправили на рубку и перевозку дров, которыми отапливали маленькие паровозы, обслуживавшие фронт. Кочегарили на паровозах тоже подростки. Спали они на полу, кормили так плохо, что истощенные мальчишки и девчонки быстро выбивались из сил. Выдавали иногда черное мыло, которым они мыли только волосы: на тело мыла жалели, мылись овсяной мукой. У Фаи были валенки, но все залатанные, дырявые. Бомбили страшно, и под бомбежкой лошади кидались бежать сломя голову. Запомнилась ей одна бомбежка, когда, лежа на

земле в березках, она все говорила про себя: «Господи пронеси!» Молитв не знала, а то бы помолилась. Наводили ужас волки, которых в тот год было очень много. Лошади, почуяв волка, несли как сумасшедшие, и сердце у подростка леденело от ужаса. Фая ненавидела волков больше, чем немцев. Немцы, когда она их увидела вблизи, вызывали скорее жалость: в Бабаеве было видимо-невидимо пленных в тот первый год войны — совершенно не готовых к русской зиме, «в тонких шинелях и шапочках», истощенных, больных. Дети носили им клюкву — немцам она нужна была от цинги, и они давали за клюкву табак. Как принесут дети клюквы, немцы вставали в очередь, спокойно, без давки. Многие из них остались здесь же, на большом немецком кладбище рядом с Бабаевом[72].

В день отъезда в армию в военкомате вместе с Лидой ожидали отправки девушки из окрестных деревень, Бабаева и даже из Борисова, до которого было 50 километров. Объявили, что отправляют в Вологду, где они пройдут обучение на санитарок. Попав на Волховский фронт, где в тот момент было затишье, Лида быстро освоилась с обстановкой и со своей новой ролью. Раненых было немного, оставалось время на самодеятельность и танцы. Молодой гармонист хорошо играл — главную песню «Катюша» и, конечно, недавно появившиеся «Землянку» и «Синий платочек». Лида стеснялась: городские девчонки умели танцевать любые танцы, а она — только «русскую», чувствовала себя деревенщиной.

Пользуясь затишьем, с солдатами вели много политической работы и открыли разные курсы, обучая новым военным специальностям. Популярнее всего были пулеметчики и снайперы, Лиде тоже захотелось освоить какую-нибудь специальность. Она попросилась на курсы снайперов, и ее взяли. Учили недолго, но на совесть. Начали со строевой подготовки. Лиде запомнилось, как требовали в строю запевать, но все были усталые и петь никто не хотел. В наказание гоняли бегом, и тогда уж кто-то заводил песню. Бегом вообще погоняли изрядно, даже через скакалку прыгали. Но главным, конечно, была стрельба: было тепло, май, а они, еще в шинелях, стреляли и лежа, и стоя. Метрах в ста или в двухстах ставили мишень, часто давали движущиеся, по которым стрелять было еще сложнее — тут надо высчитывать угол и скорость. У Лиды сначала дела со стрельбой шли не очень, но за нее взялся, узнав, что они земляки, молодой командир (очень симпатичный, думала Лида, только неизвестно было, женатый или нет). «Землячка, я тебя научу, чтоб муху в глаз била», — заверил он и действительно начал с ней заниматься, выведя Лиду в число лучших стрелков[73].

Вместе с Лидой училась на курсах Аня Шеинова, тоже санитарка, и вместе они начали ходить на «охоту», каждый день высматривая, но боясь выстрелить. Наконец Лида открыла счет.

Этот немец ей дался тяжело. Лида, как учили на курсах, целилась в голову: расстояние было небольшое — это с большого расстояния, чтобы не промахнуться, лучше бить в грудь. Немец был молодой. «Вижу — бухнулся», — вспоминала через много десятков лет Лидия Наумовна Ларионова. В ужасе девушка выскочила из траншеи и бросилась бежать к себе в санроту. «Я человека убила!!!» — кричала она, прибежав туда. Сержант, отправивший их с Аней на позицию, рассмеялся и надвинул ей на глаза пилотку. «Ты врага убила», — говорили санитарки, поздравляя ее, но Лида ревела, никак не могла успокоиться.

Домой Лида писала, что одета тепло — в новый полушубок, валенки и ватные штаны, что кормят их хорошо. Фае, оборванной и голодной, казалось, что сестра вытащила счастливый билет. Пока не было боев, Лиде и ее подругам удалось даже сделать в каком-то городке химическую завивку. Потом — наступление, и, когда соединились Ленинградский и Волховский фронты, «тут уже стало не до завивки». В наступлении Лида снова стала санитаркой. Ей и Ане Шеиновой довелось воевать в Мясном Бору — деревне со зловещим названием, где летом 1942 года погибла 2-я ударная армия. А Лида была с теми, кто освобождал Мясной Бор в 1943-м. Ей запомнились совсем молодые ребята — 1926 года рождения, их начали призывать в 1943-м. Когда освобождали Мясной Бор, эту молодежь только-только прислали и они «все там и остались», погибли.

Лида была благодарна командирам, «не совавшим в кашу» женщин. Была бы все время на передовой — не вернулась бы с войны. Идти в атаку с пехотой — верная смерть. Артиллерист Николай Никулин, воевавший где-то рядом с ней, записал о такой же, как она, девчонке-снайпере, погибшей в наступлении: «Бежим дальше. Перекресток траншей. Из ямы испуганный голос: „Бегите, бегите быстрей! Здесь простреливается!!“ Еще дальше. Выбиваемся из сил, сбавляем шаг. В траншее труп без ног, с красными обрубками вместо колен. Волосы длинные, лицо знакомое. „Да ведь это снайперша из соседней роты. Та, что пела в самодеятельности! Эх!“ — бросает на бегу передний и перепрыгивает через тело»[74].

«Будете принимать раненых», — приказали Лиде и Ане Шеиновой во время боев у какой-то станции в Новгородской области. Аня, которая считала себя снайпером, заявила: «Я уйду на передовую» — и ушла. Никто ее за это потом не наказывал. А

Лида была дисциплинированная и приказы не обсуждала. Пришлось ей на войне и стрелять, и заниматься ранеными, и форсировать вплавь реку Великую, и лежать под такой бомбежкой (где-то в Литве), что сутки нельзя было головы поднять — все лежали и лежали в снегу, чуть не целый день. Наверное, второй немец дался бы ей легче, чем первый, но больше она снайперской работой не занималась. И не надо мне, считала Лида, не мое это дело — убивать.

Советское военное руководство думало по-другому и уже в мае 1943 года приняло решение о массовом обучении девушек на снайперов в специальной школе[75].

Анюту забрали в армию летом 1943 года. Принесли повестку, и прятаться, как некоторые знакомые девчонки, она не стала. Почему призвали ее, а других — нет, она точно не знала, однако, видя, что не прислали повестку Ларисе — дочке директора Заготзерна, сделала определенные выводы. «Она видите из какой семьи, — сказала Аня сама себе. — А нас, видите, много…»

В военкомате, куда она пришла с подругой из своего села — Семанщины Пензенской области, им объяснили о недавнем призыве ЦК комсомола, адресованном девушкам, и дали понять, что хоть и получили они повестки, но все равно могут считать себя добровольцами. Так и написали в бумагах. И так всю жизнь Аня и называла себя добровольцем.

Аня Мулатова окончила в Семанщине девять классов и очень хотела идти в десятый, любила учиться, но школу забрали под госпиталь. Аня с одноклассниками помогали вытаскивать из школы парты, стол учителя и глобус — вот и все оборудование. А немцы уже были под Москвой. Вскоре в школе разместили раненых, и некоторое время на станции даже стоял вагон с ранеными, которых негде было разместить. Аня с подругами ходила читать раненым письма и петь песни, и санитарам девчонки помогали чем могли. Раненых (много было «страшных, тяжелых») очень подбадривали эти посещения.

Аня здорово и с удовольствием пела. У нее было простое лицо с небольшими зелеными глазами и нос не сказать чтобы тоненький, но она была высокая и статная, с густыми-густыми каштановыми вьющимися волосами, которые скручивала в локоны, белокожая и с румянцем во всю щеку. Многие засматривались. Как и у других девчонок, у нее был «свой» подшефный раненый, москвич Володя Шевелев. Какое-то время потом она с ним переписывалась и, когда ее отправили в снайперскую школу, ездила в Москву навестить его мать и

тетку[76].

Потом раненых уже не было, но школу так и не открыли, и Аня работала в колхозе счетоводом, помогала семье. От голода спасла семью не она, а сестра Лиза, работавшая в конторе Заготзерно. Лиза выписывала какое-то количество отходов, жмыха, на корм птице и часть брала домой. Дома отходы просеивали, толкли в деревянной ступе и пекли лепешки. Этими лепешками да еще своей картошкой и тыквой в основном и кормились.

Сильнее всех страдал от голода младший брат Володя, подросток, мечтавший: «Мама, я стану летчиком и целый мешок тебе сброшу!» — слышал, что летчики сбрасывают продовольствие тем, кто в нем нуждается…

Уходя в армию, долгих проводов Аня не запомнила. Маминых слез не было, в суматохе все прошло как-то незаметно. Что дочь берут снайпером, мама не знала, да если бы и знала, ничего бы не поняла: она была неграмотная и газет не читала. Дел было навалом, не до слез. О дочери она начала беспокоиться только позже, получая с фронта ее письма. «Милая мама, сейчас ночь, я стою в траншее. Я так скучаю по теплой, мягкой постели».

Узнав, что едет в снайперскую школу, Аня не обрадовалась и не огорчилась. Снайпером так снайпером: что это за профессия, она толком не знала. Думала — что будет, то и будет, что дадут, то и дадут. Могла бы и в связисты. Единственное, не хотела идти в санитарки, боялась крови.

В Центральную женскую школу снайперской подготовки, которую на базе снайперских курсов открыли в подмосковных Вешняках, ехали девушки со всей страны. Среди них было очень много убежденных патриоток, многие, как Клава Пантелеева, приписали себе лишний год, чтобы попасть в армию. Многие, как Тоня Котлярова, проводили на фронт мужей, с которыми только перед войной поженились, и хотели попасть на фронт, чтобы быть к ним ближе. Но большинство девушек были мобилизованы, и выбора у них не было.

Добровольцем по необходимости была Калерия Петрова. Уже началась война, когда она закончила школу в рабочем поселке Лунино под Пензой. Хотела стать учительницей немецкого языка, как мама, но война диктовала свои правила. Главной задачей стало не умереть с голоду, и Каля решила пока что поработать на военном заводе, где давали приличные пайки. Там видно будет. Отец и сестра уже были на фронте, мама, чтобы прокормиться, продавала вещи.

Пайки на заводе действительно давали, но в остальном жизнь

адская. Кормили очень плохо, а из продуктов, выданных по карточкам, тетка, у которой Каля поселилась в Пензе, готовить для нее не хотела. Выходных почти не было, и, когда вдруг давали выходной, Калина мама лезла из кожи вон, чтобы как следует накормить дочь. Наевшись до отвала, Каля каталась по полу от страшной боли в животе. Другим девчонкам — только они и работали на заводе — было не легче, но Каля не выдержала одной из первых. Через год взяла и сбежала. Мать была в ужасе: у «органов» имелись и раньше вопросы к их семье. Сама она была купеческой дочерью, муж — прапорщик царской армии, и в тридцатых годах обоих частенько вызывали, допрашивали. Жили в постоянном страхе. Что будет теперь, Калина мать даже не представляла: работающие на военных заводах приравнивались к мобилизованным, бросить завод было равносильно дезертирству. Каля знала, что знакомая девушка за аналогичный поступок попала в тюрьму. Но она больше не могла. Выход нашла мама: пошла к бывшему ученику, теперь работавшему в военкомате, и попросила, чтобы дочь взяли добровольцем. Каля Петрова, не имевшая никакого представления о стрельбе и ни малейшего интереса к этому виду спорта, отправилась учиться на снайпера[77].

«За годы войны ЦК ВЛКСМ провел 73 мобилизации молодежи. Из 800 тыс. направленных им в Вооруженные силы 400 тыс. составляли девушки»[78], — заявляют официальные публикации. Теперь мы знаем, что многие из этих девушек не были добровольцами. Это не умаляет их заслуги перед страной. Не каждой женщине по плечу воевать на фронте наравне с мужчинами. Многие из тех, кого в те годы призвали и отправили воевать связистками, снайперами или зенитчицами, могли больше пользы принести в тылу. Кто знает, сколько деревенских детей во время войны не учились в школах — из-за того, что не было в деревнях учителей?

Клавдии Ивановне Шило, которая в 1942 году была девочкой-школьницей, одной из шести детей в семье, которых в страшной нужде в одиночку растила мать, всю жизнь «сверлил душу» день 2 февраля 1942 года, когда провожали на фронт ее любимую учительницу Любовь Александровну. Молоденькая учительница успела эвакуироваться из Курска до прихода немцев, оставив в оккупации маму и сестер. Как-то прямо на уроке, не в силах справиться с тоской, она в слезах положила руку Клаве на голову и сказала, что такая же ее сестричка «осталась у немцев». Вскоре учительницу призвали на фронт, и в воскресенье ученики из села Егинсай вышли провожать ее: учительницу везли через село. Мама Клавы, связавшая учительнице теплые варежки, попросила

остановить сани и пригласила Любовь Александровну в дом. В доме горела коптилка, при свете которой мама резала тыкву, чтобы готовить на следующий день. Вокруг стола сидели братья и сестры Клавы и грызли сырую тыкву. Учительница обрадовалась варежкам и горячо благодарила. Поднявшись, чтобы уходить, она протянула руку к куче сырой тыквы и попросила: «Сергеевна, а можно мне вот этого немножко взять?» Мать Клавы зачерпнула из корчаги кружку кваши и дала ей выпить. Завернула с собой кусочек мамалыги, сваренной из кукурузы и зерновых отходов, и насыпала сырой тыквы прямо в новые варежки. Взглянув на ноги учительницы и увидев, что на ногах у той в эту суровую зиму туфли с галошами, женщина залилась слезами. Но дать все равно было нечего. Выйдя провожать, она взяла с собой домотканое рядно и укутала Любови Александровне ноги, а сверху прикрыла сеном. Позже учительница написала им, что попала под Сталинград, и больше писем от нее не было. «Война смела все следы», — вздыхала мать Клавы, вспоминая об учительнице[79].

Глава 4
«Мама, а почему все идут дяди и только одна тетя?»

После нескольких дней в карантине женщины в военной форме — командиры отделений — повели свежеиспеченных курсантов в баню. Пестрая получилась компания: уходя в армию, будущие снайперы взяли из дома одежду похуже, знали, что придется потом бросить. Совершенно не обученные ходить строем девушки были одеты во что попало — на головах платки, на ногах ботинки, или сапоги, или туфли. По мнению Юли Жуковой, напоминали они больше цыганский табор: ряды смешивались, на ходу все громко переговаривались, обмениваясь впечатлениями. Командиров, пытавшихся навести хоть какой-то порядок, никто не слушал[80].

Местные женщины стояли на тротуарах и с жалостью смотрели на колонну будущих снайперов. Кто-то причитал или крестил девушек, большинство стояли молча. Многие девчонки «на ходу срывали с себя шапки, шарфы или варежки и бросали в толпу: не пропадать же добру, пусть люди пользуются». Люди брали. Кто-то из девушек вещи приберег, и правильно: шерстяные носки и варежки уж точно на фронте пригодились. Красный шарф из дома, который Саша Шляхова оставила у себя как талисман, впоследствии, нарушив маскировку, стоил ей жизни…[81] В бане девушек ждала «целая бригада парикмахеров» и военная форма, с которой они, подбирая подходящую по размеру, устроили «настоящий спектакль»[82].

Аня Мулатова попала во второй выпуск Центральной женской школы снайперской подготовки (ЦЖШСП) — он был самым большим, более семисот человек. Первый выпуск в июне 1943-го уехал на фронт, и из него, если верить слухам, уже погиб целый снайперский взвод — 33 девушки утонули на катере на Ладожском озере[83]. Сейчас, летом 1943-го, девушки ехали в ЦЖШСП со всей страны: городские военкоматы отбирали девчонок с отличным зрением, отдавая предпочтение тем, у кого была стрелковая подготовка, и отправляли их в Вешняки группами человек по десять. Не всех приняли по приезде в школу: там была еще одна комиссия. Из двенадцати «здоровых, с зоркими глазами девчат», ехавших из Джамбула вместе с Клавой Логиновой, отобрали в Вешняках только девять. Остальных

отправили учиться на другие специальности. Девчонки расстроились: они как раз для снайперской школы были отобраны не случайно, все были активными комсомолками и имели стрелковую подготовку[84].

Школу открыли на базе снайперских курсов в мае 1943 года в Вешняках под Москвой. Однако там не было подходящего полигона, где они могли бы обучаться маскировке и стрельбе, поэтому пришлось подыскивать новое место. Лето курсанты провели в лагерях в деревне Амерево, где кого-то из них поселили в сарае, а кто-то, как Аня Мулатова, оказался в палатках, в которых жили отделениями по 10–11 человек. Аня знакомилась с товарищами по роте — девушками высокого роста, как и она, — «королевами». По росту девушек-снайперов распределяли еще с первого набора, и тогда же у некоторых рот появилось свое, неофициальное название, придуманное то ли начальником женских курсов снайперской подготовки (предшественника школы) Норой Чегодаевой, то ли «важными генералами»[85] из мандатной комиссии, один из которых, вытирая глаза платочком, спросил девушку маленького роста: «Откуда только такие карандаши берутся?» «Карандаши», «королевы» и девушки среднего роста, к которым никакое прозвище не прилипло, — так и получилось, что по школе большинство помнили в основном девушек такого же роста, как они сами, с которыми вместе учились и жили. И из прославившихся посмертно однокашниц по Подольской школе Аня Мулатова запомнила только двух, высоких: Розу и Таню. Таня Барамзина, «несимпатичная простая девчонка, говорунья такая, все говорила и говорила»[86], была очень идейная. Все удивлялись тому, что стреляла она в очках: Аня с подругами все обсуждали, как это ее с таким зрением вообще взяли в снайперскую школу. Решили, что из-за коммунистической или комсомольской работы. В 1944 году Аня слышала о гибели Тани, а после войны узнала подробности. Таня Барамзина, переведенная в связистки из-за еще более ослабевшего зрения, обороняла до последнего блиндаж с ранеными. Если верить рассказу чудом выжившего раненого (когда немцы расстреливали раненых, он притворился мертвым), немцы Таню пытали, а потом расстреляли из противотанкового ружья. Имя мученицы сначала было неизвестно, и ее звали с чьих-то слов просто «девушкой в шинели». Это словосочетание стало крылатым.

Вторую геройски воевавшую и погибшую в бою девушку-снайпера из роты «королев» звали Роза. Роза Шанина была из Архангельска, воспитательница детского сада. Это была очень активная высокая, румяная, светловолосая девушка. У Розы были

ясные большие глаза, приятное лицо и густые волосы, но она, с Аниной точки зрения, была совершенно неженственная, ходила мужской походкой враскачку, была грубовата. Говорила громким голосом, с простонародным выговором, сильно окая. Когда в 1944 году Аня увидела во фронтовой газете статью о Шаниной, где корреспонденты называли Розу красавицей, она мысленно не согласилась с таким определением[87].

А Клава Пантелеева была маленького роста, из роты «карандашиков». Как пришли они с Марусей Чигвинцевой на первое построение и встали рядом, так и отправили обеих парой в седьмую роту — с самого начала в школе девушек разбили на пары, и парами потом они учились и работали на фронте. Запомнила Клава из героически погибших только маленькую и худенькую Алию Молдагулову[88]. Впрочем, Алию, необыкновенно активную девчонку, помнили и в других ротах. Клава Логинова запомнила ее с первого же дня: только их привезли в Амерево, как Алия «прибежала, спросила: „Вас кормили?“ и, получив отрицательный ответ, „убежала, шустрая“, разбираться, в чем было дело»[89].

Курсанты начали осваиваться с новым распорядком дня, с военной формой, с мужскими прическами. Ане Мулатовой отрезанные локоны было жалко, когда «тяжелыми колбасками» они упали на пол. Но особенно переживать не стала — бог с ними, с «колбасками». Клаве Пантелеевой новый вид товарищей и свой собственный казался комичным: стрижки как у мальчиков, с короткими чубчиками, да еще в придачу к мужской форме, которая была всем велика и сидела на девчонках смешно. В день, когда стригли, болела Клавина пара Маруся Чигвинцева, и ее не подстригли. Когда курсанток вели строем по Подольску, стоявшие у дороги дети закричали: «Мама, а почему все идут дяди и только одна тетя?»[90]

С первого же дня армейской жизни взялись за них как следует — умываться после подъема в шесть утра повели за два километра на речку. Заболтавшись в столовой, девушки тут же поняли, что позволить себе такого больше не смогут: раздалась команда встать из-за стола, а никто из них еще и поесть толком не успел[91].

Их учили серьезно: в казарме — теоретическим дисциплинам, в том числе баллистике, а также материальной части. Строевая подготовка и стрельбы занимали все остальное время, в любую погоду девушки подолгу находились на улице. Учили рыть стрелковые ячейки различных типов, маскироваться и подолгу сидеть в засаде, ориентироваться на местности, ползать по-

пластунски; помимо этого были еще и специальные, для снайперов, занятия: на тренировку наблюдательности и памяти, зрения и твердости руки. Учили еще и приемам рукопашного боя, и метанию гранат[92].

Начав заниматься на полигоне, курсантки сначала вырыли там глубокие траншеи и окопы, оборудовали огневые точки и построили примитивные оборонительные сооружения — сколько же земли пришлось перекопать саперными лопатками! Потом начались занятия по стрельбе на полигоне, где девушки теперь проводили целый день: окапывались, маскировались, учились передвигаться ползком и перебежками и стреляли, стреляли. «Стреляли по мишеням в полный рост, поясным и грудным, бегущим и неподвижным, открытым и замаскированным; стреляли стоя, лежа и с колена, с упора и без него; стреляли на ходу и в статичном положении»[93]. Патронов давали сколько угодно, только требовалось потом собрать все до единой гильзы, и частенько девушки, помогая кому-то из товарищей, у кого не сошелся баланс, ползали все вместе на коленях в грязи, отыскивая пропажу. Когда они научились «сносно владеть оружием», обычные винтовки им заменили снайперскими[94].

Из Амерева в сентябре школу перевели в бывшее имение графа Шереметева. Там девушки своими руками ремонтировали полуразрушенные помещения. Клаве Логиновой с товарищами досталась бывшая графская оранжерея. Намесили глины, натаскали кирпичей и сделали вполне сносное жилье. После войны Клава Логинова так же сама построила себе дом[95]. Поставили для них нары, где каждому отделению отводили свой этаж: «ложились рядком, как игрушечные солдатики в коробке». Зато у каждой были собственный матрас и подушка, пусть и соломенные, и собственное серое и жесткое солдатское одеяло. Да еще и постельное белье из бязи, и вафельное полотенце, всегда чисто постиранные[96]. У многих деревенских девушек дома такой роскоши не было.

В большой семье Ани Мулатовой (отец был ремесленник, так что жили они вообще-то лучше соседей) все дети спали вместе на полу на домотканом фиолетовом шерстяном одеяле, которое очень любили блохи. У отца с матерью была за занавеской кровать. Постельного белья не было и в помине. Из любого куска материи мать шила им одежду и бесконечно перешивала старье. Аня как-то вырвала клок из нового платья, играя в прятки, и мать ее побила. С обувью было плохо всегда. Как только сестра Лиза, придя из школы, снимала ботинки на каблуках, их обувал брат, у которого своей обуви не было.

Утром мама обычно варила суп из пшена, который ели все

вместе из большого блюда деревянными ложками. Мать добавляла туда молока, отец начинал есть, и только тогда могли начинать есть и дети. На обед — тоже суп, картошка, квашеная капуста. Мясо ели очень редко, и когда его готовили, то первыми ели отец и те из детей, кто уже работал, остальные доедали остатки[97]. К 1940 году только-только стало полегче, а в 41-м началась война.

Помощники командиров взводов — как правило, тоже совсем молодые женщины, хорошо учившиеся в первом выпуске и оставленные при школе, — муштровали девушек на совесть. Внеочередной наряд получала каждая, не идеально заправившая свою постель: соломенный матрас с простыней без морщиночки, подушки в ряд, чтоб ни одна не выпирала, полотенца треугольниками и чтобы основания треугольников образовали прямую линию[98]. Если после подъема не успели одеться в отведенные для этого пару минут, следовала команда «Отбой!» — и все повторялось сначала.

Встречаясь после войны с женщинами, у которых была в школе помощником командира взвода, Зинаида Мелихова вспоминала разные веселые, забавные моменты. Девушки вспоминали другое: строгость Мелиховой, муштру, наряды вне очереди (на фронт Мелихова с ними не поехала: она была очень красивая, фигуристая девушка и, по мнению подчиненных, «игривая». Не особенно прячась, целовалась с офицером Одинцовым, за которого потом вышла замуж — и осталась в школе)[99].

Строгостью запомнились и мужчины — командиры взводов и рот (как правило, фронтовики после ранения). Конечно, сказалось еще и то, что девушки только что пришли из гражданской жизни, а теперь из них делали военных.

Клава Пантелеева и ее товарищи боялись начальника по тактике Панченко, ходившего во время занятий от взвода к взводу. Только чуть-чуть девчонки расслабятся, как снова: «Панченко идет!» Задача была — замаскироваться на местности так, чтобы тебя совершенно нельзя было заметить, и Панченко, пока не научились, гонял безжалостно. Через много лет после войны, придя на встречу выпускников ЦЖШСП, Панченко признался: «Девчонки, я вас так уважал. И так жалел»[100].

Почему-то больше всего запомнились случаи, связанные с пением в строю: усталые девушки проявляли непослушание, отказываясь петь, и тогда их очень эффективно заставляли это

делать. У Ани Мулатовой командиром роты был Алмазов, «высокий, красивый мужчина, очень строгий». Нередко по пути в столовую, когда, страшно усталые после долгой — семь километров в одну сторону! — дороги на стрельбище и назад и целого дня трудов, они, без шапок и без рукавиц, только и мечтали скорее пройти триста метров до теплой столовой, поесть, вернуться и лечь, Алмазов командовал: «Запевай!» Усталые девчонки молчали. Тогда Алмазов менял команду: «Стой. Направо, налево, в сторону 5 шагов. Ложись» — и приходилось ложиться прямо в глубокий снег и ползти до указанного командиром места. В широкие голенища сапог набивался снег. Женщины в платках и телогрейках, остановившиеся на обочине дороги, чтобы посмотреть на девушек-курсантов, жалостливо вздыхали. А девчонки, только Алмазов отвернется, поднимались и перепрыгивали пару шагов, чтоб оказаться поближе к цели[101].

История о наказаниях за нежелание петь в строю имелась, наверное, у каждой выпускницы ЦЖШСП. Офицер по фамилии Иванов — командир взвода у Таисии Киселевой — тоже не любил неповиновения. Как-то девушки усталые возвращались с полигона и промолчали, услышав приказ запевать. Последовал приказ: «Лежать! Ползти!» — командиру попала вожжа под хвост. Нехотя они подчинились. На улице шел дождь со снегом, брякали котелки девчонок. Сначала они хихикали, потом пошли в рев. Спас их в тот раз встретившийся на пути начальник школы Кольчак. А когда учеба окончилась, Иванов, как и Алмазов, не скрывал теплого отношения к своим курсантам и тревоги за них. «Хорошие вы у меня девчонки, — сказал он им на прощание, — вы берегите себя!»[102] Жестокая муштра, считали бывшие фронтовики, готовит их подопечных к фронту, где будет еще труднее. И были правы.

Нашлись, конечно, и такие, кто просто любил поиздеваться. Юле Жуковой хотелось после войны увидеть на какой-нибудь встрече бывшего своего взводного лейтенанта Мажнова, посмотреть ему в глаза. Но, хотя с войны Мажнов вернулся, на встречах снайперов не бывал: знал, наверное, как ненавидели его девчонки. Он, рядовой колхозник, унижал подчиненных, видимо самоутверждаясь за их счет. Из всей безжалостной муштры, всех издевательств Юле Жуковой больше всего запомнился один случай. Как же она должна была после этого ненавидеть взводного! Однажды холодным осенним днем на тактических занятиях в поле девушки «бежали по чавкающей под ногами и налипающей на сапоги вязкой грязи». Мажнов отдал команду: «Ложись, по-пластунски вперед!» — и тут Юля, увидев прямо перед собой огромную лужу, быстро сделала два или три шага в

сторону и тут уже поползла по грязи. Но не тут-то было. «Курсант Жукова, встать, вернуться на исходную позицию!» — раздалась команда, и Жукова легла прямо в эту ледяную лужу и поползла[103]. Позже взводный объяснил, что так обращался с ними ради их же блага: если бы Жукова так поступила на фронте, ее бы уже не было в живых. В чем-то он, вероятно, был прав. Но потом всю жизнь, вспоминая этот эпизод, Юлия Жукова как будто физически ощущала, как «в голенища сапог, в рукава шинели вползает холодная липкая грязь». С трудом перемещаясь в густой грязи, она глотала слезы — от бессилия, злости, унижения.

Старшины — девушки, оставленные из первого выпуска либо повышенные в звании за хорошую службу, чаще постарше возрастом, чем остальные, — отвечали за порядок и дисциплину во взводах, за имущество, за оружие. Если попалась хорошая старшина, то не так уж страшна служба: поможет и с одеждой, если чего-то не хватает, и портянки научит наматывать аккуратно, и с заболевшей разберется, и скажет, когда надо, доброе слово. Аню Матох, погибшую перед самой победой, в ее взводе очень любили: эта полноватая спокойная девушка с Урала, на пару лет постарше остальных, заботилась и о быте подчиненных, и о комсомольском воспитании не забывала[104]. Взводу Ани Мулатовой не повезло. Старшина Шатрова — «маленькая, черная, со злым лицом» — обращалась с товарищами ужасно[105]. Позже Аня слышала, что Шатрова погибла: она была из первого набора, ее оставили при школе работать со вторым, и после выпуска второго набора Шатрова поехала с ними на фронт. На фронте она вела себя не лучше, чем в школе: по свидетельствам девушек, которыми командовала, обращалась с ними жестоко, придиралась без причины. Вскоре она погибла. После войны те, кто был с ней на фронте, рассказывали, будто пристрелили ее на передовой сами же девчонки[106], и Аня Мулатова считала, что такое вполне могло быть.

Те, кто был на войне, случалось, становились свидетелями подобных историй или слышали о них. Маша Максимова ничуть не удивилась, когда услышала, что лейтенант, который был у них в школе командиром взвода, «противный такой», погиб сразу же по приезде на фронт от пули, которую получил от кого-то из своих. В школе, когда гонял девчат по-пластунски, он мог запросто наступить кому-то сапогом на задницу, приговаривая: «Ниже, ниже прижимайся, на фронте всегда в это место будешь раненная». Вот и получил по заслугам, думала Маша[107].

Не любили подчиненные и старшину Ващенко. Ее считали вредной и грубой и, конечно, частенько не подчинялись ее приказу запевать по дороге в столовую. Когда она вызывала кого-

то из девушек по имени и требовала, чтоб та пела, девушка могла сказать, что у нее нет голоса. «Бегом!» — командовала тогда потерявшая терпение Ващенко или устраивала им западню по дороге назад в казарму. Около самого барака, когда от тепла и отдыха отделяли какие-то метры, Ващенко вдруг приказывала девушкам перелезть ров и дальше двигаться ползком. «Встать! Ложись! Ползком!» — сыпались команды. Все были в восторге, когда эти издевательства увидела приехавшая откуда-то комиссар Никифорова и заставила старшину побыть в шкуре подчиненных. Корректная Никифорова при курсантах ругать Ващенко не стала, но, приказав им «Разойдись!», оставила Ващенко и как следует погоняла ее по-пластунски, о чем, конечно, стало сразу же известно всей школе[108].

Кормили в школе отлично, долго они потом вспоминали эту кормежку. Без разносолов, но по 9-й норме, как на фронте. Еды давали в достаточном количестве — и супа, и каши, и хлеба. И мясо было, и масло. Большинство отъедались после голодных лет войны: впервые за очень долгое время увидели масло, колбасу, сыр, сахар и даже настоящий чай. Да и до войны многие жили впроголодь.

Те, кто дежурили на кухне, чисто выскребали то, что оставалось в котлах, и добавляли своему взводу, а нередко и выносили местным женщинам, которые с детьми приходили просить еды — голодали[109]. Находились такие, как Клава Логинова и ее снайперская пара Валя Волохова, кому так хотелось сфотографироваться и послать карточки домой, что и продукты от себя отрывали — денег-то у курсантов никаких не было. Клава и Валя нашли в Подольске фотографа, которому носили сахар и сало в уплату за фотокарточки. Масло тоже пробовали носить, но оно уж очень сильно пачкалось. А сахар, как сказал им фотограф, удобнее было носить комовой. Сначала, конечно, опустив глаза, он отнекивался: «Сами ешьте, девчонки», — но уж больно велик был соблазн[110].

А Вера Баракина, блондинка с голубыми глазами и нежными чертами лица, после обеда подбирала со стола каждую крошечку хлеба. Ей все казалось, что еды в школе дают мало. К тем девчонкам, кто ушел на фронт из Москвы или Подмосковья, приезжали мамы и привозили что-то поесть. «Как они могут не делиться?» — думала Вера с ненавистью[111]. Она все время была голодна: пережила в Ленинграде две блокадных зимы. Еще в первую зиму прямо на кухне, сидя на стуле, умер отец, и его увезли на санках на Пискаревское кладбище.

Мать и дочери держались. Вера, как и мама, работала на военном заводе, получали они в день по 250 граммов хлеба.

Делились с Вериной сестрой, получавшей всего 125 граммов, так как она после ранения, полученного при обстреле, работать не могла. На работе давали суп из муки, и такой же, только с грязью, варили дома, пока была у них смесь муки с землей, которую Вера нагребла у разбомбленных на берегу Невы складов[112]. На исходе второй зимы силы кончались, жили надеждой на траву — лебеду и крапиву, которые стольких людей спасли от голодной смерти. Неожиданно произошло чудо: как-то мама пришла с работы и объявила дочерям, что они эвакуируются с ее заводом. Девушки, до крайности истощенные и равнодушные ко всему, встрепенулись. Неужели удастся уехать?

Мама умерла по дороге, когда, переехав на грузовике Ладогу, они, казалось, были спасены. Ее тело Вера с сестрой оттащили в общую кучу, и их «повезли дальше, жить», во что совсем недавно не верилось. На станции Мантурово Костромской области случилось и вовсе невероятное. Веру и ее сестру нашла дальняя родственница, работавшая там в ресторане, — она встречала все поезда, привозившие ленинградцев. Там они и остались. Вера, которую тетка устроила работать кассиром в сберкассу, только начала отъедаться и приходить в себя, как ее вызвали в военкомат и сказали, что она пойдет в армию. «Я же блокаду перенесла», — возразила Вера. «Пойдешь», — повторил ей офицер, и она только смогла ответить: «Ладно». И после войны, когда бывшие однополчанки заявляли, что пошли добровольцами, Вера Баракина не кривила душой — говорила, что лично она не радовалась, что на фронт попадет. Может, она бы потом сама пошла в военкомат, но только не тогда, в мае 1943 года, когда была еще так слаба.

А фронт оказался не страшнее блокады. Столько всего произошло там — гибли от осколка или пули, подрывались на минах товарищи, ее саму дважды ранило, но Вера считала, что страшнее блокады ничего в ее жизни не было.

Учеба подходила к концу, на политзанятиях им уже говорили об отправке на фронт. Вера Баракина была поражена, когда ее снайперская пара Тоня Буланенко написала заявление, что просит перевести ее в связистки, так как снайпером она не может[113]. Тоня отлично стреляла, но ей казалось, что по людям выстрелить она не сможет. Вера была убеждена, что связисткой быть намного страшнее: ползти по чистому полю под пулями с проводом!

Многие курсанты отсеялись за эти шесть месяцев. Не каждая оказалась готова к таким переменам в жизни, не каждая могла вынести тяжелые физические нагрузки — многокилометровые походы на полигон и обратно с полной выкладкой (зимой — на

лыжах) — и казарменную жизнь. Многие никак не могли привыкнуть к мысли, что скоро окажутся на войне — да еще снайперами. Еще летом, в Амереве, Зоя Накарякова из Перми сошла с ума (а может, и притворялась): сначала по ночам начала кричать, а потом как-то раз и днем по дороге со стрельбища вдруг начала вопить страшным голосом: «Мама! Мама!»[114] И тут уже ее забрали в санчасть, а оттуда, как говорили, в соответствующее учреждение. После войны, как слышала Клава Логинова, Зою видели в Перми[115].

Были и другие, у кого нервы не выдержали. Двое девушек из роты Веры Баракиной сбежали из школы. Их вскоре поймали в Москве, судили как дезертиров и отправили в штрафную роту. Больше Вера о них не слышала. Другая девушка ночью, стоя на посту, застрелилась, сняв сапог и нажав пальцем ноги на курок винтовки. «Это ж надо ухитриться, ногой нажать!» — шушукались остальные. Все были уверены, что девчонка это сделала от страха: не выдержала одинокого ночного дежурства в темноте. Им всем страшно было дежурить, но многие, считая, что комсомолкам и будущим солдатам не пристало бояться, стыдились делиться этим, и та девушка не была исключением. Охрану этого склада с боеприпасами Юля Жукова считала в школе самой трудной обязанностью. Ночью стоять там (стояли по одному) было жутко. Складской сарай стоял на отшибе от здания школы, на пустыре. Вокруг был кустарник, рядом — глубокий овраг, тоже заросший кустами. Ночью, когда шелестели кусты, казалось, что кто-то крадется. Через много лет Юлия Жукова напишет: «Станет невмоготу, резко обернешься, винтовку навскидку: „Стой! Кто идет?“»[116] Но страх не отпускал и тогда, когда она убеждалась, что никого нет. «Прижмешься, бывало, спиной к стене, стоишь, вглядываешься в темноту, ждешь. Потом отрываешься от стены, идешь вокруг склада, а по спине холодок ползет, опять кажется, что за тобой кто-то идет. Ведь шла война».

Глава 5
«Зачем умываться, все равно темно!»

«Привет с фронта. Здравствуйте, дорогая мамочка!

Сегодня получила от Вас письмо, на которое спешу ответить. Возможность у меня теперь будет писать чаще письма.

Новостей у меня особенных нет. Сейчас нахожусь у моря, очень хорошо. Жизнь наша разнообразная, на месте не стоим, все время двигаемся. Хорошо, что еще пока нет дождей. Хотя осень, но очень жарко… Все девчонки пока живы и здоровы. Мое здоровье тоже ничего. Привет всем. Ваша Женя»[117].

Мать Жени, как и Катина, была неграмотная, и письмо ей прочитала Женина младшая сестра[118].

Это письмо в Кропоткин Женя Макеева написала 9 октября. Она и ее товарищи всего пару месяцев провели на фронте, но письма писать научились: понимали, как дать знать родным, где находишься и что происходит с твоей частью. Прочитав «у моря», родные, вероятно, догадались, что Женина часть вышла к Черному морю. «На месте не стоим» означало, что они в наступлении. Часто бойцы писали в письмах, что на фронте «жарко» или «горячо», намекая на тяжелые бои. А может быть, Женя и правда писала о погоде. Самое главное в письме было то, что и она, и «все девчонки» были в порядке.

До Тамани они дошли без боев, во втором эшелоне. Катя Передера по дороге заболела малярией, но, пока ее не забрали в госпиталь, шла со всеми, время от времени засыпая на ходу, отключаясь. Подлечившись, догнала своих[119].

На Тамани остановились: шла подготовка к форсированию Керченского пролива. Девушки, хоть ничего не было постоянного в их жизни, не стали терять времени даром и навели красоту в землянках, выкопанных в овраге, украсили временные жилища тем, что под руку попалось: какими-то желтыми маленькими цветочками да перекати-полем[120]. Достаточно было крохотной передышки, затишья в военных буднях, как жизнь, молодость вступала в свои права.

5 ноября снайперскому взводу выдали по 300 патронов на человека и сухой паек на пять дней. Куда они отправятся, разумеется, не говорили, однако все было ясно. Немцы отступили за Керченский пролив, настала пора их догонять[121]. Путь к Крымскому полуострову, который Гитлер, к ужасу своих румынских союзников, не желавших отправлять на бойню свои войска, решил во что бы то ни стало удержать, лежал через

пролив и был полон опасностей. Попытка взять Крым в ноябре 1943-го окончилась неудачей и сопровождалась огромными потерями.

Шестого они прошли с тяжелым грузом тридцать километров пешком до берега пролива. Мимо проезжали грузовики с надписями на бортах «Вперед, на Крым!». С косы Чушка била артиллерия, поддерживая крымский десант: его переправа шла уже несколько дней[122].

Керченско-Эльтигенская десантная операция — крупнейшая десантная операция Великой Отечественной — шла уже с 31 октября. Морякам пришлось нелегко: в узком и мелководном Керченском проливе невозможно было использовать большие корабли, так что людей перевозили на катерах, и это было «все равно что драться телегами против танков»[123] — так докладывал об этом командующий флотом вице-адмирал Л. А. Владимирский, ведь вооружение советских катеров было гораздо слабее, чем немецких. Да что там катера! Как вспоминал нарком военно-морского флота Н.Г. Кузнецов, «нам пришлось привлекать часто совсем не приспособленные для таких операций гражданские суда вплоть до шлюпок»[124].

В первые дни переправляли с большими потерями, под огнем, по нескольку тысяч человек к поселку Эльтиген южнее Керчи. Подкреплений этому десанту прислать не смогли: через два дня разыгрался шторм, а когда он закончился, немцы блокировали подступы к Эльтигену с моря. Основной десант высадили 3 ноября в Керчи. «Как там наши морячки?» — волновались девушки из полка ночных бомбардировщиков о сражающихся в одиночку на Эльтигене, который вскоре окрестили Огненной Землей, ребятах из морской пехоты. Летчицы подружились с морскими пехотинцами в октябре, пока часть «морячков» стояла рядом с их аэродромом в Пересыпи[125].

Для девушек, летавших бомбить немцев на противоположном берегу Керченского пролива, тот берег был рядом — за час летали туда и обратно. Зато как далек он был для десантников! Целыми днями они сколачивали плоты, смолили лодки и тренировались, бросаясь в одежде и с оружием в ледяную воду. Когда из-за непогоды девушки не могли летать (а таких дней осенью в Крыму много), «морячков» приглашали погреться и обсушиться в теплом доме. Аня Бондарева не на шутку влюбилась — то ли во всех морских пехотинцев сразу, то ли в кого-то одного. Да и остальным девушкам смелые ребята нравились. Когда как-то с утра командир полка Бершанская объявила полку, что переправившихся на Эльтиген морских пехотинцев они будут поддерживать с воздуха, девушки были рады[126].

«Противник расширяет плацдарм под Керчью», — упоминал 6 ноября дневник боевых действий 5-го армейского корпуса вермахта[127]. В числе переправившихся в тот день частей был и стрелковый полк с приданным ему женским взводом снайперов. На катере они плыли бесконечно долго, четыре часа или пять, и очень страшно. Вокруг посудины, на которой было около пятидесяти человек, рвались снаряды, обстрел не прекращался[128]. Из 570-го стрелкового полка, к которому были прикреплены снайперы, многие не достигли противоположного берега, утонув на подбитых немецкой артиллерией судах, кто-то добирался вплавь.

Сразу после высадки ранило Алю Моисеенко, и она осталась на берегу ждать эвакуации — обратно, еще раз через страшный пролив[129]. Остальным приказали построиться в цепь и наступать[130]. Шли бои за рабочий поселок Колонка. На следующий день утром пришлось снова отступить к берегу: немцы привели свежие силы[131]. Говорили, что у них воюет много крымских татар[132].

Поселки Колонка и Аджимушкай удалось взять 14 ноября «после упорных боев»[133], но дальше советские войска продвинулись лишь в апреле. Силы иссякли, расширить захваченный плацдарм не удалось. Войска на Керченском полуострове перешли к обороне. Как напишут потом историки, советское командование неправильно оценило обстановку и силы противника и результат достигнут не был, несмотря на огромные потери[134]. Среди погибших в этом неудачном наступлении была еще одна девушка из Кропоткина, снайпер Таня Костырина, погибшая в боях за Аджимушкай 22 ноября. Ни Катя Передера, ни Женя не знали ее ни по Кропоткину, ни по снайперским курсам: Таня убежала в Краснодар с подругами еще до прихода немцев в 1942 году, неизвестно в каком качестве попала на фронт и окончила фронтовые снайперские курсы. Была дважды ранена и оба раза возвращалась в свою часть[135]. В 1944 году Тане посмертно присвоили звание Героя Советского Союза, на ее могиле в поселке Аджимушкай пионеры из года в год сажали красные маки.

Мать Кати Передеры, которая выросла в глубоко верующей семье, молилась за дочерей Катю и Нину, чтоб пришли с войны живые. Вокруг получали похоронки соседи и сослуживцы. После войны вся страна услышит о кубанской матери Епистинии Степановой, которая отдала Родине всех, девятерых, своих сыновей — Александра, Николая, Василия, Филиппа, Федора, Ивана, Илью, Павла и Александра-младшего. Старший погиб в

Гражданскую войну, семеро — в Великую Отечественную, а еще один, последний, вернувшись с войны инвалидом, умер от ран[136].

После перехода к обороне полк с приданным ему взводом снайперов сняли с передовой и отвели на отдых в Аджимушкайские каменоломни — когда отдых закончился и началась боевая работа, жили все равно в этих катакомбах. Бои над Керчью продолжала авиация, и днем и ночью. Ночные бомбардировщики девушки-снайперы окрестили «маринкины»[137]: они отлично знали, что как раз здесь работает созданный легендарной Мариной Расковой женский бомбардировочный полк. «Маринкины» в ноябре действительно много летали и в Керчь, и в Эльтиген. 1 декабря 1943 года дневник боевых действий 5-го армейского корпуса вермахта отмечал: «На земле более-менее спокойно. В воздухе сильные бои. Особенно в Эльтигене, Камыш-Буруне. Самолеты сбрасывают грузы десантникам»[138].

На это задание — сбрасывать десантникам, отрезанным на Эльтигене, боеприпасы и продовольствие — взяли только «стариков» — опытных летчиков и штурманов: сбрасывать грузы приходилось с совсем малой высоты — менее пятидесяти метров. Комиссар Рачкевич выступила перед построившимся полком, объяснив ситуацию на Эльтигене и спросив, кто вызовется добровольцем на задание. Но ни объяснять ситуацию, ни приглашать добровольцев не было нужды: ведь на Эльтигене, отрезанные и от основного десанта в Керчи, и от моря, гибли их «морячки»[139].

Ольга Голубева все время вспоминала слова немолодого лейтенанта, которого все звали Андреич: «Дожить бы до Нового года… И чтобы с елкой!» И ей так хотелось, чтобы эти ребята выжили и отметили вместе с ними Новый год, и чтобы с елкой. Привезли мешки — каждый защищен дубовыми досками и железными поясами. Какие же это вообще-то мешки?

Разве что условно можно их так назвать. «Метрового диаметра кишка из толстого брезента набита всякой всячиной, обвязана, как копченая колбаса, бечевкой. Посреди петля, на которую подвешивают ее к крючку бомбодержателя»[140]. таким громоздким грузом, очень тяжелым для По-2 с его слабеньким моторчиком, Ольга Голубева вылетела с летчицей Ниной Ульяненко на противоположный, огненный берег пролива. Надевая морской спасательный пояс, который должен был надуться в воде, Ольга подавляла в себе беспокойство, вспоминая совет погибшей под Новороссийском Дуси Носаль, первого Героя Советского Союза в полку: «Тревоги оставляй на земле!» В низкой

дождевой облачности Нина и Ольга долетели до противоположного берега. Ветер отнес их к северу, так что пришлось поворачивать и искать Эльтиген. Вскоре его стало видно: пожары, беспрестанные вспышки взрывов. Мешок удалось сбросить со второго захода прямо к белому зданию школы.

С каждым полетом Ольга чувствовала себя увереннее и скоро уже кричала морякам, снижаясь: «Эй-ей! Держитесь!» или «Лови воблу, полундра!»[141]. Аня Бондарева бросала еще и письма, объясняясь своим «морячкам» в любви. Не получив подкреплений, эльтигенский десант 6 декабря прорвался к горе Митридат. Тяжелораненые, которые не могли идти со всеми, попросили, чтобы им дали оружие и боеприпасы, чтобы поддержать прорывающихся товарищей[142].

Камни, камни — холодные, острые камни. Куда ни шагнешь, повсюду камни и темнота, сплошная, черная темнота. Подземелья справа и слева, впереди и сзади, им нет конца. Над головой — 25 метров камня. Огромная каменная масса давит на тебя и теснит, хотя места здесь столько, что кое-где могут проехать и грузовики, и танки — если только свод или стены пещер не обрушены бомбежкой.

Чем осветить эти громадные подземелья? С освещением неважно. Здесь размещено очень много воинских частей, и свет все добывают как могут: умельцы делают лампы из противотанковых снарядов, в которые наливают бензин и вставляют фитиль из тряпки, или жгут лучину. Но, может быть, и к лучшему, что многие подземные коридоры и залы так и остаются во тьме: лампа осветила бы там жуткие картины.

Чем дальше, тем тяжелее воздух. Пахнет сыростью и гнилью, на земле валяются тряпки, клочья бумаги и кости. Много незахороненных человеческих останков. Красная армия вернулась сюда лишь пару недель назад. Стены исписаны словами, лозунгами, фамилиями. Почти все, кто написал это, мертвы. Лишь некоторые из них попали в плен к немцам[143].

Вот отсек, полный тел погибших солдат. Они лежат в шинелях, рядом винтовки. Кто-то лежит в середине подземной галереи, другие — вдоль каменных стен, кто-то полусидит, прислонившись к стене, — жуткое зрелище. Очевидец, хоть он и принимал участие в пяти десантных операциях, вспоминал, что ничего страшнее этого зрелища на войне не видел. «Потрясенные, мы стояли и молчали. И тогда в этой поистине гробовой тишине Сельвинский[144] сказал: „Ну, вы как хотите, а я дальше идти не могу“»[145].

Подземный госпиталь тоже невозможно было забыть: за

столом сидел труп человека в белом халате, как будто доктор даже мертвый продолжал свою работу. Повсюду — каменные могилы тех, кто умер в первые дни осады, когда у товарищей еще были силы, чтобы их похоронить.

Эти страшные картины не нуждались в словесных объяснениях. Да и не осталось никого, кто мог бы рассказать подробно о том, что произошло здесь после того, как основные советские войска эвакуировались через Керченский пролив в мае 1942 года. Многие части, имевшие приказ обороняться до последнего, эвакуированы не были. Горстка выживших, которые расскажут об этой трагедии позже, еще много лет проведут в кругах ада: сначала в немецких концлагерях, потом многие в ГУЛАГе — за то, что сдались в плен.

В конце ноября 1943-го в Аджимушкае было холодно и сыро. Со стороны Азовского моря дули сильные ветры. Глинистая земля раскисла от дождей. Катакомбы, куда отвели на отдых взвод девушек-снайперов, были желанным убежищем: тепло, сухо и очень, очень тихо. Съехав туда сверху по обледенелому склону на попе, как с детской горки, девушки попали в совершенно новый мир. Вокруг «жгли костры, пахло… древесной смолой и горелым маслом»[146]. Стрельбы и гула артиллерии почти не было слышно.

Постепенно девушки осваивались в этой странной обстановке: разводили небольшие костры, добывали масло, а чаще, у танкистов, бензин — для светильников, сделанных из гильзы от зенитного снаряда, или просто жгли шланг противогаза, засунув его в гильзу от снаряда. Шланг горит долго, испуская огромное количество черного дыма. «Потом полгода черным откашливались», — вспоминала Катя[147]. Собирали плоские камни, из них сделали стол и даже стены, устроив себе отдельную «комнату». Отдыхали, по нескольку суток не выходя из подземелья.

С водой было туго, очень мало ее там, в Керчи, даже на поверхности. Поблизости наверху один колодец с мутной водицей. Туда ходили те, кто дежурил по кухне, — старались перед рассветом, но иногда, если не очень стреляли, и днем. Катя как-то дежурила вместе с Лидой Рясиной из Армавира, и та взяла у нее из рук ведро, когда Катя собралась еще раз идти за водой: «Сколько ты можешь ходить? Теперь давай я!» С поверхности Лида не вернулась. Позже Кате сказали, что, тяжело раненную, ее нашли у колодца и увезли в Керчь. Там Лида умерла[148].

После недели или двух отдыха снайперов стали водить на «охоту», на поверхность. Тепло одетые, в телогрейках и ватных

штанах, в варежках с отдельными большим и указательным пальцами, в валенках, с фляжкой и запасом хлеба, первая группа — несколько человек — ушла на поверхность. На позициях стрелкового полка земля была перепахана взрывами — такого девушки еще не видели. Но не каждая воронка для солдата могила, как сказала своей паре Галя Колдеева. В тот же, первый, день Гале и Ане удалось подстрелить «ишаков» — двух немцев, тянувших на санках бутыль с водой, а позже Гале удалось «снять» пулеметчика[149]. Катя Передера и Женя Макеева открыли счет на следующий день. Немцы здесь были близко, всего-то метрах в ста пятидесяти, их лица отчетливо видно в прицел. В траншее снайперы оставались до темноты, в сумерках могли вылезать. С колотящимся сердцем, перебежками добирались до каменоломни. Там была безопасность. «Добежал до каменоломни — значит, будешь живой», — говорили девушки[150].

Вскоре они усвоили, что, когда их выстрел оказывается удачным, немцы часто открывают минометный огонь, и тут уж всем надо лежать и молиться, чтоб пронесло. А как-то Женя Макеева с парой (в тот день она была не с Катей) на ночном дежурстве в траншее избежали еще более серьезной опасности. К окопу близко подобрались немцы — группа поиска, пришедшая за «языком». Женя заснула, но ее напарница была начеку. Девушки сняли выстрелами двух из группы, в остальных бросили гранату. Подоспели солдаты и отбили атаку[151].

Шли месяцы, а ничего не менялось. По-прежнему странная, изнуряющая жизнь в катакомбах, постоянная нехватка воды, по-прежнему пшенка или перловая каша, ржавая селедка, мерзлый, и очень невкусный из-за этого, хлеб[152]. Однажды в катакомбах их случайно встретила только что приехавшая и прикомандированная к штабу полка медсестра Женя Грунская, лучшая подруга Гали Колдеевой по Краснодарской школе[153]. Она попросила перевести ее во взвод к снайперам, у которых не было санинструктора, и с ними осталась до своей гибели. От Жени краснодарские девчонки узнали все новости о своем городе. Грунская даже побывала на процессе о зверствах фашистов и их пособников на территории Краснодара и Краснодарского края. На него приезжали писатели, в том числе Алексей Толстой[154]. Когда кто-то из девчонок спросил ее, правда ли, что в Краснодаре вешали предателей, Женя рассказала: «Ой, девочки, что было!.. Привезли их на площадь, что против военной комендатуры, поставили каждого перед петлей. Они смотрят вниз и трясутся как в лихорадке. Начались выступления. Все требовали повесить. Выступал и Алексей Толстой»[155].

В катакомбах установилась своя жизнь. В большом зале, где после выборки породы осталось возвышение, проводили митинги и концерты самодеятельности. Играл гармонист, устраивали танцы. Как любили танцевать Катя и Женя! Женя из этой пары была более бойкая, хоть Катя тоже не робкого десятка. Когда девушки шли по катакомбам, парни старались познакомиться, завязать разговор, и отвечала чаще Женя — весело, с юмором и легко. Без кокетства[156].

8 Марта встретили со стенгазетой и концертом, танцевали. Десятого или одиннадцатого Катю кто-то позвал: «Передера, твоя сестра приехала!» По темной галерее знакомый солдат вел к ней сестру Нину. Это было настоящее чудо. Сестры не переписывались, знали друг о друге только от матери — но в письме все равно не напишешь, где ты сейчас находишься. Оказалось, что Нина, часть которой стояла в 50 километрах, случайно услышала о Кате от раненого в своем полевом госпитале. Выпросила увольнительную, собралась и поехала: часть пути — на попутке, часть — пешком. Пробыв с Катей час (поговорили, поделили хлебную горбушку, которая была у Нины с собой, и Катин обед из пшенки и селедки), Нина пустилась в обратный путь. Снова они увиделись только после войны.

В катакомбах прошел уже месяц — без мытья. С этим надо было что-то решать, и новый их командир капитан Серегин — учитель из Москвы, молодой богатырь почти двухметрового роста с отпущенными для важности черными усами, — объявил старшине Розалии Резниченко, что разрешает им организовать мытье в поселке Колонка. Мытье — не может быть! В катакомбах они тратили драгоценные капли воды, чтобы умыть лицо, хотя с удовольствием бы ее выпили. «Зачем умываться, все равно темно!» — смеялась над Катей неунывающая оптимистка Женя Макеева. Кто-то из солдат знал места, где падала по капле водичка. Собирали ее в плошку и вот — делились иногда с девушками, особенно с красивыми. «Иди, Катя, ребята водички дали!» — звала Женя, болтая фляжкой, где плескалось на донышке: несколько глотков для питья, вода в горсть — умыться.

Ребята, стараясь сблизиться с девушками, даже воды не жалели и хлеба — в траншее клали им на бруствер мерзлый кусочек[157].

О том, чтоб помыться целиком, девушки и не мечтали — и вдруг Серегин так обрадовал. Поселок был у самой линии фронта, но вдруг им повезет? Люба Вишницкая и Валя Пустобрикова выбрались на разведку и, невероятно! — нашли на

окраине разрушенного поселка целый домик и в нем старушку[158]. Добрая женщина с радостью согласилась принять весь взвод. На следующий день с утра парикмахер, насколько мог, «навел порядок в прическах»[159], и после обеда они отправились. Двигались перебежками, пригибаясь: в километре отсюда был фронт. В теплом доме тетя Феня устроила баню: наносила воды в две деревянные бочки, одну из них вскипятила раскаленными в печи камнями. Мытье стало незабываемым событием, с чистым бельем и настоящим мылом, которые выдала старшина Резниченко[160]. «Может, не в последний раз видимся», — сказала на прощание тетя Феня[161]. Но, когда они пришли в следующий раз, старушка была мертва и вместо лица белый ее платочек обрамлял страшное месиво: лицо объели крысы[162]. Больше в поселке помыться им не пришлось.

Мужчины вокруг частенько страдали, не получая табака. А девчонкам хотелось сладкого. Из сладкого давали, и то очень редко, только сахар. Старшина Розалия Резниченко два раза в месяц раздавала его, и девчонки съедали сахар сразу, макая в него хлеб[163]. Вообще было очень голодно в этих катакомбах. Тем больше запомнился подарок, полученный девушками на Новый год из Краснодара.

Пригласив помкомвзвода и старшину Резниченко в штаб, им выдали две посылки от Краснодарского райкома комсомола. Такие посылки во время войны шли на фронт в очень больших количествах со всей страны. Почин широко пропагандировался в газетах и на радио, и люди в тылу отрывали от себя последнее, жертвуя деньги на нужды фронта, посылая вещи и продукты воинам. «В посылки мы клали рукавицы, носки, сигареты, теплую одежду. Отправляли и посылки с картофелем. Я пожертвовала даже свои новенькие валенки и написала: „Для молодой медсестры, чтобы не простывала“»[164], — вспоминала Анисья Команева из Сибири. Популярный женский журнал «Крестьянка» писал: «Каждая колхозница с любовью шлет в армию теплые вещи — свой вклад в дело победы»[165]. В тылу продукты выдавали по карточкам, но люди слали на фронт сухари, сладости, нередко даже жареных кур или мясо — в холодном климате возможны и такие посылки. Сало было самым драгоценным подарком. Посылки эти становились замечательным, долгожданным даром для фронтовика, как и письма солдатам, написанные незнакомыми девушками. Многие холостые парни вернулись с фронта к девушкам, знакомым только по переписке.

В посылках, которые получили в штабе девушки-снайперы, оказался белый хлеб, два кольца домашней колбасы, вязаные

варежки и носки, подворотнички, носовые платки, а еще — вещи невиданные! — сладкое домашнее печенье, пудра и духи! До Нового года было еще далеко, а все уже взяли по одному печенью на пробу. Флакон с духами переходил из рук в руки[166]. Вскоре в немецком окопе девчонки нашли еще и помятую баночку «фашистского» крема «Нивея». Вот это находка![167] До этого Катя Передера да и многие другие кремом никогда лицо и не мазали. Баночку растянули на месяц: мазались все по чуть-чуть.

А Кате Передере тот Новый год запомнился еще тем, что она поздравила с ним немцев, по которым только недавно стреляла. Прислали к ним узнать, учил ли кто немецкий, и Катя сразу сказала, что да, она учила и была в школе по немецкому отличницей: еще в младших классах заглядывала через плечо старшим сестрам, когда они читали, и запоминала слова. Говорить по-немецки она не очень могла, а листовку прочитать в мегафон — запросто. Девушки возмущались наглостью немцев: те агитировали, бросали листовки, кричали: «Сдавайтесь, вам капут». Но русские тоже не отставали. Какой там текст она читала, Катя быстро забыла, но в общих чертах такой: «Капут вам! Сдавайтесь!» И с Новым годом![168]

Настал 1944-й. Комсорг взвода рассказывала снайперам об успехах других фронтов и показывала на карте их наступление. И без карт девушки знали, что не за горами полное освобождение советской территории. Вскоре пошли в наступление и они, но для взвода Кати Передеры год начался ужасно. Попытка наступления 10 января оказалась неудачной. Высота 133,3 трижды переходила из рук в руки, однако, когда на третий день боев немцы ввели в бой танки, наступление захлебнулось[169].

Снайперский взвод, который участвовал в наступлении вместе с пехотинцами, потерял еще шесть человек: погибли Аня Печенкина и Нина Кривуляк, обе из Кропоткина, тяжело ранены были Галя Колдеева, Клава Калеганова, Валя Пустобрикова и Шура Хоменко[170]. Остальные по-прежнему оставались в катакомбах, подавленные гибелью и ранениями товарищей. Стало очень пусто. Хотелось наступать, вырваться из катакомб, вволю пить воду и нормально есть, отомстить за погибших.

Забежал проститься с Катей и ушел на передовую Александр Виноградов, самая большая ее любовь. Он воевал летчиком, но еще в начале войны был сбит и тяжело ранен. После госпиталя его признали негодным к службе в авиации, и Александр получил специальность артиллерийского корректировщика. Целовались, до большего у них не дошло. Несколько месяцев от Саши приходили письма, а потом перестали[171].

Комсорг полка уверял, что наступление непременно скоро

будет. На занятиях он рассказывал о положении на фронтах, о боевых действиях союзников, о героях. Рассказывал о Людмиле Павличенко, а еще как-то читал статью о Наташе Ковшовой и Маше Поливановой, и Катя Передера запомнила их имена.

Указ о награждении Наташи Ковшовой и Маши Поливановой званием Героя Советского Союза вышел только 14 февраля 1943 года, через полгода после их гибели. Появился он благодаря Клавдии Николаевой, старой большевичке и жене одного из главных советских идеологов Емельяна Ярославского. Дивизию, в которой воевали Наташа и Маша, Клавдия Николаева считала своей «подшефной» и, приехав туда в конце 1942 года, услышала историю про двух героически погибших девушек-снайперов.

Эти девушки воевали еще с 1941 года в 3-й Московской коммунистической дивизии, куда пошли добровольцами. Наташа, фанатичная комсомолка из семьи революционеров, не представляла себя вне фронта. Маша, простая деревенская девушка, по мнению знавших ее, не очень «развитая», преклонялась перед Наташей и во всем следовала за ней — и на фронт тоже пошла за Наташей.

Девушкам, неоднократно приходившим в военкомат, повезло в июле 1941 года: среди лучших стрелков Осоавиахима их отобрали для школы снайперов. Мать Наташи Нина Араловец проводила дочь на фронт 16 октября, в день, когда к Москве вплотную подошли немцы. Из Москвы колонна отправилась в тот же день после обеда[172]. В ней были еще две девушки, которые вскоре стали на фронте снайперской парой, — Нина Соловей и Зиба Ганиева. Нина пришла в батальон добровольцев вместе с тремя сотнями парней и девушек с авиационного завода. Она хотела не только строить самолеты, но и летать, занималась в аэроклубе вместе с подругой Катей Будановой и вместе с Катей выступала за заводскую лыжную команду. Катю, к началу войны опытного летчика, взяли в истребительный авиаполк, где она погибла летом 1943 года. Нина пошла санитаркой, потому что брали только санитарками. Бесстрашная, активная, очень выносливая физически, она была образцовой девушкой-добровольцем. Снайперское дело освоила уже на фронте.

Красавица Зиба Ганиева, «тоненькая как тень, с лицом Нефертити», была балериной, студенткой театрального института. Осенью 1941-го она ушла на фронт санитаркой[173].

Дивизия оказалась на Северо-Западном фронте и участвовала в наступлении ноября и декабря 1941 года, в результате которого немцев отбросили от Москвы. Ковшова и Поливанова завоевали репутацию метких стрелков, Наташа Ковшова отличалась еще и

безрассудной храбростью. Стреляли они здорово, особенно Наташа, с трехсот метров попадавшая в «головку». Большое впечатление на товарищей произвел труп убитого Наташей немца, осмотренный ими после того, как часть заняла деревню. Наташина пуля попала точно в переносицу[174].

Бои в течение шести месяцев велись в одном и том же районе, около Демянска, где войскам Северо-Западного фронта удалось впервые за войну замкнуть кольцо окружения вокруг шести немецких дивизий. Однако удержать окружение и разгромить немцев не получилось. К маю 1942 года окружение было снято, и войска Северо-Западного фронта предпринимали все новые и новые попытки снова замкнуть кольцо, перемежавшиеся контратаками немцев.

Бои сменялись передышками, и в эти недели затишья девушки по-настоящему занимались снайперской работой, «охотились», уходя вдвоем далеко к передовой. Летом, в один из таких периодов, Наташа писала маме, что живут они в шалаше под вывеской «Дача № 13», среди березок, как в доме отдыха, и вокруг сколько угодно ягод и грибов[175].

Нина Араловец получила последнее письмо от дочери 13 августа. Наташа писала: «Мы совершили большой переход, примерно 115 километров, и теперь наступаем в другом месте и с другой армией. Место здесь очень болотистое, грязь везде по колено». И, отвечая матери, которой неудобно было получать от Наташи деньги: «Раз у вас есть чего покупать, да еще такие вкусные вещи, то пусть лучше будут у тебя деньги, а не у меня, мне они понадобятся только после войны: платьице хорошее купить!»[176]

Ковшова и Поливанова погибли 14 августа около деревни Сутоки. Что произошло, так точно и не известно. Девушки и снайпер Новиков поддерживали группу автоматчиков, отражавшую контратаки немцев. В какой-то момент они, все трое раненые, остались одни: то ли автоматчики отошли, а они не успели, то ли автоматчиков перебили. Новиков был ранен в живот, и немцы приняли его за мертвого. Ночью он дополз до своих, и от него узнали, что, когда к ним приблизились немцы, девушки подорвали себя и нескольких врагов гранатой. Родным сообщила об этом в письме подруга девушек, медсестра Соня Найденова[177].

Товарищи Наташи и Маши по снайперской «охоте» Зиба Ганиева и Нина Соловей выбыли из строя еще до их гибели. Тяжело раненную Зибу вынесли из боя трое товарищей. Выйдя из госпиталя инвалидом и понимая, что в театральное училище ей

идти уже нельзя, Зиба стала ученым-филологом, защитила диссертацию. И как-то раз все-таки сыграла в кино![178]

Нина Соловей, оправившись после тяжелого ранения, заявила о своей готовности вернуться на фронт и была направлена в Подольск, в Центральную женскую школу снайперской подготовки. По приезде изложили задачу: готовить к фронту, знакомому ей не понаслышке, очередной выпуск девушек-снайперов и потом отправиться на фронт с ними, их командиром.

Глава 6
«Клава, я тебя прошу, не научись там курить!»

В середине марта 1944 года настал день, когда второй выпуск был готов к отправке на фронт. Напутственные речи перед ефрейторами, которые, подтянутые, в парадной форме, стояли теперь в идеальном строю как настоящие солдаты, произнесли несколько высоких чинов из начальства. Кроме них говорила Никифорова — как всегда, душевно и так, что слова ее запоминались надолго.

Через пару дней после прощального митинга роту Ани Мулатовой построили с полной боевой выкладкой: новыми снайперскими винтовками за спиной, вещмешками, саперными лопатками и патронташем на ремне. Противогазы выдали позже, на фронте, но их быстро выбросили, заняв удобные противогазные сумки всякими полезными вещами. (Среди солдат ходила шутка: «Из чего состоит противогаз?» — спрашивает старшина. Отвечают: «Из пачки табака или махорки, куска хлеба, запасных портянок…»)[179]

Пешим строем они прошли до станции мимо серых деревянных изб, в каких жили тогда почти все подольчане. На полустанке их погрузили в эшелон с соблюдением маскировки, в полной темноте. Сопровождающий — офицер из снайперской школы — передал пакет коменданту эшелона. Девушек быстро загрузили в теплушку, и вскоре тронулись. Они затопили железную печку чурочками, которые кто-то заготовил в вагоне, согрелись и уснули на нарах[180].

Ехали несколько суток, и кормили в поезде обычной армейской едой — пора привыкать! — пшенкой и сухарями. Кое-кто, однако, делился с подругами очень дефицитными продуктами — американской колбасой, тушенкой и твердым печеньем: за отличное окончание школы они получили особые пайки с американскими продуктами, которые начали поступать по ленд-лизу. Клава Пантелеева «американский подарок» разделила пополам со своей парой Марусей Чигвинцевой. Будь Клава коммунисткой, ее наградили бы и именной винтовкой, но Клава и «подарку» была очень рада — признанию заслуг, да и деликатесам, конечно, тоже[181].

Эта девушка невысокого роста, с милым и серьезным круглым лицом, с красивыми серыми глазами, пошла в армию

добровольно, как только ей исполнилось семнадцать. Она прошла Всевобуч на респираторном заводе в Орехове-Зуеве — работала с пятнадцати лет, чтобы получать рабочие карточки, 700 граммов хлеба.

В заводском комитете комсомола ей и другим девушкам объявили про снайперскую школу в Подольске, которая тогда проводила второй набор, и спросили, не хотят ли пойти добровольцами. Многие захотели, в том числе и Клава. В школу согласились направить, когда она сказала, что скоро уже ей исполнится восемнадцать.

Когда Клава уходила, мамы не было дома: как все женщины вокруг, она ходила в деревню менять одежду на хлеб. Отец понимал, что не может помешать Клаве, самой последней из 11 детей в их рабочей семье, в семнадцать лет идти на войну. В качестве напутствия он сказал ей только: «Клава, я тебя прошу, не научись там курить!» Потом уж Клава поняла, что говорил он не только о курении: в те времена считалось страшным позором до свадьбы потерять девичью честь.

А мама через некоторое время приехала навестить Клаву в снайперской школе. Самым ценным ее подарком дочери стала переписанная от руки молитва «Живые помощи»[182]. Эта молитва (псалом 90-й), как считалось, обладала мощной защитной силой. Отец Клавы был старый коммунист — вступил в партию еще во время службы в царской армии в 1914 году, но мать осталась глубоко верующей и всех своих детей крестила. Верила в Бога и комсомолка Клава и ничего страшного в этом не видела. Так уж ее растили: отец — с верой в коммунизм, мама — с верой в Христа, и в Клавином сердце эти две веры прекрасно уживались. Всю войну Клава носила листочек с молитвой в нагрудном кармане и считала, что по крайней мере в трех опаснейших ситуациях «Живые помощи» спасли ей жизнь. Такие переписанные от руки матерями молитвы или маленькие иконки носили на войне в нагрудных карманах многие коммунисты и комсомольцы: после двадцати пяти лет коммунизма православная вера и связанные с ней традиции все еще жили.

Училась Клава, самая юная в своей роте, очень старательно. Но со стрельбой дела шли плохо — все «в молоко» и «в молоко», ее даже грозили отчислить. Тут за дело взялась командир отделения Баранцева, которая решила, что поможет Клаве научиться стрелять как следует. И учила ее отдельно, так что Клава стала одной из лучших в стрельбе — и стоя, и лежа.

«Американский подарок» Клава потом вспоминала. Там была и колбаса, и сыр, и печенье, и шоколад. Клава и Маша все поделили поровну, как все делили и в школе, и на войне. В школе

Маруся как-то заболела, и Клава пошла навещать. Подруга вышла к ней с куском белого хлеба, маленьким кусочком — белый хлеб давали только больным. Сколько времени уже Клава не видела белого хлеба! Она отказывалась, конечно, но Маруся ничего не хотела слушать.

На фронт ехал не весь второй выпуск. Кого-то оставили работать в школе командирами отделений, а лучших стрелков отправили учиться в инструкторской роте, чтобы через три месяца отправить на фронт сержантами. Клава Логинова очень расстроилась: из-за этой инструкторской роты она расставалась со своей снайперской парой Валей Волоховой, а ведь им и в голову не приходило, что на фронт они поедут не вместе. Чувства Клавы разделяло большинство девушек в инструкторской роте — лучших стрелков второго набора. Шла весна 1944 года, ситуация на фронте коренным образом изменилась, и победа была не за горами. Что, если не успеешь принять участие в разгроме немцев?

На страницах журнала «Крестьянка» знаменитая женщина-снайпер Людмила Павличенко призывала колхозниц лучше работать на благо фронта и тыла. «Каждый день мы узнаем о новых победах, которые одерживает Красная армия над немецкими оккупантами. Наши войска прорвали блокаду Ленинграда, уничтожили вражескую группировку в районе Сталинграда, стремительно наступающая Красная армия освободила Нальчик, Ставрополь, Пятигорск, Армавир, Краснодар, Курск, Ростов-на-Дону, Ворошиловград, много других городов и тысячи деревень… Враг тяжело ранен, истекает кровью, но не добит…»[183]

Колхозницам, заменившим в сельском хозяйстве мужчин, Павличенко предлагала завести такой же, как у солдат, «личный счет» трудовых побед на весеннем севе. 1944 год должен будет стать годом полного освобождения советской территории от немцев: уже освободили Кавказ и шло наступление на Крым, прорвали блокаду Ленинграда, освободили часть Белоруссии — уже 2/3 оккупированной территории очистили от немцев. Союзники готовились открыть второй фронт, это должно было произойти со дня на день. Настроение и в тылу, и на фронте, несмотря на все тяготы, сейчас было совсем другим, чем год назад.

Нашлись, конечно, и те, кто не очень хотел рисковать жизнью; не каждая курсантка второго выпуска мечтала о фронте. Разошлись пути двух подруг из роты Ани Мулатовой, двух Рит. Риту Москву оставили в инструкторской роте вместе с Клавой Логиновой. А Рита Баркова, такая же высокая, как Рита Москва,

красивая девушка с прекрасным голосом — в роте всегда была запевалой, — осталась при школе. Все девушки в ее взводе прекрасно знали и, разумеется, обсуждали между собой, что Рита Баркова — теперь любовница одного из важных генералов, имевших отношение к школе и приезжавших туда на стрельбы и смотры. «Стыдно как-то все это», — думала про себя Аня[184].

Девушки были еще очень молоды, и подавляющему большинству из них не приходило тогда в голову, что на войне «придется воевать на два фронта», что они будут находиться под постоянным вниманием мужчин, часто грубым. Что по приезде на фронт некоторые взводы ждут унизительные «смотрины» — представители штабов для начала выбирали самых красивых девушек для работы при штабе, чтобы офицерам было с кем завести романчик. Эти девушки не так рвались бы на фронт, если бы знали, что лучшим вариантом для себя многие сочтут вступить в близкие отношения с кем-то из командиров — чтобы защищали от остальных. И что некоторые подвергнутся сексуальному насилию — не от немцев, от своих.

Машу Максимову тревожили намеки в письмах, приходивших с фронта от жениха Вани. Чуть не в каждом письме он повторял, что ей и вообще любой девушке на фронте не место. «Ты не представляешь, как тебе плохо, тяжело здесь придется», — писал он: большего цензура не пропустила бы. Маша, девушка неглупая и достаточно уже повидавшая в своем бедном рабочем квартале Калуги, кое о чем догадывалась. Фронтовичкам, приезжавшим в школу с фронта и рассказывавшим курсанткам о том, «как хорошо на фронте», она лично не верила. И совершенно не расстроилась, когда узнала, что ее оставят командиром отделения со следующим выпуском, третьим[185].

У большинства выпускниц на третий год войны имелись не только патриотические устремления, но и личные счеты с немцами. Кто-то жил на оккупированной территории и видел врага вблизи, кто-то оставил под оккупацией родных, кто-то потерял друзей или семью, кто-то, как Лида Бакиева, долго уже не получал писем с фронта.

Лида, худенькая и спортивная смуглая темноволосая девушка, ушла на фронт из Алма-Аты. В 1944-м ей было всего девятнадцать лет. В семнадцать Лида вышла замуж за веселого и доброго паренька-сироту, повара, всего на пару лет старше себя. Его звали Сатай Бакиев, но друзья почему-то прозвали Володей. С мужем Лида прожила лишь несколько месяцев. Началась война, и его сразу призвали. Пошла бы она на фронт, если бы не ушел Володя? Конечно. Без фронта, без помощи своей стране в ее огромной борьбе Лида, активная комсомолка, себя представить

не могла. Но она была особенно рада, что после школы ее отправили на 2-й Белорусский фронт, тот же фронт, с которого она в последний раз получила письмо от Володи. Письмо пришло уже давно, других не было. Вдруг он ранен и она отыщет его в госпитале? А если погиб, она отомстит за него немцам и приблизит победу.

Комиссар Екатерина Никифорова ездила на фронт с первым выпуском, а второй лишь напутствовала при отъезде из школы. Бывшие курсанты потом часто вспоминали внимательную к ним, спокойную и твердую женщину. Запомнились ее беседы — о снайперском деле, о войне, о политике, о жизни. О Зое Космодемьянской. Пример этой московской девушки, русской Жанны д'Арк, в те годы вел на смерть многих ее ровесников, почти детей.

Еще весной 1943-го на всю страну прославилась краснодонская «Молодая гвардия».

Ребята и девушки, создавшие подпольную организацию, были выданы предателем и зверски замучены фашистами. Александр Фадеев позже написал о них роман, так и называвшийся — «Молодая гвардия». В нем рассказывалось о борьбе и гибели Олега Кошевого и его товарищей, но это было, конечно, художественное произведение, пусть и написанное на основе реальных событий. Краснодонские комсомольцы, вчерашние школьники, которым было от четырнадцати до двадцати пяти, а большинству — по шестнадцать или семнадцать лет (организатору подпольной группы Олегу Кошевому едва исполнилось шестнадцать), здорово отличались от созданных Фадеевым художественных героев — людей невиданной силы духа. Все они были обычные, честные и хорошие ребята, почти дети, любившие Родину и с увлечением включившиеся в борьбу. В силу возраста большинство из них не отдавали себе отчета в том, чем все может закончиться. Люба Шевцова, член штаба «Молодой гвардии», восемнадцатилетняя радистка диверсионной группы, написала из тюрьмы такую записку:

«Здравствуйте, мамочка и Михайловна! Мамочка, Вам уже известно, где я нахожусь. Я очень сейчас жалею, что я не слушала Вас, а сейчас сожалею, так мне трудно. Я не знаю, никогда не думала, что мне придется так трудно.

Мамочка, я не знаю, как Вас попросить, чтобы Вы меня простили за то, что я Вас не слушала, но сейчас поздно. Мамочка, прости меня за все, что я тебя не слушала. Прости. Может быть, я тебя вижу в последний раз.

Прости меня, я не знаю, как простишь. Не увидела я своего отца и уже, наверное, не увижу маму. Передайте всем привет. Тете. Всем, всем. Шуре, пусть меня тоже простит… Прости, уже больше, наверное, не увидимся…»

Любу, как и других ребят, немцы после пыток расстреляли, но после освобождения Краснодона мама Любы Шевцовой получила еще одну весточку от дочери. На стене камеры Люба нацарапала: «Прощай, мама, твоя дочь Любка уходит в сырую землю».

Об этих письмах, письмах не железного большевика, а растерянной, ошеломленной близостью гибели юной души, Александр Фадеев если и знал, то не стал писать в своей книге: для его произведения они были лишними. Любка Шевцова, Любка-артистка, певица, танцовщица, бесстрашный борец с фашистами, в романе «Молодая гвардия» принимает смерть с гордо поднятой головой и без тени сомнения.

Глава 7
«Это был чей-то отец, а я его убила!»

Раненый, принесенный ночью к землянке полкового доктора, больше не нуждался в помощи. Тело в залитой кровью шинели оставили до утра у входа в землянку. Когда под утро, выйдя из соседней землянки «по-маленькому», его увидела Аня Мулатова, он уже закоченел и задубела окровавленная шинель. Анюту затошнило[186]. Она с детства ужасно боялась крови.

Утром, когда раздавали пшенную кашу на завтрак, оказалось, что она не может есть. Только брала в рот ложку каши, как начинало казаться, что рот полон теплой крови. То же самое на другой день и на третий. Анина снайперская пара Тася Пегешова не выдержала и пожаловалась доктору[187], который размещался в землянке рядом. Доктор Аню вылечил: свернул самокрутку и велел ей, никогда ни до, ни после не курившей, затянуться. От крепчайшего табака Аня страшно закашлялась, «потекло изо всех дырок». Отвращение к еде табак отбил. А год спустя Ане ничего не стоило ткнуть раздувшийся труп немца штыком в живот, «чтобы газ выпустил»[188].

Оказалось, что ко всему можно привыкнуть. Даже к трупам в различной степени разложения, которые сначала кажутся невыразимо жуткими, на войне очень быстро привыкаешь. В те же мартовские дни где-то недалеко от Ани, в Белоруссии, молоденькая медсестра Зоя Александрова, пользуясь затишьем в боях, немного отошла вглубь от передовой, в лес. Она оказалась на «месте давнего боя». Вокруг повсюду лежали припорошенные снегом замерзшие трупы советских солдат. Трупы совершенно не испугали девушку, да и вообще мало что могло помешать ей осуществить свое непреодолимое желание. «Сделала бы это и под шрапнелью», — вспоминала она через много лет. Зоя сняла ватник и одежду, освобождая тело, которое, как от жгучего перца, «горело от укусов неисчислимых вшей»[189]. Она не давила их, а сгребала с одежды ногтями и бросала в снег. Ничего важнее в мире в ту минуту для нее не было.

Убитые солдаты, которых уже не боялась Зоя Александрова, лежали здесь с зимы: тогда была предпринята первая, не увенчавшаяся успехом попытка наступления. Когда на 3-й Белорусский фронт в 31-ю армию попал взвод Клавы Пантелеевой, армия стояла в прочной обороне. Здесь-то и нужен снайпер: он действует немцам на нервы, держит их в постоянном напряжении. До приезда в 1944 году девчонок из Подольской

школы снайперских взводов в 31-й армии не было.

Март подходил к концу, а в Смоленской области еще лежал снег. Медленно двигаясь в сторону Белоруссии, Клава Пантелеева и ее товарищи видели в окнах поезда заснеженный лес, сугробы. А когда взвод высадили из поезда — как оказалось, еще очень далеко от фронта — и погрузили в грузовик, началась еще и страшная пурга. Сколько было снега! Толку от грузовика никакого не было: почти всю дорогу пришлось толкать его на себе[190]. Сколько они так «ехали» — день? Два? Бесконечно, показалось Клаве.

Наконец добрались до запасного полка, уже близко от передовой. Заселили их в землянки, где с непривычки было неприятно находиться — темно и очень сыро, промозгло. Но девчонки не унывали. Затопив печку, улеглись на нары: на две длинные палки были набиты жердочки, на них положены еловые ветки — вот и вся постель. Заснули в тот вечер как убитые.

Через день, когда метель успокоилась, настало время познакомиться с немецким передним краем. Выдали маскировочные костюмы и бинты — забинтовать винтовки, чтобы черное не выделялось на снегу. Рано утром дали завтрак: хлеб и кашу, а на обед с собой бутерброд — хлеб с кусочком американской колбасы[191]. «Негусто», — показалось девчонкам, а на самом деле не так давно и появилась эта ленд-лизовская американская колбаса, и сколько людей вспоминали ее в голодные послевоенные годы. До нее тем, кто не мог получить свой обед с полевой кухни, приходилось обходиться одним хлебом, или сухарями, или концентратом, который грызли мерзлый, или ничем.

До немецкого переднего края, как объяснили Клаве и ее товарищам (повели одно отделение — двенадцать человек), было недалеко — где-то триста метров. До своих траншей придется добираться ползком, но где они? — все занесено глубоким снегом! Надя Логинова по ошибке поползла в сторону немцев, на заминированную нейтральную полосу. Что делать? Кричать страшно, они еще всего боялись в свой первый день на фронте. Но все-таки кто-то осмелился позвать погромче: «Надя! Надя! Сюда!» Надя вернулась, и наконец все вместе они приползли в свою заснеженную траншею[192].

То же самое, только с трагическими последствиями, произошло в другом снайперском взводе в той же 31-й армии. Двум парам — Симе Васиной и Наде Селяниной, Лене Милько и Вале Щелкановой — дали, сразу после их приезда на фронт, задание вести наблюдение за передним краем немецкой обороны.

Они простояли в траншее целый день, наблюдая в прицелы винтовок, и, когда наступила темнота, пошли обратно. Серафима Васина вспоминала, как они «от переутомления потеряли ориентир и направились в противоположную сторону, прямо к фашистским траншеям»[193]. Почему рядом не оказалось кого-то более опытного, неясно. Где был командир взвода? По свидетельству многих женщин-снайперов, командиров взводов на передовой они видели нечасто.

Васина вспоминала: «Шли тихо, молча, и вдруг под ногами Вали Щелкановой прозвучал страшный взрыв» — Валя наступила на мину. Над головами повисли ракеты. Немцы открыли минометный огонь. Девушки перевязали Вале то, что осталось от ноги, и «прижались к земле, не зная, есть ли рядом мины». Раненая Валя стонала, остальные уговаривали ее молчать, не выдавать их местонахождение — а то все погибнут. Валя умолкла — видимо, была уже без сознания. Девушки лежали перепуганные, не решаясь ползти назад. Внезапно услышали голос: «Девочки, мы за вами». За ними пришли разведчики, которые взяли Валю и потихоньку понесли. Остальные шли за ними след в след. Валя, очнувшись, просила застрелить ее: не хотела жить без ноги. Потом снова потеряла сознание.

В тот, первый, день, как потом с сожалением вспоминали девушки из взвода Клавы Пантелеевой, «можно было хоть десяток немцев убить»[194]. После нескольких дней снегопада все вокруг было в сугробах, и непуганые немцы на своей стороне, никого не боясь, спокойно среди белого дня расчищали снег. Но в первый раз выстрелить в человека нелегко, это тебе не мишень на полигоне. Стоя на расстоянии вытянутой руки друг от друга, Клава и Маруся только наблюдали в прицел за немцами. На курок нажать ни одна из них не смогла.

Зина Гаврилова и Таня Федорова открыли счет в первый же день. Эти девушки были постарше, Зина Гаврилова пришла в школу после партизанского отряда, Таня Федорова была во взводе комсоргом. Они не испугались. Рассказывали, как «Зинкин немец» вылез утром умыться в одних подштанниках и, когда упал от выстрела Зины, целый день лежал в своих подштанниках у всех на виду; его убрали только ночью.

Когда вечером в землянке шел обмен мнениями, Клава и Маруся, которым «сказать было нечего», ругали себя: «Вот трусихи! Вот трусихи! Зачем же мы приехали на фронт?» Почему другие открыли счет, а они — нет? Когда их повели в траншею снова, тут уж они знали, что ждать да наблюдать не надо. Видишь — стреляй! Первым немцем, которого Клава поймала в прицел,

был солдат, расчищавший снег на пулеметной точке: она увидела в немецком бруствере амбразуру и подставку для пулемета, а немец, поднимаясь над бруствером, чистил снег. Клава выстрелила, и немец упал на бруствер. Тут же его за ноги стащили вниз. В тот день открыла счет и Маруся, и еще многие. Больше немцы там днем снег не чистили, и советские солдаты — тоже. А снег скоро растаял.

Освобождение Белоруссии приблизила ее колоссальная армия партизан. К 1944 году в многочисленных отрядах воевало 143 тысячи человек. Половина белорусской территории находилась под партизанским контролем. Партизаны взорвали десятки тысяч рельсов, вызвав серьезные сбои в немецком транспортном плане. Не только села и деревни, но и десятки районных центров они освободили, не дожидаясь прихода регулярной армии.

В этих партизанских отрядах находились и женщины, и дети. Помимо женщин, пришедших в отряды из окрестных деревень (многие не имели другого выхода), в партизанах были и женщины — комсомольские и партийные работники из Белоруссии, сотни комсомолок-радисток, сброшенных с парашютами на помощь партизанам. Еще сотни были сброшены неточно или неудачно, погибли или попали в руки немцев: почти все эти девушки не имели опыта прыжков с парашютом, что не прибавило успеха в выполнении боевого задания. Клаве Ромашовой повезло.

Когда осенью 1942 года ее сбрасывали с парашютом на территории Брянской области, она умела только складывать парашют. Из самолета ей выпрыгнуть помогли — попросту столкнули, и главный парашют раскрылся сам. Потом она думала, что, если бы что-то произошло с этим основным парашютом, она бы погибла, так как раскрывать запасной ее никто не учил. Клаве было 20 лет. Она прыгала, нагруженная автоматом, тремя круглыми дисками к нему, рацией и питанием для рации, в шинели. Сбрасывали ее на разожженные партизанами костры, и спустилась она как раз к ним, только парашют зацепился за сосну. Отрезав ножом стропы, Клава приземлилась и отползла немного в сторону, не сообразив, что, если здесь немцы, они сразу же найдут ее: ведь над ней висел парашют. К счастью, партизаны, увидев парашют, стали звать: «Радистка! Радистка!»

Клава молчала, боясь, что это полицаи, но в конце концов один из них споткнулся об нее, вскрикнув: «Да вот она сидит!» Девушке тут же предложили «партизанский виноград» — замороженную гроздь рябины. Эта ягода, невыносимо вяжущая на

вкус, становится вполне съедобной, когда ее тронет мороз. Через несколько часов у Клавы был первый сеанс связи с Москвой.

Рассказывая об этом через много десятилетий, Клавдия Ромашова, до войны — комсомольский секретарь из Перми, удивлялась тому, насколько смелой в двадцать лет была она и ее товарищи. Когда их спросили по окончании курсов радистов, не хочет ли кто-то остаться работать преподавателями вместо того, чтобы лететь в тыл к немцам, отказались все, кроме одной девушки. Клава запомнила ее фамилию — Большакова.

Поначалу для нее, городской девушки, все в партизанском отряде было очень странно: люди, еда, быт[195]. Поверх большого прогоревшего костра накладывали лапник, а на лапник ставили палатки — и в них тепло было спать даже зимой, а та зима была очень холодная. Пойдя на задание с командиром, она ночевала в деревенском доме и после этого заболела тифом. Девушка была еще очень слаба, когда немцы начали операцию против партизан, и нужно было уходить на другое место. Ее везли на лошади, и ей казалось, что в седле она держится только чудом, ехала в первый и последний раз в жизни. На этом испытания не кончились: немцы прижали партизан к болоту, и выйти удалось с помощью местных крестьян, которые вывели их след в след, каждый палкой нащупывал перед собой путь. Контузия, которую Клава получила в конце этого перехода, на какое-то время лишила ее слуха, и, хотя потом он частично вернулся, радисткой работать она уже не могла. После того как партизанская бригада в 1944 году соединилась с Красной армией, ее отправили в тыл. А партизаны влились в регулярные военные части и наступали с ними.

На второй день после приезда в деревню Красное под Оршей командир взвода старший лейтенант Ракитянский повел отделение Ани Мулатовой — 12 девушек — знакомиться с передним краем обороны. Командир — невысокий худой парень с типичной еврейской внешностью — казался им взрослым, хотя был всего на несколько лет старше: ему было 22 или 23 года. При первом знакомстве, когда Ракитянский из полка приехал за ними в школу, уже понюхавший пороху старший лейтенант показался им бывалым фронтовиком. Между офицером и ими, ефрейторами, лежала пропасть. Ракитянский общался с подчиненными спокойно, вежливо и строго[196]. Он был не снайпер, на фронт попал после пехотного училища, однако многому их научил.

В свой первый день на переднем крае девушки поднялись задолго до рассвета. Небо в ту ночь было звездное, вокруг «тишина немая», как будто передний край был от них еще

очень далеко. Скрипел снег. Тропинка петляла, то спускаясь в низину, то поднимаясь наверх. В лощине Ракитянский вдруг сказал шепотом: «Сейчас нужно перебежку сделать, пригнитесь. Эта низина простреливается». Перебежав низину, они пошли по ходам сообщения, глубоким, в полный профиль — то есть полтора метра. Ракитянский вел их на наблюдательный пункт командира пехотной роты, на чьем участке предстояло работать снайперскому взводу[197].

В землянке, сделанной добротно, с четырьмя накатами[198], дверью служил кусок брезента, но в ней было уютно, топилась печурка. Задержаться там не пришлось. Уточнив у командира роты пароли, Ракитянский сразу повел девушек дальше, к амбразурам в траншеях. Здесь им предстояло «охотиться». Аниной паре Тасе Пегешовой захотелось рассмотреть немецкий передний край получше, не через амбразуру, и она высунула голову над бруствером. Но Ракитянский был начеку: тут же дернул ее за шинель, чтоб не высовывалась, и напомнил, что и с той стороны за ними наблюдают[199].

Аня встала к амбразуре в нескольких метрах от Таси, чтобы не нужно было кричать друг другу, и смотрела в прицел. Все было непривычно, не как в снайперской школе. Перед ней была нейтральная полоса, дальше, в двухстах метрах, первая линия немецкой обороны: несколько рядов проволочного заграждения, «спираль Бруно»[200] между ними. Дальше — темная опушка леса, легкая дымка над землей, и больше ничего.

Аня и Тася вглядывались, пока не начинало резать глаза или пока не приходилось ходить по траншее, чтобы согреться: еще держались морозы. Отсыревшие накануне валенки не удалось просушить, они задубели и замерзли. Немел от холода и указательный палец, который, напряженный, все время лежал на спусковом крючке[201]. Простояли до сумерек, не открыв счет, и, измученные, промерзшие и голодные, вернулись в свою землянку. Рассевшись вместе с другими девушками вокруг печурки, сняли валенки и маскхалаты, положив на просушку: на другой день наденет следующая смена. Сняли шинели, съели ужин и, не раздеваясь, повалились на нары. Когда кто-то из уснувших девушек начал монотонно похрапывать, Аня почувствовала, как она тоже, согревшись, проваливается в сон.

Открыли счет Аня с Тасей на следующей «охоте» — одновременно и с довольно приличного расстояния. Только начав наблюдать за немцами, на рассвете, они увидели вдалеке солдат, которые что-то несли вдвоем за две ручки — ящик или флягу. Сначала они были совсем далеко, две черные точки. Девушки решили — подождем. Немцы скрылись в ходе сообщения, и Аня

думала, что «уже все», ушли. Но нет, пара появилась снова: поднялись из лощины, шагая в полный рост. Теперь до немцев было метров шестьсот, можно стрелять. Аня и Тася выстрелили одновременно (договорившись, кто какого немца берет), и оба немца упали «как скошенные». Тася «своего фашиста» уложила наповал, Анин, лежа на земле, корчился и метался от боли. Теперь нужно было менять амбразуру, ведь из каждой можно стрелять лишь один раз, иначе тебя засекут[202].

Позже Аня поняла, что именно из-за большого расстояния первый немец дался ей легко. «Будто по мишени выстрелили», — вспоминала она. И чувство после этого «было отличное — что начало есть». Убить с большого расстояния легче морально. Стреляя с двухсот метров, снайпер в оптический прицел хорошо видит лицо жертвы. А через два месяца Ане пришлось стрелять в немца с расстояния всего метров в пять, и вот этот немец потом всю жизнь мучал ее.

Для Аниных однокашниц по снайперской школе, успевших разглядеть в прицел лицо своего первого немца, этот убитый или раненый человек стал причиной сильнейшего переживания. Сделав удачный выстрел по человеку, снайпер вдруг осознавала, что этот выстрел не имел ничего общего с сотнями выстрелов на тренировках. Эта человеческая фигура, эти «головка» или «грудка» не были мишенью. Это был такой же человек, как ты.

Советская пропаганда, очень эффективная, сыгравшая огромную роль в разгроме немцев, призывала убивать и убивать. Убив хотя бы одного немца, ты приблизишь победу и спасешь жизни советских людей. Завораживающие, страстные статьи Ильи Эренбурга внушали солдатам, что самый быстрый путь к победе, к освобождению родной земли и спасению ее людей — это истреблять врагов, и чем больше, тем лучше.

Тося Махлягина, тоненькая, светловолосая, красивая девушка с Урала, была похожа на свою снайперскую пару Тосю Братищеву, как сестра. Только Тося Братищева была темненькая. Похожи были и характерами, веселые и оптимистки. Им не сразу удалось открыть счет, и обе переживали. Другие девушки уже открыли, но подруги все боялись выстрелить, а по вечерам, после «охоты», кляли себя. Наконец — победа! Тося Махлягина выстрелила по поднявшемуся над бруствером немцу, и тот упал. От радости захватило дыхание, попала! И тут же пронзила страшная мысль: «Это был чей-то отец, а я его убила!»[203] Немец, которого Тося успела разглядеть, был с усами, немолодой. Тося, сирота, воспитанная бабушкой, вдруг поняла, что вот теперь ее выстрел, наверное, сделал сиротами других детей. Да, это был враг, но

первым выстрелил не он, а она. Этот человек «должен был еще жить», думала она. Тося рыдала[204].

Кончался март, и весна наконец вступала в свои права. На 2-м Белорусском фронте таял снег, открывая страшные картины. После боев лежали незахороненными целые поля мертвецов, по большей части русских: немцы старались хоронить своих. К ним добавлялись все новые и новые кладбища незахороненных. Мартовской ночью 1944-го по такому полю совсем одна шла снайпер Лида Бакиева.

Как-то поздно вечером Лида не могла уснуть, все думала о том, что стало с ее мужем, с Володей. Он воевал на этом фронте, и уже очень давно Лида ничего о нем не знала. Все в ней протестовало против этого покорного, подавленного ожидания. В жизни она привыкла всегда быть активной, действовать. В каком-то отчаянном порыве она вышла из землянки и пошла на поле, где недавно был бой. Лида ходила между убитыми русскими и немецкими солдатами, вглядываясь в лица своих: ей почему-то казалось, что она найдет мужа. Подморозило. В лунном свете лица покойников казались живыми. Она ходила и ходила, переворачивая тех, кто лежал ничком[205].

Лида Бакиева больше не вышла замуж и долгие годы искала мужа, пропавшего без вести на 2-м Белорусском, для нее навеки оставшегося двадцатилетним. Но так ничего и не узнала о его судьбе.

Когда от руки врага погибнет не кто-то, о ком ты прочитаешь в газете, и даже не просто твой знакомый, когда погибший — родной или близкий тебе человек, тогда твоя рука, нажимая на спусковой крючок, не дрогнет: тебе есть за кого мстить. Первая гибель товарища от немецкой пули или осколка потрясала так же сильно, как на гражданке, и после нее стрелять в немцев становилось легко.

Много девушек-снайперов погибло в самые их первые дни на фронте, пока они не успели научиться осторожности. Аня Мулатова впервые стала свидетелем гибели подруги еще под Оршей. В первые же дни погибла Таня Мошкина, но Аня при этом не присутствовала. А вот Машу Василискову убили при ней. В тот день Аня была без Таси: у той были месячные, что освобождало от «охоты». Траншея, по которой командир Ракитянский вел нескольких человек, была прокопана зигзагами, а так как немецкие позиции располагались на более высокой точке, дальняя сторона зигзагов, видимо, просматривалась ими. Ракитянский прошел первым, и, когда по зигзагу траншеи пошли

девушки, Аня вдруг услышала треск и увидела, что Маша Василискова упала. «О боже, чего же это Маша-то упала Василискова?» — подумала она, еще не осознав, что случилось. За Машей шла Клава Лаврентьева, и следующая пуля попала в нее, ранив в плечо. Потом шла Аня. Она сразу упала на землю и добралась до раненых ползком. Из Машиной шеи била струя крови, но она была еще в сознании и просила пить. Ее кое-как перевязали и потащили. Вскоре она умерла[206]. Эта была первая для Ани встреча со снайпером — таким же, как она сама, заметившим в прицел, как «головки прыгают» вдоль траншеи.

Убитой Маше устроили настоящие похороны — таких не удостоился больше никто из снайперов Аниного взвода, погибших на войне. Сделали настоящий гроб, украсили его марлей, из бумаги наделали искусственных цветов. Похороны фотографировали, и все девочки очень плакали. Позже уже так не оплакивали убитых подруг.

Шла весна, стаял снег, появились листочки на деревьях и первые цветы. Фронт не двигался, и у взвода Клавы Пантелеевой образовался свой режим — «охотились» днем, сменяя в траншее солдат-пехотинцев, а ночью спали. Так было и в тот день. У немцев не было видно никакого движения, и Клава с Марусей, поставив винтовки в амбразуры, наблюдали по очереди — все время смотреть не сможешь, устают глаза. «Давай я теперь встану», — сказала Маруся. Она встала к своей винтовке и, видимо, шевельнула ее, так что стекло отразило солнце. Немецкий снайпер только этого и ждал. Прогремел выстрел, и Маруся упала. Она умерла мгновенно, и Клава страшно кричала и рыдала. Разбуженные криком солдаты выбежали к ней и стали просить замолчать: до немцев было всего двести метров. «Тише, тише, сейчас откроют минометный огонь!» Но Клава не могла успокоиться. С мертвой Марусей она просидела до вечера. Наконец стало темно, и солдаты помогли Клаве унести тело подруги на плащ-палатке. Клава думала переодеть Марусю, но так и похоронили ее в окровавленной военной форме, только набрали первых цветов. А Клаве чуть позже дали в пару Марусю Гулякину, москвичку, до войны работавшую у кого-то в прислугах. Маруся Гулякина была постарше Клавы, «уже женщина», у нее было доброе рябое лицо. Она относилась к Клаве как старшая сестра, заплетала ей косички с бантиками из бинта. Вскоре ее тоже убили[207].

«Нигде так, как на войне, человек не нуждается в тесной дружбе и товариществе, даже солдатский котелок рассчитан на

две порции супа. Шинелью можно двоим укрыться, плащ-палатка на двоих. Если лежишь раненый, то затащить в укрытие, принести поесть, подать попить может друг. Друг на войне — это жизнь» — так писал в воспоминаниях минометчик Василий Григорьевич Селин[208]. Наверное, под этим подписался бы каждый, кому приходилось выживать в экстремальной ситуации.

И если этот друг, который так был тебе нужен, гибнет, у выжившего всю жизнь болит о нем сердце. В психологии это называют, кажется, «виной выжившего»: почему он, а не ты? Наверное, такие эмоции еще сильнее у тех, кто и живет, и работает в паре с другом. Девушки в снайперской паре и ели вместе, и спали на одной шинели, укрывшись другой, и на задания ходили вдвоем, делились секретами и страхами, мечтали о будущем. Одну убивали, а вторая чувствовала, что никогда не будет прежней. «Марусю убили, и теперь я живу за нее», — вспоминала через много лет Клавдия Пантелеева[209].

Маша Шварц, пара Кали Петровой, тоже погибла в самом начале их пребывания на фронте. Она была наполовину еврейка, красивая молодая женщина с черными волосами и глазами, постарше Кали и очень умная, хорошая собеседница. Каля ее уважала и тянулась за ней.

В день ее гибели было очень холодно, и девушки по очереди бегали греться в землянку. Маша пошла и не вернулась. Потом пришел солдат и сказал Кале, что Маша убита. Ее застрелил снайпер на участке, где не была еще прорыта траншея: там приходилось перебегать поверху. Каля тоже несколько раз успела перебежать там в тот день. Ночью труп Маши привезли на волокуше в расположение взвода, и Каля с подругами похоронили[210].

Другой пары Кале не нашлось, да и в любом случае скоро начали наступать, а в наступлении пары не требуются: снайперы участвуют в нем как обычные бойцы. Оставшись одна, Каля сблизилась с Розой Шаниной и Сашей Екимовой, их стали называть «тройкой». «Наша боевая тройка», — писала Роза Шанина в своем дневнике. Роза была простая и грубоватая, Саша — с гонором, и Каля не подружилась с ними так близко, как с Машей, но она уважала этих девчонок за храбрость.

Глава 8
«Ваша дочь погибла за Родину. Хоронить ее нам не пришлось…»

8 апреля 1944 года 4-й Украинский фронт начал штурм Крыма со стороны Сиваша и Перекопа. 46-й гвардейский ночной бомбардировочный полк, единственный в советских ВВС состоявший полностью из женщин, бомбил немцев в Керчи. 9 апреля, за два дня до освобождения города, полк потерял молодую летчицу Пану Прокопьеву и ее штурмана — в ту ночь с Паной вылетела штурман полка Женя Руднева. Женя была очень опытным штурманом: этот вылет для Паны Прокопьевой был десятым, для Жени — 645-м. Руднева, неизменно требовательная и к себе и к другим, считала своим долгом подниматься в небо со всеми начинающими летчицами.

Привыкшие за два года к потерям подруг, однополчанки Женю оплакивали так, как, наверное, никого еще не оплакивали. Для 46-го гвардейского полка ночных бомбардировщиков 4-й воздушной армии эта потеря была одной из самых болезненных за всю войну. Перед Женей, мечтательницей, знавшей бесчисленное количество сказок, дотошным штурманом, бесстрашным и верным товарищем, в полку благоговели.

Самолет Прокопьевой не вернулся с бомбежки в районе поселка Булганак под Керчью. Когда освободили Керчь, Женю и Пану безрезультатно искали, и через три месяца комиссар полка Евдокия Рачкевич написала родителям Паны: «Ваша дочь погибла за Родину. Хоронить ее нам не пришлось. Она сгорела вместе с Женей Рудневой, и ветер развеял их пепел»[211].

Это было не так. Самолет упал в центре Керчи, и девушек нашли и похоронили жители города. Обгорелое тело Паны, на котором хорошо сохранились солдатские сапоги, приняли за труп мужчины и похоронили в братской могиле. Тело Жени выбросило из самолета, так что оно обгорело меньше. Местные люди похоронили ее в городском парке, написав на могильной дощечке: «Здесь похоронена неизвестная летчица». Об этом однополчане узнали лишь в 1966 году, когда могилы нашла комиссар Рачкевич.

570-й стрелковый полк покинул Аджимушкайские каменоломни 10 марта. Зина Галифастова написала матери в Армавир: «Вчера наша армия перешла в наступление. Мы,

девочки, шли со своим полком. Сильные были бои. Фашисты отчаянно сопротивлялись. Иногда ляжешь на землю и нельзя поднять головы… Знаешь, за тобой и рядом — друзья бегут. Мы прорвали очень сильные укрепления немцев и ворвались в Керчь. Теперь, милая мамочка, гоним извергов дальше, к Севастополю. Счастлива тебе сообщить, что в этом бою никого из моих подруг-снайперов не убило и даже не ранило. Нам для снайперского взвода дали автомашину. Теперь мы не пешком будем догонять фрицев, а на машине…»[212]

227-я стрелковая дивизия вошла в состав Приморской армии второго формирования: первая, в которой служила Людмила Павличенко, почти полностью попала в плен или погибла в Севастополе в 1942 году. Дивизия, а с ней снайперский взвод, начала наступление на Керчь в ночь на 11 апреля. К утру город был освобожден. Советские солдаты, оказавшись среди руин, не встретили там мирного населения: из ста тысяч в городе осталось всего человек тридцать. Много погибло, всех остальных немцы выселили из города. От Керчи — до войны большого, зеленого города — ничего не осталось. Один из участников освобождения города написал в письме: «Немного впечатлений: Ночь. Переправа… и под ногами Крым. Всюду изуродованная разбитая техника: танки, орудия, автомашины… Вот и ворота Крыма — Керчь. Вернее, то, что называлось Керчью. Груды развалин — следы этих сволочей со свастикой»[213]. Настало время освободить Крым, и появились ресурсы для этого. Хотя из-за быстрого наступления других фронтов его освобождение уже не имело огромного стратегического значения, оно стало бы серьезнейшим ударом для немецкой стороны, в том числе и моральным.

11 апреля Приморская армия прорвала укрепления Турецкого вала на Перекопском перешейке и подошла к Ак-Монайским каменоломням, где немцы построили еще одну линию укреплений. На следующий день взяли Феодосию. Там снайперов нашла вернувшаяся из госпиталя после ранения в горло Галя Колдеева. Медсестре Жене Грунской она привезла газету, в которой было опубликовано письмо Жени в родную 36-ю школу. «Кончится война, — писала Женя, — сяду за парту и буду наверстывать упущенное. А вам, девочки, желаю успеха в учебе, чтобы стать хорошими специалистами…»[214]

Зина Галифастова писала домой: «Скоро услышите о полном освобождении Крыма!..»[215] После Феодосии Приморская армия освободила город Старый Крым и двигалась дальше, к Севастополю. В горах шли дожди, дороги развезло. Грузовичок часто приходилось толкать.

17-я немецкая армия отступала по направлению к Севастополю, откуда должна была быть эвакуирована по морю. Хотя Гитлер подтвердил приказ об обороне Крыма и отклонил предложения об эвакуации, план эвакуации войск из Севастополя существовал. В последнем варианте, подписанном в апреле 1944 года, этот план получил название «Адлер». В течение 6–7 дней предполагалось отвести войска из всех секторов полуострова в укрепленный район Севастополя, откуда они будут эвакуированы транспортными судами. В Севастополе построили еще линию оборонительных сооружений с противотанковыми рвами, чтобы задержать преследующие танковые соединения. Немецкое командование на полуострове считало, что сможет продержаться в Севастополе три недели — тогда 17-я армия будет спасена.

Грузовик, без сомнения, пригодился снайперскому взводу: с 12 апреля и до 16-го Отдельная Приморская армия только и делала, что преследовала немецкие и румынские части, в панике бежавшие к Севастополю. По мере приближения к Севастопольскому укрепрайону сопротивление немцев усиливалось. 16-го преследование закончилось: Приморская армия остановилась на ближних подступах к Севастополю. Предстоял штурм города.

12 апреля Гитлер отдал безумный приказ оборонять Севастополь до последнего (впоследствии смягченный: войскам требовалось продержаться там 8-10 недель). 24-го эвакуация полностью прекратилась. В укрепрайоне осталось 55 тысяч немецких военных, которым не оставили выбора, кроме как погибнуть здесь или сдаться в плен.

18 апреля после больших боев Отдельная Приморская армия взяла Балаклаву, небольшой город на подступах к Севастополю. Теперь путь к городу преграждала только горная цепь.

Сапун-гора — сплошные мощные минные поля из противотанковых и противопехотных мин, траншеи глубиной до двух метров, проволочные заграждения в 3–5 рядов. В траншеях через каждые 25–30 метров были подготовлены площадки для пулеметов, через каждые 150–200 метров — доты и дзоты. Горная цепь в сочетании с инженерными сооружениями делала рубеж практически неприступным.

«Не успел оглянуться, вот она — Сапун-гора, — вспоминал принимавший участие в штурме Иван Яковлевич Шпак. — Там, конечно, густо они понаделали всякого разного: дзоты, доты, траншеи, норы какие-то…»[216] Несколько дней, в ожидании наступления на Сапун-гору, снайперы занимались своей работой, подкарауливая немцев на укрепленной линии. Снимали

пулеметчиков, наблюдателей, офицеров, простых солдат. Нине Коваленко удалось застрелить немецкого снайпера, принесшего немало бед[217]. Ночью они стреляли наугад по вспышкам из пулеметных гнезд, чтобы держать немцев в напряжении[218]. Все вокруг них было изрыто воронками, над сопками висел пороховой дым.

Немецкую оборону прорвали 7 мая. Мощная артподготовка, длившаяся полтора часа, и танки, бившие по немецким укреплениям прямой наводкой, «выковыряли из нор» часть защитников горной цепи. Мария Филипповна Иващенко, в тот день штурмовавшая Сапун-гору с артиллерийским полком, где служила связисткой, вспоминала, что «штурм оказался очень страшным. Немцы сильно укрепились, а ведь Сапун-гора тогда была абсолютно голой, ни деревца, ни веточки. Пехота вроде атаковала, а немецкие позиции, казалось бы стертые с лица земли нашей артиллерией и авиацией, внезапно оживали и кидали на головы наших молодых ребят стальной ливень из пуль и мин»[219]. Пехоту, которую поддерживала часть Иващенко, нещадно выбил огонь, и девушке было очень жалко солдат, особенно совсем молодых местных ребят, только что призванных и обученных за несколько дней.

Девятнадцатилетний минометчик, поэт Эдуард Асадов в тот день на Сапун-горе был тяжело ранен и ослеп. Позже он написал, что в севастопольском аду удача отвернулась, его «счастливая звезда» забыла о нем:

> И в том бою, когда земля горела
> И Севастополь затянула мгла,
> Ты, видимо, меня не разглядела
> И уберечь от горя не смогла[220].

Рано утром 7 мая взвод девушек-снайперов перемешался с наступающими солдатами. «В воздухе свистели мины и осколки»[221], — вспоминала Нина Коваленко, бывшая студентка Краснодарского педучилища, в войну — командир отделения девушек-снайперов. Катя Передера, размышляя позже о произошедшей беде, удивлялась, как все девчонки, двинувшись вперед, тут же потеряли друг друга из виду: она оказалась вместе с Женей, рядом были ребята-автоматчики. Заметив девушек, солдаты стали орать им, чтобы шли обратно. Вокруг был редкий кустарник, в нем не спрячешься от огня немцев, отстреливавшихся сверху[222].

«Куда вы лезете! — крикнул кто-то. — Прячьтесь!» Они и сами видели, что надо залечь и переждать огонь. Советские

солдаты вокруг них уже не двигались вперед, «все там катились вниз», вспоминала Передера.

Девушки увидели неглубокую воронку от артиллерийского снаряда, в которую можно было спрятаться. Катя оставила винтовку наверху у края воронки, и сначала разнесло винтовку.

Женю ранило, когда она вползала в воронку. Она «поникла сразу», но успела попросить Катю: «Перевяжи меня!» Пуля попала в сердце, но Женя еще пару минут была жива. Тут же ранили и Катю, пока она еще не успела полностью залезть в воронку — «ноги торчали наружу». По ним, конечно, стрелял немецкий снайпер, использовавший разрывные пули. Такими пулями пользовались и они. Катя почувствовала страшный удар, «как будто сильно-сильно по ногам палкой ударили». Нога с наполовину сорванным сапогом превратилась внизу в страшное месиво. Катя достала перевязочный пакет и хотела перевязывать Женю, но так и не перевязала. Только, превозмогая страшную слабость, развернула пакет, как увидела, что Жене уже не поможешь. Где-то рядом должна была быть медсестра Женя Грунская из их взвода, но Катя понимала, что некогда ждать помощи. Надо, пока не потеряла слишком много крови, ползти вниз — иначе умрет или добьет немецкий снайпер.

Она поползла, дважды по дороге потеряв сознание, и сама доползла вниз. Только там ее положили на носилки и унесли в убежище. «Где Женя?» — спросил кто-то, и Катя сказала, что Жени больше нет.

Потом, скитаясь по госпиталям, и после войны Катя все думала о Жене. Что стало с ее телом? Похоронил ли кто-то Женю, запомнят ли люди то место, где она похоронена? Будет ли куда прийти матери? Позже она узнала, что Женя похоронена в братской могиле на Сапун-горе. Там же лежит и еще одна Катина боевая подруга, медсестра Женя Грунская, которая погибла в том же бою.

Разрывная пуля раздробила Кате пятку, и она целый год провела в госпиталях. В августе 1944 года, сменив два госпиталя, она ехала в третий. Дела шли не блестяще: нога заживала плохо, предстояли еще операции. Кормили в госпиталях ужасно, болеутоляющих не было, но вокруг были люди, которые страдали гораздо больше, чем Катя. Она уже решила, что после войны пойдет учиться на врача. Ее мучила тоска по дому и по маме. И вдруг в августе перемещение в очередной госпиталь — многодневное путешествие в санитарном поезде, то тихо ехавшем, то сутки стоявшем на какой-нибудь станции, — неожиданно приблизило ее к дому.

«Это же Кавказская!» — вскрикнула она, проснувшись утром

на станции и выглянув в окно. Здание станции выглядело не лучшим образом, но Катя сразу узнала ее. Здесь был ее дом. «Ой, Кавказская! Мама моя здесь!»[223] — закричала она, и кто-то из ходячих раненых позвал к окну местных женщин — их много встречало поезда с ранеными в надежде найти сыновей и мужей. «Скажите адрес, мы сходим», — вызвался кто-то из них. И, когда Катя сказала (мама жила в двух или трех километрах от вокзала), две женщины со всех ног побежали туда. Матери, как назло, не оказалось дома, и эти совершенно незнакомые женщины кинулись ее искать в другом месте, про которое сказала соседка. Катя просила, чтобы мама принесла квашеной капусты, цветов и сала: этого ей больше всего не хватало на фронте и теперь, в госпиталях. Она смотрела в окно и ждала, ждала. Неужели сейчас поезд тронется и мама не успеет? Мама успела, прибежала «вся в мыле». Принесла капусту, вареной картошки, которая оставалась дома, хороший кусок сала и цветы — панычи, офицерики, всех оттенков от красного до желтого, и первые астры, и голубенькие Дюймовочки. Катя очень любила эти неприхотливые цветы и, когда сама стала матерью и у нее появилась дача, тоже сажала такие — панычки и астры, «простенькие палисадниковые цветочки».

Мама провела с ней пару часов, потом поезд поехал дальше. Но, как оказалось, конечная точка Катиного больничного маршрута была уже не так далеко. Мама часто к ней приезжала в тот госпиталь, привозила Кате котлеты, блины и редиску, скрашивая больничное питание. Приезжала и сестра — не Нина, Нина демобилизовалась только после войны, а Валя, которую недавно выпустили из тюрьмы. Она сбежала из воинской части, где работала как вольнонаемная, и за это была арестована: по законам военного времени вольнонаемным нельзя было покидать рабочее место.

Катин взвод пошел дальше, гнать немцев. В боях за Севастополь он потерял еще двоих бойцов: погибли Лиза Василенко и Лиля Вилкс. Остальные освобождали Румынию, Венгрию и Чехословакию. В городе Зволен 1 февраля 1945 года погибла Галя Колдеева, которой только исполнилось 19 лет[224].

Глава 9
«Ведут себя девушки исключительно скромно, дисциплинированно…»

«Прибывшими снайперами-женщинами уничтожено 8 немцев»[225], — записано в донесении по 1138-му стрелковому полку 7 апреля. Роза Шанина и ее товарищи лишь недавно попали на фронт. Армия, в которую прислали снайперов, стояла в обороне в Белоруссии. Хотя решение о наступлении на этом участке фронта уже было принято, началось оно лишь в июне, и к этому времени о работе девушек-снайперов, особенно Розы Шаниной, знал весь фронт. Старший сержант запаса Жудин позже описал, как в полку появились девушки, как он водил их на передний край — показать, где больше скопилось немцев[226]. Лучше других он запомнил Розу — самую активную из девчонок. Прошло меньше месяца, и 1 мая о Розе писали фронтовые газеты: «Красноармейская правда» и «Уничтожим врага». О ней писали и в боевых листках частей. Заголовки были такие: «Следуйте примеру Розы Шаниной!», «Ни один патрон без фашиста!». В конце мая сержанта Жудина вместе с Розой награждали орденом Славы: счет Розы к этому времени превысил двадцать.

Шанина рассказывала в прессе о своем первом немце: «Наконец к вечеру в траншее показался немец. Я определила расстояние до цели. Оно было не больше четырехсот метров. Дистанция подходящая. И когда фриц, пригибаясь, пошел к лесу, я выстрелила. Но по тому, как падал немец, я поняла, что не убила его. Около часа фашист лежал в грязи, не решаясь двигаться. Потом пополз. Я выпустила вторую пулю. На этот раз выстрел оказался верным»[227].

Фотокорреспондент фронтовой газеты «Уничтожим врага» Александр Становов познакомился с этим снайперским взводом сразу, как они попали на фронт, и слышал об их первых успехах во время обороны между Витебском и Ор-шей. Он и сам вместе с солдатами сначала подсмеивался над «говорливыми, веселыми девчатами»: какие из них солдаты? Но вскоре уже снимал их для армейской газеты: Розу, Калю Петрову, Симу Анашкину, Лиду Вдовину, Дусю Красноборову и Сашу Екимову. Эту группу 19 мая упоминала даже сводка Информбюро. О Розе написали отдельно, как об «уничтожившей 15 фашистов»[228]. Когда Становов появился в расположении взвода, Роза, «высокая, стройная, с

улыбчивыми глазами девушка», наотрез отказалась фотографироваться. Согласилась наконец сняться в окружении подруг[229].

Разговорившись с ней, Становов узнал, что Роза — северянка и до войны работала воспитательницей в архангельском детском саду «Березка». После начала наступления Становов потерял Розу и ее подруг из виду и только слышал о них от знакомых, которые «встречали этих девушек на фронтовом пути», и читал в газетах. Через сорок лет, оказавшись в Архангельске, он отыскал там детский сад «Березка». В садике висел большой портрет Розы. Становов узнал снимок, который он сам сделал столько лет назад.

Снайпера Вдовину — очень хорошенькую невысокую девушку с мелкими чертами лица — во взводе прозвали «старушкой», видимо, потому, что волосы у нее были совсем светлые, как седые. Такие волосы можно иногда встретить у тех, кто живет рядом с Белым морем, — Лида жила в Архангельске и попала на фронт вместе с Розой. Она уступала Шаниной в счете, однако тоже стреляла здорово — газеты писали и о ней, и о Саше Екимовой. «В боях за Витебск Лида Вдовина уничтожила восемь фашистов». Как и у Кали Петровой, боевая работа Лиды началась с трагедии. В траншею приполз связист и сказал ей: «Иду за вашей подругой Ниной, она убита»[230]. Лида поползла за ним. Когда подползли к тому месту, где погибла пара Лиды, Нина Посажникова из Джамбула, увидели только торчащие «сапоги и дуло винтовки, вся она была засыпана землей». Лида «взяла ее винтовку и пошла в свое расположение. Боль и горечь захлестнули и не проходили». В боях за Витебск Лида отомстила за Нину, но первый ее немец был за брата Виктора, погибшего в 1941 году. В армейской газете написали: «Лида Вдовина мстит за смерть брата»[231].

К лету 1944-го фронтовые газеты и даже центральные часто писали о многих других девушках из второго выпуска. Публиковали письма командиров, благодаривших ЦЖШСП за кадры. Командир отделения снайперов Спивак из 125-й Красносельской стрелковой дивизии писал в школу: «Я получил 10 снайперов-девушек, мне их поручили как старому воину Отечественной войны, снайперу, и я им передаю свой боевой опыт. Они за дело взялись хорошо. У них ежедневно растет счет мести: у Богомоловой на боевом счету 14 гитлеровцев, у Адоратских — 11, у Швецовой — 14, у Морозовой — 12, у Булатовой — 10, у Тупековой — 5, у Неволиной — 5, у Карамышевой — 6, у Киселевой — 4, у Веревкиной — 9. Девушки-снайперы заставили противника ползать по земле. Ведут себя

девушки исключительно скромно, дисциплинированно…»[232]

Чего нельзя было сказать о некоторых их командирах.

Вскоре после того, как взвод Таисии Киселевой попал на фронт, их комбат стал проявлять большой интерес к снайперу Зине Карамышевой. Зина не соглашалась на близость, не реагировала на угрозы. Улучив момент, комбат заперся с ней на втором этаже дома и изнасиловал. Этим все не закончилось: насильник не выпускал Зину, держал два дня взаперти. В конце концов она позвала на помощь подруг, и те помогли ей спуститься по связанным вместе простыням[233]. Искать управы на командира-насильника? Это было слишком опасно, не многие отваживались: застрелит тебя на передовой — и поминай как звали. Да и лучше было, чтоб никто о твоем позоре не узнал.

Сама Тая Киселева отвергла домогательства капитана, начальника штаба. Тот обещал ей, что всю грудь увешает орденами, а иначе… Пробовал даже замахнуться плеткой. Когда Тая наотрез отказалась с ним спать, капитан при ней порвал документы на представление к награде. Было очень обидно, но она подумала, что, отомстив ей таким образом, начштаба оставит ее в покое[234]. На более серьезную месть он был не способен.

Политические донесения по 31-й армии зафиксировали прибытие 129 девушек-снайперов, призванных ЦК ВЛКСМ. Их разбили на пять групп и распределили по дивизиям.

Со снайперами была проведена «соответствующая работа работниками комсомольского отделения ПОАРМа», а также была «утверждена специальная тематика бесед и докладов в работе с девушками»: например, в дополнение к обычной программе они слушали доклады на тему «Девушки — Герои Советского Союза». Для них организовали встречи со знатными снайперами дивизий, «ввели их в боевую жизнь» и регулярно отчитывались о снайперских успехах. Быт тоже наладили: донесение упоминает, что взводы девушек размещены каждый в одном блиндаже на двухъярусных нарах, в блиндаже есть стол, «за которым можно писать, читать газеты, книги, играть в домино, шашки»[235]. Недалеко от блиндажа имеется сушилка.

Отметив «исключительно хорошее состояние винтовок», автор донесения переходит к «недостаткам в работе с девушками-снайперами». Главный, часто единственный недостаток состоял в домогательствах командиров. «В 331 сд были случаи, когда ряд ответственных командиров штаба в ночное время пытались вызвать в свои землянки девушек. Командованием дивизии капитаны Моисеенко и Боровский были арестованы на пять суток домашнего ареста с вычетом из заработной платы за подобное поведение»[236].

На командира полка в 31-й армии, который покалечил жизни, скорее всего, не одной девчонке, жалоб в политдонесениях не содержится. Не дали ход? Или никто не посмел жаловаться? Ане Мулатовой даже в голову такое не пришло бы: куда пойдет ефрейтор жаловаться на подполковника?

Как-то вечером в землянку к снайперам (у землянки стоял часовой, и мужчин к ним не пускали — дисциплина!) пришел адъютант командира полка подполковника Голубева. «Снайпер Мулатова кто? Тебя вызывают». Все это высокое начальство было для ефрейтора Мулатовой каким-то другим миром, с которым она никак не соприкасалась. До сих пор Аней начальники не интересовались, и теперь первой ее реакцией был испуг: «Что я сделала?» Но оказалось, что комполка настроен весьма дружелюбно[237].

«Явилась?» — переспросил он «с улыбочкой», когда Аня вошла в землянку и доложила. «Ну проходи, раз явилась». Немолодой плешивый подполковник пригласил ее сесть. Пришел адъютант и поставил чайник, принес печенье — «соблазн великий», большой деликатес на фронте. Конфет у Голубева не было, но был сахар кусочками, с которым так хорошо вприкуску пить чай. И вот они пили чай, командир расспрашивал о том и о другом: насколько хорошо они изучили немецкую линию обороны, о «Боевом листке», который Аня выпускала вместе с Лидой Андерман, о стрелковых книжках.

Внезапно дела приняли нехороший оборот. Присев на широкие нары, рядом с которыми на чурбаке сидела Аня, командир полка вдруг, без предисловий, схватил ее и завалил на нары. Не теряя времени, начал расстегивать ей штаны — брюки женского покроя застегивались с двух сторон по бокам. Боясь закричать — наверху стоял часовой, немолодой солдат, и Ане было перед ним стыдно, — девушка какое-то время боролась. К счастью, была очень здоровая и сильная, кровь с молоком. Только Голубев расстегнет штаны с одной стороны, как она, оттолкнув его, застегивала другую. Наконец ей удалось вырваться и как следует пнуть насильника ногой. Командир полка свалился с нар на пол, и Аня кинулась к выходу, на ходу застегивая штаны. Из землянки вели наверх три или четыре ступеньки, она споткнулась, упала, но успела толчком открыть дверь.

«Иди, миленькая, иди», — сказал «старикашка»-часовой. Догонять комполка не стал бы, и Аня уже не бегом, а пешком, всхлипывая, пошла к своей землянке. Она никогда еще даже не целовалась с парнем, а тут такая история.

В землянке она девчонкам ничего рассказывать не стала — стыд какой! Сняла с гвоздя шинель, легла на свою постель из

еловых лап и, положив голову на вещмешок, укрылась шинелью с головой. Она тихо всхлипывала.

Ее поразило то, что никто к ней не подошел, и девчонки шептались: «Анюта-то там побыла!» Получалось, что кто-то уже бывал в блиндаже командира до нее, только никто не говорил об этом громко. И Ане казалось, что, если рассказать, что там на самом деле произошло, еще и не поверят.

На следующий день Аня беспокоилась, ждала последствий, неприятностей с начальством, но обошлось. А вскоре началось наступление, в которое взвод пошел с другим полком — 123-м стрелковым, которым командовал Василий Славнов, очень хороший человек и отличный командир.

Советское чудо-оружие, которое, возможно, в честь героини очень популярной песни прозвали нежным уменьшительным женским именем, наводило ужас на немцев. «Сзади вдруг раздался скрежет, гул, и через нас на высоту полетели огненные стрелы… На высоте все покрылось огнем, дымом и пылью. Среди этого хаоса вспыхивали огненные свечи от отдельных взрывов. До нас донесся страшный грохот. Когда все это улеглось и раздалась команда „Вперед“, мы заняли высоту, почти не встретив сопротивления, так чисто сыграли „катюши“… На высоте, когда мы туда поднялись, увидели, что все перепахано. Следов от окопов, в которых находились немцы, почти не осталось. Было много трупов вражеских солдат… На лицах немцев был испуг. Они еще не поняли, что с ними произошло, и не оправились после залпа „катюш“»[238]. В июне 1944-го и Клава Пантелеева впервые услышала «катюши». Вот это мощь! «Аж гимнастерка сзади колыхалась на спине»[239], — вспоминала она.

В тот день рано утром взвод снайперов повели на передовую. Началась артподготовка. Наконец дивизия идет в наступление. Клаве казалось, что под Оршей они стоят уже чуть ли не все лето. Вокруг «все фронты наступали», а у них была «такая крепкая оборона».

Дальнейшее наступление и освобождение Белоруссии было возможно, только если будет «срезан» «Белорусский балкон» — выступ фронта на восток. Наступающие по сторонам от «балкона» фронты должны были опасаться за свои фланги. В «балкон» входили два города, объявленные немцами городами-крепостями, — Витебск и Орша. Майская попытка наступления сорвалась, как сорвалось здесь наступление зимой 1943/44 года. Операция по освобождению Белоруссии, получившая название «Багратион», стартовала лишь в конце июня.

Наступление началось с разведки боем рано утром 22 июня

1944 года. Как отмечали сводки, в ходе этой разведки удалось во многих местах вклиниться в немецкую оборону и захватить первые траншеи. Как это выглядело на самом деле? Что ощущали командиры «вклинившихся вперед» частей, фланги которых не были защищены? Дивизии Клавы Пантелеевой в тот, первый, день вообще не удалось продвинуться.

Солдаты пошли вперед, а Клава и ее товарищи занялись работой, которую им пришлось выполнять потом еще не раз. Пусть и не учили их на санитарок, но раз девушки — значит, это их работа. Так что отправили перевязывать и эвакуировать раненых. Клаве попался какой-то офицер с тяжелым чемоданчиком. Девушки с четырех утра были на ногах и ничего не ели, тут не до вежливости. Тащить на себе мужика и так не по силам, а тут еще чемодан! Клава, хоть и была всего лишь ефрейтор, велела офицеру чемодан бросить. Ну что у него там? Вокруг огонь, взрывы. «Брось чемодан, тяжело же таскать!» Но офицер упорствовал: «Не брошу! Если не хотите нести, бросайте меня!»[240]

Через двадцать лет после войны Клава узнала, что было у офицера в чемодане. Этот человек узнал ее на встрече ветеранов, кинулся к ней и благодарил за то, что вытащила из огня. И рассказал, что в чемодане была скрипка, которую он всю войну возил с собой.

Снайперы были драгоценными кадрами, на обучение которых страна потратила большие средства. Правильно ли поступали командиры, используя этих девушек в качестве санитарок? При необходимости они и пехотинцами становились, рискуя своей жизнью наравне с простыми солдатами. Но так происходило только в тех случаях, когда обычных солдат было уже совсем мало.

На участке Клавиной дивизии людей к вечеру почти не осталось, а немцев так и не выбили из траншей. Вечером командиры собрали всех, кто мог держать винтовку: и ездовых, и поваров, и писарей. Всех поставили в траншеи, чтобы отразить возможную ночную контратаку немцев. 23-го был нанесен основной удар, и немецкая оборона была прорвана. Однако перед этим была ночь, одна из самых тревожных в жизни Клавы.

Когда девушкам-снайперам велели вечером встать в траншею, она была удивлена: темнеет, зачем они здесь нужны? Но пожилой ездовой, поставленный на пост рядом с ней, объяснил, что людей осталось «мало-мало» и им держать оборону всю ночь. На нейтралке остались раненые. Ночью, стоя в кромешной темноте, Клава слышала их крики: говорили, что

раненых добили штыками немцы.

Девушки все превратились в слух. До этой ночи они знали, что их защищают от немцев не только товарищи-солдаты, но и минные поля, и проволочные заграждения, на которые «навешивали консервные банки», чтобы те гремели, если что. Теперь никакой защиты не было, и, если немцы подберутся тихо, никто не услышит. Командир взвода снайперов лейтенант-армянин всю ночь был с ними в траншее, ходил от одной девушки к другой: людей было мало и стояли они далеко друг от друга. Патронов было достаточно, и снайперы все время стреляли — в темноту, наугад, трассирующими.

Жуткая ночь наконец прошла. Утром прислали белорусов, набранных прямо здесь, в окрестных деревнях, только что из оккупации, — не ахти какое, но все же подкрепление. Опять провели артподготовку, и, когда пошли в атаку, оказалось, что немецкие траншеи пусты: немцы, тоже изрядно потрепанные, ночью отошли. Теперь их уже гнали до самого Днепра[241]. Набирала обороты операция «Багратион».

Операция предполагала нанесение двух сходящихся ударов — от Витебска и от Бобруйска, в направлении Минска. Далее за 40–50 суток предполагалось занять всю территорию Белоруссии и Литвы, выйти на побережье Балтийского моря, к границе Восточной Пруссии и на территорию Польши. С советской стороны в операции участвовали четыре фронта: 1, 2 и 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский, всего 2,33 миллиона бойцов — около трети всех войск на советско-германском фронте. По численности и вооружению советские силы значительно превосходили немецкие. Хотя командование группы «Центр» знало о готовящемся против группы советском наступлении, немецкий штаб сухопутных сил, считая вслед за Гитлером, что наступления следует ждать в районе Западной Украины, отказался дать им какие-либо значительные резервы.

25 июня был окружен Витебск, и попытавшийся прорваться из окружения 53-й немецкий корпус был на следующий день полностью разгромлен. 28 июня войска 2-го Белорусского фронта форсировали Днепр и заняли город Могилев, продвинувшись на 50–80 километров.

Стрелковый полк Клавы Пантелеевой догнал немцев лишь у Днепра. Великая река, берущая исток в Новгородской области, в районе Орши еще не так широка: меньше ста пятидесяти метров. На другой стороне Клава, пока они перебежками поднимались на засеянный рожью бугор, видела какой-то сарай. У подножия

холма рожь была высокая и густая, хорошо укрывавшая наступающих солдат, но наверху она стала совсем редкой. Когда залегли на бугре, кто-то крикнул, что с другой стороны бьет пулемет — стреляет снайпер-пулеметчик. Тут же Клава увидела, как рядом с ней упал молодой начальник штаба полка Алексей Китаев[242]. К нему кто-то пополз, Пантелеева тоже было поднялась, но сразу увидела, что лицо начштаба посинело и ему уже не поможешь. «Фуражка с ярким околышем!» — промелькнуло у нее в голове. Немецкий снайпер на той стороне, конечно, в первую очередь стрелял по офицерам.

Командир полка, с которым наступал Клавин взвод, усатый одессит лет тридцати Ердюков[243], приказал девушкам — снайперам убрать немецкого пулеметчика. Понаблюдав, они засекли его, и, после того как несколько девушек — всего их было там 12 — одновременно выстрелили, на другом берегу стихло. Можно было переправляться.

Снайперы переправлялись после солдат на надувной лодке. Перегруженная лодчонка таки перевернулась, но уже около другого берега — к счастью для Клавы, не умевшей плавать. «Девчата, давайте мы винтовки вытащим!» — кричали им солдаты, но девушки успели поднять вверх драгоценные винтовки и не намочить их, — ничего, что сами промокли.

На другом берегу шел бой, переправившиеся до них солдаты помогли девушкам вылезти на берег. Снайперам приказали помочь эвакуировать раненых. Тут они натерпелись. Клава подползла к одному из них и увидела, что ранение в живот, «кишки как на квасе, сразу вылезло все». Что тут делать, Клава не имела понятия. «Сейчас я санитара позову», — сказала она раненому. Было очень жарко, и он прямо на глазах у Клавы чернел. Она поползла к другому раненому, а через много лет слышала на встрече ветеранов от Зины Гавриловой: «Я подползла к одному раненому, а у него кишки все наружу. Он меня схватил за руку и костенеет. Я думаю — руки не вытащу»[244]. Другой раненый, которому пыталась помочь Клава, тоже умер.

На берегу они видели командира своего полка, избивавшего какого-то солдата в немецкой форме. Тот почему-то по-русски просил пощады. Девушки поняли — власовец. Командир полка убил его[245].

Полк после того боя страшно поредел, отделение Клавы тоже понесло потери: ранило Таню Федорову и Ирину Грачеву, во второй раз ранило пару Клавы Марусю Гулякину. Саму Клаву контузило, она почти не слышала. И вся ее гимнастерка была в дырочках, как горохом побило, вся в кровоточащих ссадинах. К санитарам она не пошла — подумала: «Чего они мне сделают?

Тут кругом раненые, без рук, без ног, а чего я пойду?»[246] Пошла дальше со своим полком и приходила в себя в походе.

125-й гвардейский бомбардировочный полк после операции «Багратион» получил почетное звание «Борисовский» за участие в освобождении Борисова. 3-я Воздушная армия осуществляла поддержку 3-го Белорусского фронта. Началась Вильнюсская операция. Освободив Литву, фронт должен был наступать на территорию врага — Восточную Пруссию.

4 июля с аэродрома Болбасово под Оршей вылетела на бомбежку железнодорожной станции девятка двухмоторных бомбардировщиков Пе-2. Вернулись из них восемь. Пока в полку гадали, что произошло с экипажем Лены Малютиной, тяжело раненную летчицу уже доставили в полевой госпиталь далеко от Болбасова.

«Скорее, летчицу привезли с ранением в живот!» — крикнул кто-то, прибежав к операционной — простой деревенской хате, где на сколоченном из досок столе оперировал хирург Иван Петрович Федоров. Девушку привезли во второй половине дня на По-2, она была без сознания, в очень тяжелом состоянии. Летчицу пронесли через двор, устеленный соломой, где под открытым небом ждали своей очереди, сидя или лежа, десятки раненых. Хирург, увидев рану, сказал готовить к операции[247].

Лена Малютина, летчица, призванная в армию из гражданской авиации, имела до войны тысячи часов налета. Ленинградка, ровесница Октябрьской революции, она еще подростком решила, что пойдет в авиацию. Лена закончила Батайскую летную школу и несколько лет возила почту, медикаменты и больных в Татарстане, в таких местах, где дорог-то почти не было. Потом ее перевели на инструкторскую работу в Магнитогорск: стране требовались летчики, обучать их должны были профессионалы. Там, в Магнитогорске, и застала Лену Малютину война. В 1943 году она получила назначение в авиашколу в Йошкар-Оле, в республике Марий-Эл — это немного не доезжая до Урала, если ехать от Москвы. В этой авиашколе Малютиной предстояло переучиться на военный самолет — бомбардировщик Пе-2. В Йошкар-Оле Лена встретила много знакомых девчонок, таких же, как она, профессиональных летчиц из гражданской авиации или инструкторов из аэроклубов, чей летный опыт понадобился теперь на фронте. У всех были тысячи часов налета, а они были еще так молоды — никому не исполнилось тридцати.

Вечером, вымотавшись за день, они сидели на нарах в казарме, раздевшись до белого мужского белья, пели песни, шутили, болтали. «Как святые в этих белых рубашках», — думала

Лена. Белье было летнее: теплое байковое белье, тоже мужское — рубаху и кальсоны, — все девчонки, только получив, обменяли на мед: кило меда стоило 400 рублей, ровно столько, сколько пара белья. Они не голодали, но девушкам всегда хочется сладкого — и потом, уже на фронте, они всегда съедали из своего НЗ сгущенку.

Воевать им предстояло в женском полку тяжелых бомбардировщиков, сформированном легендарной Мариной Расковой, — к тому времени полк стал 125-м гвардейским. Расковой уже не было в живых, но все равно для молодых летчиц она была главным примером для подражания. Когда новички в марте 1944 года прилетели в расположение полка, Лена снова увидела немало знакомых лиц: в основном товарищей по Батайской школе.

Летом перед началом операции «Багратион» перелетели на отличный, построенный немцами аэродром в Болбасове под Оршей. Раньше они всегда летали с травяных аэродромов, и теперь их поразили бетонные дорожки и хорошие капониры. А вокруг было страшное разорение. Здесь, в Белоруссии, на отбитой у немцев советской территории, Лена увидела, каких страшных бед натворила война. Многие деревни были сожжены дотла. Женщины весной 1944-го пахали землю на себе, по нескольку человек впрягаясь в плуг: в других местах пахали на коровах, но здесь коров не осталось.

В Болбасове Лена встретила летчика Сашу, с которым вместе работала в Магнитогорске в инструкторском отряде. Саша летал на По-2, и на следующий день Лена услышала, что он погиб. Где похоронили, даже не успела узнать. У ее полка началась боевая работа. Задания были всегда одни и те же — бомбить живую силу и технику противника. С бомбами весом в 100, 250 или 500 кг пикирующий бомбардировщик Пе-2 был не менее грозным и современным оружием той войны, чем «катюша». Штурман Людмила Попова вспоминала, как в начале операции «Багратион» она увидела сделанный фотокамерой ее самолета снимок бомбежки Орши: «Это что-то страшное. Вагоны в воздухе висят… Мы когда под Оршей стояли, то пошли посмотреть свою работу. Там все было разворочено»[248]. Но и экипажам этих мощных самолетов следовало опасаться за свою жизнь. Девятка громадных Пе-2, летящих к своей цели, была прекрасной мишенью для зениток и истребителей противника. «От линии фронта до самой цели нас зенитки обстреливали непрерывно», — вспоминала Попова.

4 июля с утра шел дождь, облака висели низко. Скорее всего, вылета не будет. Экипажи сидели под самолетами. После полудня

неожиданно дали белую ракету на вылет: погода чуть улучшилась.

Вылетели двумя девятками, Лена Малютина летела во второй, которую вела майор Надежда Федутенко — очень опытный летчик, вернувшаяся в часть после ранения в голову, которое получила под Сталинградом. На цель — железнодорожную станцию — они зашли на высоте 800 метров, из-за облачности (обычно бомбили с высоты полутора-двух километров). Цель закрыли облака как раз тогда, когда на бомбежку зашла Ленина девятка. Пришлось уйти на второй круг. Это опасно: теперь по ним уже пристрелялись зенитки. Зашли на цель, и снизу им навстречу взорвался «целый фейерверк»[249]. Штурман сбросила бомбы, и самолет подпрыгнул, освободившись от тонны груза. Лене всегда казалось, что, освободившись от бомб, машина радуется, как человек. И летчики тоже радуются: задача выполнена, главное теперь — благополучно вернуться на свой аэродром. Только они отошли от цели, как Лена почувствовала, что обожгло живот. «По-моему, меня ранило», — сказала она штурману Лене Юшиной. По ним попала зенитка.

Девятка уходила, а их машина отстала, она летела медленно из-за повреждений. Штурман просила держаться: внизу сейчас лес, сесть негде. Но через три минуты должен быть аэродром истребителей, там можно сесть. До своего аэродрома им, конечно, уже не долететь. Штурман то и дело давала Лене нюхать нашатырь, чтобы та не потеряла сознание. Наконец после четырех разворотов зашли на аэродром истребителей. Спустившись до пятидесяти метров, увидели, что полоса занята: с нее взлетает истребитель. На Пе-2, огромной машине, и здоровому летчику нелегко было бы снова подняться и идти на второй круг, но Малютиной удалось. Она помнила, как аккуратно посадила самолет, закончила пробег, выключила двигатель и расстегнула карабины — и больше ничего. Из самолета ее вытащили без сознания.

Пришла в себя она только в полевом госпитале в двух километрах от линии фронта, на операционном столе. Анестезия (у нее был в одиннадцати местах поврежден тонкий кишечник и в четырех — толстый) состояла из литра спирта, который вылили в брюшную полость. Отходила она от операции в углу, который отгородили занавеской в той же избе. Опять, в который раз в своей жизни, где она выбрала мужскую профессию, она оказалась единственной женщиной среди мужчин: за занавеской не смолкал мат и стоны раненых солдат.

В полевом госпитале Лена пробыла неделю, потом еще две — в стационарном госпитале в Польше, потом месяц в авиационном

госпитале в Москве. Когда оттуда отправили выздоравливать дальше в санаторий («Кровь у вас хреновая!» — ругался врач), Лена решила — хватит, пора обратно в свой полк. Не спрашивая ни у кого разрешения, поехала на Центральный аэродром и нашла гражданский экипаж, который летел в Литву. В сентябре она уже снова летала с Леной Юшиной. Радист-стрелок был новый, парень. Девушка, которая была с ними в том страшном вылете, после него не хотела летать: забеременела и уехала в тыл. Лена Малютина до конца войны совершила еще 79 боевых вылетов.

Глава 10
«Это ты его шлепнула? Ну ладно, иди умойся!»

Тонущая лошадь — это тяжелое зрелище. Аня видела, как солдат успел соскочить, а лошадь пошла ко дну — видимо, была ранена и не справилась с быстрым течением. Это было 28 июня. 3-му Белорусскому фронту поставили задачу форсировать реку Березину и наступать на Минск и Молодечно. Люди вокруг тоже получали ранения и тонули, но весь снайперский взвод переправился без потерь, несмотря на серьезный обстрел. Через Березину, довольно широкую реку, полк переправили[250] на больших — с комнату в Анином доме, — построенных на скорую руку из бревен плотах, которые подгоняли чем попало — даже лопатами. Вылили на другом берегу из сапог воду и пошли дальше, к Минску.

Наступление развивалось успешно. 4 июля 1-й гвардейский танковый корпус вошел в Минск и, соединившись со 2-м и 3-м танковыми корпусами, завершил окружение более чем 100-тысячной немецкой группировки восточнее города. Освобождение Белоруссии скоро будет завершено.

Соседние дивизии 49-й армии ушли вперед, догоняя отступающих немцев, а дивизия, которой был придан снайперский взвод Ани Мулатовой, осталась. Леса около Минска были полны попавших в окружение немцев, которых нужно было выловить.

В тот день начала июля 1944 года, который Аня помнила всю свою жизнь, она была не снайпером, а простым пехотинцем, и Таси рядом не было: девушки перемешались с автоматчиками, прочесывавшими лесной массив. Разбившись на группы, несколько дивизий отыскивали в лесах огромную — 105 тысяч человек — и в основном деморализованную массу солдат 4-й немецкой армии, бродивших в лесах восточнее Минска в надежде выбраться из котла. 17 июля 57 тысяч солдат этой армии, во главе с генералами, провели по улицам Минска. Что произошло с остальными? Кто-то выбрался из окружения, кто-то навечно остался в бескрайних белорусских лесах. Ане Мулатовой встретился человек, который в плен сдаваться не собирался. Он стал единственным врагом, которому она смотрела в глаза, прежде чем застрелить почти в упор.

Потеряв из виду других девушек, Аня оказалась в группе с

несколькими незнакомыми солдатами. Подошли к огромной поляне в лесу. Один из солдат, ехавший на лошади, вызвался проверить, что там, на другой стороне. «Ребята, подождите, я вот сейчас проскочу и дам вам знать», — крикнул он товарищам[251]. Ударил лошадь ботинками по животу, и лошадь «помчалась как сумасшедшая»: медлить на этом открытом пространстве было нельзя. Вдруг раздался выстрел, и всадник упал. Лошадь, сбросив раненого или убитого седока, побежала дальше. Остальные, ошеломленные, стояли «рты разинув», в нерешительности, пока один, смельчак, неожиданно не бросился бежать зигзагами через поляну. Он бежал, а Аня — как-никак, она была снайпер — смотрела уже не на него, а туда, откуда, как ей казалось, стреляли во всадника. И успела увидеть вспышку второго выстрела, точно поразившего второго солдата. «Слушайте, давайте я попробую», — сказала она старшему группы. Аня решила подобраться к немецкому стрелку с тыла. «Давай», — ответил старший. От группы их осталось всего трое.

Стояла невыносимая жара. Аня зашла поглубже в лес и побежала что есть сил, прикинув, сколько нужно пробежать и в каком направлении. Наконец обернулась, чтобы посмотреть, далеко ли поляна, и увидела ее наискосок от себя. Подбежав к краю поляны, она легла и поползла с пистолетом в руке в сухой, царапавшей лицо траве. После войны она вспоминала, как ползла, и удивлялась: как это она могла ползти так быстро, прямо как в кино показывают? До немца было, по ее расчетам, метров тридцать-сорок. Преодолев ползком большую часть этого расстояния, она поднялась на локтях, чтобы посмотреть, далеко ли осталось, и увидела «рыжую голову» совсем рядом, метрах в десяти. Немецкий снайпер лежал спиной к ней и смотрел в другую сторону. Аня вскочила и бросилась к нему, выкрикнув те немецкие слова, которые пришли ей на ум (немецкого она в школе не учила): «Хенде хох, шмутциге швайне!» Немец встал, с него текла вода: пристроив снайперскую винтовку на бугорке, он сам нижней половиной тела лежал во впадинке, полной воды, «как в ванне» (видно, здорово донимали его жара и вши, думала потом Аня). Она прицелилась и нажала спуск, но пистолет не выстрелил. «Дура, не сняла с предохранителя», — пронеслось в голове. Сняла с предохранителя и нажала спуск, целясь в голову. До немца было всего несколько метров, так что Аню всю забрызгало кровью. В тот момент ей даже не пришло в голову, что немца можно взять в плен: слишком страшен был ей этот немецкий снайпер, только что застреливший у нее на глазах двоих товарищей.

Аня перевела дыхание и тут услышала, как за спиной кто-то

зашуршал кустами. «Вот моя смерть пришла», — пронеслась мысль, но из кустов вышел советский офицер в маскхалате — знаков отличия не было видно, но по уверенной манере держаться Аня сразу поняла, что офицер. «Ух, это ты его шлепнула?» — одобрил он Анину смелость. Аня только кивнула головой. «Ну ладно, иди умойся», — велел офицер, и Аня подумала, что он уж точно начальник какой-то. Но ее, простого солдата, все это не касалось. Она умылась в болотце, потерла руками забрызганные кровью немца штаны и гимнастерку и побежала за своими ребятами. Убитого автоматчика несли на плащ-палатке, а второго успели перевязать, разорвав рубашку: перевязочные пакеты тогда редко с собой носили, «безобразное отношение такое», — вспоминала позже Аня[252].

За ликвидацию немецкого снайпера она вскоре была награждена орденом Красной Звезды: отправивший умываться командир оказался полковником и представил ее к награде. А лицо немца она запомнила навсегда — длинное и бледное, с рыжей щетиной. Было ему лет тридцать, для Ани — немолодой уже человек. Вспоминать об этом эпизоде ей всю жизнь было тяжело: убить с близкого расстояния оказалось совсем по-другому, чем стрелять по фигуркам, увеличенным оптическим прицелом.

Аня со своей маленькой группой пошла дальше прочесывать лес. Страшно там было, казалось, «за каждым кустом — фриц»[253]. Но им повезло: вскоре они наткнулись на немцев, которым совсем не хотелось воевать дальше. Их было много, человек двенадцать. Составив винтовки вместе, они лежали, отдыхая, на своих серых шинелях. «Полон! Полон!» — закричали они, вскакивая, когда увидели троих русских. Плен!

Анины спутники, конечно, принялись их обыскивать — лазить по карманам шинелей и штанов, снимать часы и кольца.

Это было обычное дело. Часы стали своеобразной валютой войны. До войны, да и долго после нее они имелись далеко не у каждого русского. В сентябре 1941 года местком Ленинградского государственного университета обратился к декану географического факультета с просьбой «выдать одни часы мужские карманные для партизанского отряда ЛГУ»[254]. Часы снимали с убитых и пленных немцев. Нередко солдат щеголял несколькими парами часов на руке. С трофейными часами уцелевшие вернулись после войны домой. Впрочем, есть многочисленные свидетельства того, что часы как трофей были популярны и у союзников.

В общем, автоматчиков Аня могла понять, но все равно было

стыдно, ей всегда были неприятны эти «солдатские дела». Она стояла в сторонке и успокаивала себя мыслью о том, что немцы, конечно, точно так же поступают с русскими. Неожиданно один из немцев подошел к ней: «Фрау, гут. Битте, битте!» Он подавал ей золотые часы с цепочкой[255]. Аня отказывалась: «Нихт, нихт, найн», но немец настаивал, объясняя ей, как мог, что солдаты все равно отнимут, а он хочет отдать ей. Должно быть, боялся русских солдат и надеялся, что женщина защитит его. Аня взяла часы и сохранила. Один из солдат повел пленных на сборный пункт, шли они «измученные и хмурые». Стало их жалко, но ведь «плен-то лучше, чем если бы их разбухали». Тогда, летом 44-го, уже был приказ, запрещавший расстреливать пленных[256]. Не всегда, но следовали ему — а в первые годы войны пленных брали мало. «Слава богу, что этих не тронули», — думала Аня, хотя в ее семье уже много кто погиб на войне.

В памяти накрепко засел произошедший незадолго до этого жуткий случай с участием разведчиков их полка. Как-то на рассвете, по дороге на «охоту», Аня с Тасей встретили знакомых ребят-разведчиков, возвращавшихся с ночного задания с двумя «языками». «Языка» удавалось захватить не так часто, это было опасное дело и большая удача, и Аня забеспокоилась, увидев, что один «язык» едва живой и разведчики его тащат волоком. «А что с ним?» — спросила она, и ребята сознались, что не удержались и отрезали немцу «ту часть». Потом она от кого-то услышала, что живым они немца не довели и их наказали. Аня их не судила.

Как можно было судить после того, что они видели в Белоруссии? Враг, которого они прогоняли со своей земли, оставлял после себя выжженные деревни, трупы, ненависть в сердцах. С такими же чувствами, с какими Аня смотрела на полумертвого «языка», — чувством ужаса перед жестокой казнью человека, может быть, никому не причинившего зла, и справедливостью возмездия немцам в целом — ее ровесник, комсорг минометного полка, смотрел в 1943 году на немцев, которых вели на расправу украинские крестьянки: «По улице бабы вели нескольких гитлеровцев. У каждой в руках — топор или вилы, кочерга, палка… Бабы сильно возбуждены, кричат-шумят по-украински, я ничего не могу понять. Но вот остановились возле ямы, стали толкать гитлеровцев в нее и нескольких власовцев бросили туда же… Один фашист, упираясь, визжит: „Майн ин хауз драй киндер!“ А бабы ему: „А у нас щенята, чи шо? Кыдай його тудысь!..“».

Прошло много десятилетий, молодой комсорг полвека проработал в школе и стал заслуженным учителем СССР, но, вспоминая убийство пленных крестьянками, все равно думал, что

никакая сила не заставила бы его тогда приостановить эту справедливую расправу[257].

Глава 11
«Я ничего о нем не знаю, но я его убила»

Инструкторской роте, отправленной на фронт через три месяца после снайперов второго выпуска, не везло. Беды начались еще в запасном полку. Вначале все шло отлично. Они попали в 152-й укрепрайон под Вильно, пусть в запасной полк, но совсем близко к фронту. 2 августа, когда их привезли туда, прямо над головой шел воздушный бой — значит, и правда близко фронт. Взвод Клавы Логиновой — 33 человека — поселили в сарае на бумажной фабрике[258].

Командир, сначала не скрывавший своего скептического отношения, сразу по приезде устроил им «проверку» — наставил банок, бутылок и приказал стрелять. После этого он стал гордиться «девчонками» и постоянно ставил их в пример мужчинам.

Им объявили, что через пару недель они попадут из этого запасного полка на передовую — а на «охоту» водили и отсюда. Подготовка к фронту состояла в том, что они, как в школе, занимались строевой, «рыли землю» и стреляли, стреляли. Так как снайперские книжки им выдали только в действующей армии, счет просто записывали на листе бумаги, озаглавив этот документ торжественно: «Акт». Подписывали «акты» командир роты, командир взвода снайперов и еще несколько человек. Эти уникальные документы — свидетельства первых побед Клавы и ее товарищей. «Сего числа 2 отделение снайперов работало на рубеже обороны 1 роты, уничтожено 3 немецких солдатов, в том числе: Сержант Лукичева А.Ф. — 1…» И так далее[259]. Клава Логинова, как комсорг отделения снайперов, тоже подписывалась.

Трагедия произошла на стрельбах 4 августа. Клава Логинова и ее снайперская пара Катя Маковеева, симпатичная девчонка из Вологды, такая же простая, как Клава, в тот день дежурили: убирали помещение, носили с кухни еду, таскали воду, топили печки. Когда привезли обед, одна из них должна была нести товарищам еду на стрельбище, где в тот день рота тренировалась в стрельбе из пулемета. Клава собралась идти, но Катя сказала, что она отнесет. Больше Клава Логинова Катю не видела: та стала первой снайперской парой, которую она потеряла.

Пообедали, и девушки, в том числе принесшая еду Катя,

бродили по поляне, собирая цветы. Бог знает почему одна из них — простоватая, крепкого сложения сибирячка Нонна Орлова — легла к пулемету и нажала на гашетку. Раздалась очередь. Пули попали в четырех девушек. Двоих ранило не смертельно, но умерла на месте Рита Москва, а Катя Маковеева была тяжело ранена в живот и умерла через несколько часов в госпитале. Потом говорили, что пулемет не стоял на предохранителе, а может быть, Нонна его с предохранителя сняла. Ее и инструктора запасного полка сразу же арестовали; как стало известно, их отправили в штрафную роту. Нонна, как рассказали Клаве подруги, была в состоянии шока и страшно кричала: «Убейте меня! Застрелите меня, я не хочу жить!»

Клава Логинова плохо помнила тот день, не запомнила даже, кто и как рассказал ей о беде. Как будто отшибло память. Смутно помнила она и похороны Кати и Риты Москвы[260].

«Надо же, собирали цветочки!» — думала, услышав про эту страшную историю, Аня Мулатова. Ей казалось странным, что где-то на войне девчонки нашли «цветочки»: она сама никаких цветов на фронте не помнила. А еще думала о том, что Нонка ведь прицелилась, навела пулемет на людей и прицелилась, иначе как бы она попала в цель с не такого уж маленького расстояния?[261]

Судьбе было угодно, чтобы бывшие товарищи еще встретились с Нонной — не на войне, а много позже, в шестидесятых годах, на первой же встрече выпускников Подольской школы. Нонна Орлова появилась там вся в орденах, но снайперы ее даже на порог не пустили, закричали, чтобы убиралась. Ни Клаву Логинову, ни Аню такой прием не удивил. Зачем Орлова пришла сюда? И долго еще они обсуждали, откуда это у «Нонки» после штрафной роты столько орденов: у них, кто никакую вину не искупал, кто тоже был все время на передовой, такого количества орденов не было. Об Орловой они больше никогда не слышали[262].

Рассказ Ани Мулатовой о командире 123-го стрелкового полка Василии Поликарповиче Славнове восполняет колорит, которого недостает в его опубликованных в советское время мемуарах. Как-то вечером к снайперам в землянку пришел незнакомый офицер. В телогрейке, в шапке-ушанке. «Это кто?» — шепотом спрашивали они друг друга, но никто не знал. Все очень устали за день, кто-то уже лег, а незнакомец с порога начал их ругать. «Что это вы лежите, не уберете помещение? А „Боевой листок“ где? Откуда вы узнаете, как немцы ведут себя, на каком участке больше хождение?» И так далее, и так далее. В

заключение своего монолога подвел итог: «Так что работы у вас навалом» — и удалился. С кем они говорили, девушки узнали только на следующий день[263].

Описание того же события Славновым сдержанно. «…Я зашел к девушкам-снайперам. День заканчивался, они вернулись с „охоты“ усталые. А мне у них до этого и побывать не довелось. „Скоро неделя, как мы прибыли, а командир полка не показывается“, — с укором сказала одна из них. „А зачем он вам?“ — поинтересовался я. „Как зачем? На его полк работаем. Да и поглядеть хочется, каков он из себя“. Так и не раскрыв своего инкогнито, Славнов высказал замечания. „Стенгазеты у вас нет, — заметил я комсоргу Клавдии Чистяковой, — отличившихся к наградам не представляете, видно, не за что“»[264].

Интерес командира к их работе, пусть и строгий, хорошо на всех подействовал. Комсорг Чистякова — в мирной жизни студентка литературного факультета Ярославского пединститута — вскоре пришла к Славнову с предложениями. За порядком в землянке следила она же: Клава Чистякова была во взводе старше и серьезнее всех, ее уважали и любили. Вскоре девушки навели порядок и у Славнова: в один прекрасный день вымыли дощатый пол и окно, а на стол поставили собранный Клавой Чистяковой и Аней Мулатовой[265] букет полевых цветов. Этот «простенький, на ходу собранный букетик цветов» глубоко тронул командира, напомнив ему об «иной, мирной жизни». И когда, очень скоро, пришло время покинуть землянку и идти в наступление, он решил оставить цветы на столе, «будто уходил ненадолго от них и от девушек»[266].

Наступление 3-го Белорусского фронта развивалось очень быстрыми темпами. Минск 123-й полк 62-й стрелковой дивизии прошел ночью. На рассвете 6 июня у села Михановичи полк вышел к реке Свислочь. Официальная история 31-й армии сухо упоминает, что в последующие дни 62-я дивизия совершила марш-бросок примерно на 500 км[267]. Дивизия эта была стрелковая — то есть пехотная. 500 километров ее солдаты прошли пешком примерно за две недели.

Пешком, с таким же грузом, как у остальных солдат, только винтовка потяжелее из-за прицела, проделали этот марш — десятки километров в день, а иногда по ночам, — и девушки из снайперских взводов. «Эти изнурительные переходы забирали у бойцов последние силы. Все побросали каски, противогазы, саперные лопатки, так как на таких долгих переходах для нас „любая иголка весила пуд“. Эту усталость трудно передать словами»[268].

Вещмешки, к счастью, периодически ехали в обозе на телеге, только иногда они пропадали, что становилось большой бедой для их владельца. Командиры старались дать на марше короткий отдых. «Какой-то кювет найдет, нас положит головой вниз, ноги кверху», — вспоминала Клава Пантелеева[269]. Девушки ложились по двое на одну шинель и укрывались второй. Отдыхать давали полчаса, не больше, и опять в поход. Полковой гармонист играл что-нибудь зажигательное, чтобы люди проснулись и взбодрились.

В одном доме в Литве полк, с которым шел взвод Клавы Пантелеевой, остановился на ночь. После пройденных десятков километров все просто повалились на пол в пустом доме — мужчины и женщины вперемешку — и заснули. Клава замешкалась и, войдя в дом, увидела, что места ей нет, на полу ни единого свободного просвета — «хоть на них ложись!». Она увидела маленькое корытце, в каких рубят капусту, и, съежившись, залезла в него и уснула. Только она во сне высовывала из корытца ногу — сразу ее пихали, высунет руку — то же самое. Промучившись до утра, Клава увидела на рассвете, как кто-то вышел по нужде, и тут же прыгнула на его место. Но только она заснула, как раздалась команда: «Подъем!» Нужно было идти дальше. Как-то в пути им попалась баня. Истопили, и командир галантно первыми послал девчонок. Не зная, что нужно открыть заслонку, они угорели и, выйдя из бани, «попадали на землю». Долго над ними после этого потешались[270].

«Шли и спали», «спали на ходу»: о том, как они по-настоящему засыпали во время тех бесконечных переходов, вспоминали многие женщины-снайперы. Случалось на какие-то секунды выключиться. Идешь, ноги как-то сами собой переставляются, а сознание отключилось. Идущие рядом товарищи не дают свернуть, сбиться с пути. Заснув не в колонне, Аня Мулатова чуть не попала в беду[271].

Почему она пошла «в кустики» одна, она потом не могла сказать: вообще-то по одной их не пускали. Вместо того чтобы догнать цепь, она, пока делала свои дела, заснула, сидя на корточках. И проспала не меньше 15 минут, потому что колонна, когда она выбежала на дорогу, уже прошла. Никого не было на дороге, темнота. Не успела она испугаться, как услышала топот копыт. Это прискакал, когда передали по цепи, что она отстала, адъютант командира полка Митя Кузнецов с приказом найти ее. Аня обрадовалась, но оказалось, что намерения у Кузнецова совсем не мирные.

«Давай, пошли туда», — сказал он, пытаясь обнять ее и подталкивая к кустам. Аня его оттолкнула. Последовал короткий

разговор на повышенных тонах. Кузнецов угрожал, что застрелит: «Давай, а то останешься здесь лежать». Но Аня была уверена, что он не посмеет стрелять: зачем ему неприятности? «Стреляй, тебя потом в штрафную отправят», — спокойно ответила она, но все же решила не злить адъютанта и пообещала, что все будет, только сначала они догонят полк. Сев вместе на лошадь — Аня крепко держалась за ремень только что угрожавшего убить ее парня, — они поехали догонять своих. А когда догнали, то, конечно, ничего не было, и, когда Митя пожаловался командиру полка на то, что Аня с ним жить не хочет, тот посоветовал ему «подкатиться» к связистке Ане, которая больше ему подходила — «была уже женщина». Со связисткой у Мити Кузнецова и началась любовь. А у Ани случилось за войну еще одно подобное приключение, когда ее пытался изнасиловать артиллерист Володя. Но это было уже позже, под Сувалками.

У самого командира полка Славнова, кстати говоря, тоже имелась фронтовая жена, но девушка эта была особенная, под стать ему самому — пулеметчица Ася[272]. Позже, но, видимо, еще на фронте, они поженились и прожили вместе долгую жизнь.

В полк Асю Акимову привела Шура Окунева, воевавшая у Славнова с 1941 года. Шура командовала взводом пулеметчиков и к моменту гибели успела стать знаменитой: о ней много писали фронтовые и даже центральные газеты. Специально к ней и к пулеметчику Федору Чистякову, тоже впоследствии погибшему, приезжал знаменитый советский поэт, а в войну — корреспондент «Красной звезды» Михаил Светлов[273]. Погибла Шура в 1943-м в бою за деревню Потаповка рядом с Ельней — стреляла по смотровой щели приближавшегося танка и погибла от его снаряда.

Ася Акимова была подругой Шуры еще до войны. Появление ее в 123-м полку было необычным: Шура Окунева просто привезла Асю с собой, съездив на побывку в Москву[274]. Ася — Анастасия Славнова — написала в воспоминаниях, как Шура, приехав в Москву, навестила ее в батальоне ПВО, где Ася служила. Ася погуляла с ней по Москве и пошла провожать подругу на поезд. Они заболтались, а поезд тронулся, увезя Асю на фронт. В кармане у нее был комсомольский билет и увольнительная, так что с документами сложностей не возникло[275].

Славнов рассердился и велел Асе отправляться обратно, Шура убеждала его, что Ася была в Москве в МПВО, а значит, может быть и пулеметчицей. Но к пулеметному делу дежурства на крышах не имели отношения. Для Славнова имела значение

твердая уверенность Шуры, что она за два дня обучит Асю пулеметному делу и та будет хорошо воевать. Ася осталась в полку и была пулеметчицей до марта 1944 года, когда в бою получила контузию и множественные ранения в голову, живот и левую руку. Она решила, что после госпиталя вернется в свой полк, и в августе снова была там. Пулеметчицей воевать по здоровью уже не могла и, когда с ней познакомились девушки-снайперы, начала работу писарем в штабе. «У нее любовь с командиром полка», — услышала от кого-то Аня Мулатова вскоре после появления Аси. «Что ж, человек он хороший»[276], — пожала плечами Аня, не привыкшая судить кого-либо.

Перейдя границу Литвы, они шли и шли вперед, время от времени отражая контратаки немцев. Частенько обгоняли свой обоз с кухней и оставались голодными. Успеет ли кухня? Найдет ли их повар с готовой едой? Донесет ли еду целой во фляге на плечах и уцелеет ли сам? Клава Пантелеева в те месяцы частенько вспоминала питание в снайперской школе: еду трижды в день по расписанию, мало тебе — пожуй хлеб. И спасибо командирам в школе, что научили есть быстро, на фронте это умение очень пригодилось. А вот оставить про запас хотя бы кусочек хлеба они так и не приучились.

Повар, как-то в наступлении принесший им еду в железном термосе за плечами, не видел, хоть и подозревал неладное, что термос пробит и почти все вытекло. Девушки остались голодными, даже сухарей у них не было. Вскоре после этого — другая беда: пока тот же повар, немолодой дядька, под огнем полз до них, вся еда успела на июльской жаре прокиснуть. Командир, попробовав, сказал, что кисло, и приказал вылить. Кто-то из девушек, возможно, и прокисшую кашу бы съел, но рисковать в наступлении не станут: понос тут не нужен. Как и многих других солдат, спасал взвод Пантелеевой старшина-украинец Карасенко, который то поймает бегающего у деревни поросенка, то приведет корову — чтобы девушки, кто умеет, подоили; а то и нарежет конины с убитой лошади. Эту конину совсем было не разжевать, от нее ужасно болели десны — особенно если лошадка попалась старая[277].

Пробитая бочка полевой кухни, означавшая, что поесть горячей еды не придется, для Ани Мулатовой была связана с тяжелым воспоминанием. Привал в трудном пути, долгожданный отдых и обед могли обернуться совсем другим. Трагически закончился для взвода привал у озера в Литве.

Передохнув неделю у местечка Лейпуны, 123-й полк 29 июля снова двинулся вперед по извилистому маршруту вдоль литовско-

польской границы — трудно было наступать в этом озерном краю. У озера Шлаванта снова были в боях. Немцы только и ждали, чтобы побольше советских солдат скопилось где-нибудь на перешейке между озерами, чтоб ударить по ним. Полк Славнова как-то остановился на привал у озера со странным именем Салопироги[278]. Сюда должны были привезти им на лошади обед — бочку с кашей. На привале у красивого озера девушки разбрелись кто куда. Кто-то, разувшись и закатав брюки, пошел бродить по воде — без гимнастерок, в белых мужских нижних рубахах. Аня и Тася только успели зайти «в кустики», как услышали шипение, которое им уже хорошо было знакомо: снаряд![279]

«Ой, бежать!» — подумала Аня. Но куда бежать? Рядом они увидели вырытые кем-то до них ячейки, окопчики — маленькие, на одного человека. Думать было некогда, начался сильный обстрел. В окопчик прыгнула Тася, и Аня туда же — втиснулись вплотную. Сверху на Аню, почти ей на голову, прыгнул солдат-поваренок. Так втроем они переждали как-то этот обстрел. Наконец все стихло, можно было выйти и «подсчитать бабки». Лошадь, которая привезла кухню, лежала в упряжи раненая, из раны хлестала кровь. Из пробитой бочки лезла каша. Девушки были все на месте и не ранены, только не видно было комсорга Клавы Чистяковой. Стали искать, и кто-то увидел в озере надутую пузырем белую рубаху: Клава лежала в воде вниз лицом, осколок попал ей в сердце. Похоронили Клаву там же у озера.

А кашу все-таки поели, хотя в ней попадались осколки и она отдавала металлом. Скоро раздалась команда «Подъем!», и нужно было идти дальше.

Где-то в Литве полк Клавы Пантелеевой снова пополнили, на этот раз узбеками, которые были «те еще солдаты». Девушки из Клавиного взвода относились к узбекам сначала с жалостью: как же, ничего не понимают, мерзнут, боятся, военного дела не знают совершенно, много немолодых. Узбеки все время жаловались: «Не можем идти, жопу натерли, курсак (живот) болит». Поначалу девушки даже несли за них вещи и автоматы в придачу к собственным винтовкам (их собственные вещмешки ехали на повозке). Но переходы становились все длиннее, и всем узбеки надоели. Как-то командир роты Панченко предложил комсоргу Шпаку проучить узбеков. Проучили в духе того времени, и даже девушкам это не показалось чем-то жестоким. «Выстроил их у сарая, сказал, что будет расстреливать». Узбеки клялись, что больше так вести себя не будут. «Жопа не болит, курсак не болит», — дразнили их девушки[280].

Состоящее из узбеков пополнение считалось ударом по боеспособности части. Ветеран войны, столкнувшийся с таким пополнением тоже в Литве, вспоминал: «По приговору тройки расстреливали двух узбеков за бегство с поля боя. Зачитывают приговор, а эти двое уже стоят полностью отрешенные от всего мира, они уже не с нами. Это было тяжело видеть… Но если быть до конца честным, узбеки были плохие вояки»[281].

Как только перешли границу Литвы, обстановка изменилась. В разоренных белорусских деревнях оборванные крестьяне радовались советским солдатам как родным и угощали картошкой — если была хотя бы картошка. А в Литве добротные, с яблоневыми садами и аккуратными огородами хутора были по большей части пусты — люди попрятались в леса. Если и встречали солдаты местных, то большинство относилось к советским с плохо прикрытой враждебностью. В Литве, всего несколько лет назад «влившейся в дружную семью советских народов», немалая часть населения была больше рада немцам, чем русским.

На каком-то хуторе к солдатам полка Лиды Ларионовой подошел мальчишка лет двенадцати. Он донес на свою мать: когда здесь стояли немцы, мать жила с одним из них. Показал и сарай, где у немцев были сложены боеприпасы. Солдаты расстреляли мать, а мальчика забрали с собой, сделав сыном полка[282].

Девушкам из взвода Клавы Пантелеевой как-то предложили на хуторе, через который шла часть, молока: пожилые муж и жена вынесли к дороге целое ведро еще теплого, парного, и кружку железную, чтоб черпать. Девчонки испугались: вдруг отравленное? В Литве всякого можно ожидать, командиры постоянно предупреждали, чтоб ничего не ели и не пили. Но женщина подозвала Клаву, кивая ей головой, — наверное, понравилось Клавино юное милое лицо. Клава выпила кружку до дна и заключила: молоко не отравленное. Остальные девчонки попили тоже. Хозяева кивали им и что-то говорили на смеси литовского языка и польского, но что — понять было невозможно.

Вскоре отделение Пантелеевой потеряло еще одного снайпера — Зину Гаврилову, которую тяжело ранило в колено. Девушки понесли ее, соорудив носилки из Зининой шинели и разобранной винтовки Клавы Пантелеевой — и назад к Клаве винтовка не попала. Оставшись с Зининой винтовкой, Клава с ней и закончила войну и очень боялась, что кто-то узнает об этом: за утрату винтовки можно было попасть под трибунал. Ранило и Катю Пучкову. Маруся Гулякина к ним после ранения не

вернулась, так что Пантелеева жизнь немного поправилась, и когда в 1929 году отца отправили на пенсию, то жить к Клавиной старшей сестре поехали снова с большим хозяйством — коровой, лошадью, курами и овцами, только свиней не взяли. На Урал ехали долго-предолго, все в одном вагоне, который отцу выделила железная дорога: животные в одной его стороне, люди — в другой. В середине — печка-буржуйка, трубу которой отец вывел в крышу. Когда вагон оказывался в тупике, дети бежали собирать щепки и мусор. Жгли костер и готовили обед.

Из полуподвальной комнаты в доме сестры в городе Сатка Челябинской области, где поселились отец, мать и восемь детей, Клаву в девять лет забрал к себе в семью брат — чтобы нянчила у него детей. Потом она оказалась у другой своей сестры — после школы помогала с детьми, вместе со всеми сажала огород. Вместе с семьей сестры, муж которой был военный, Клава оказалась в Казахстане, где и застала ее война.

Эта невысокая стройная девушка с серыми глазами, русыми волосами и румяным лицом к семнадцати годам все умела: и сеять, и жать, и шить, и дрова рубить, и дом сама могла построить, и на лошади скакать без седла. Окончив школу и юридические курсы, она работала в Джамбуле секретарем в прокуратуре и призыву не подлежала. Но весь ее класс ходил в военкомат, и она тоже пошла. Теперь, на войне, у нее, с детства привыкшей постоянно, не покладая рук трудиться, была другая работа — стрелять. Стрелять хладнокровно, сосредоточившись, нормализовав дыхание — если волнуешься, непременно промахнешься. Кто нервничает — уже не стрелок, пуля уйдет «в молоко»: так учил их в снайперской школе строгий преподаватель Юдин. Эту работу, как и любую другую в своей жизни, Клава делала хорошо.

Глава 12
«Как буду жить без них, когда кончится война и мы разъедемся в разные стороны?»

«На страже Советского Заполярья» — так называлась маленькая фронтовая газетка, которую приносили в часть к Вере Баракиной. Фронт здесь с весны 1942 года стабилизировался: тогда не удалось отбросить немцев за государственную границу, однако и немцам не удалось взять Мурманск. Наступило затишье, продлившееся до октября 1944-го.

И во фронтовой жизни Баракиной все шло по расписанию: «охота» через день. Фронт много месяцев стоял на месте — самое время использовать снайперов! Командир 715-го стрелкового полка был рад, когда ему прислали снайперское отделение. Девчонок, что попали к нему, здесь в обиду не давали.

В первые дни, когда их привезли и оставили при штабе дивизии (поселили в пансионате, где девчонки мылись в ваннах, стирали в бассейне свое белье), отбоя не было от «офицерья». Дежурные держали двери на замке, но офицеры использовали любую возможность, чтобы к девчонкам подъехать. У них много чего было, что девушкам предложить: и еда, и духи. Что греха таить, это тоже сыграло свою роль, ведь девушки, простые солдаты, всегда были голодны, еда — «селедка да сухарь». Только у пригревшихся при штабе — те, как уверены были все товарищи Веры, сидели и тряслись от страха у себя в штабах, не высовывая оттуда носа, не видев боев, — были и офицерские пайки, и медали[283].

На второй день в 715-м полку командир разбил девушек по парам между батальонами и отправил на передовую, стрелять. «Нисколько не страшно», — вспоминала о том времени Вера. Все это их научили делать в школе: «прятаться, ждать». Стрелять, если кого-то видишь, — все равно кого, не одних офицеров и наблюдателей. Приказ командира был: «Видишь немца — стреляй его на фиг». Когда уезжали с Карельского фронта, счет у Веры был — 9. У немцев, а особенно у финнов снайперы были тоже, но отделению Веры повезло, в Заполярье никого не убили. Погибли, наступив на мину, две девушки: несмотря на строгий приказ, сошли во время перехода с тропы, чтобы сорвать ягодки черники. Там же их и похоронили, на полянке в сосновом лесу. Такие случаи были нередки. Начальник

штаба полка на Ленинградском фронте вспоминал: «… встретившийся нам раненый солдат стал жертвой желания поесть клюквы…»[284]

Быт девушкам устроили сносно. Жили они в землянках по 4 или 5 человек. Форму выдали теплую и новую, валенки заменили ближе к концу весны на крепкие новые сапоги. Под мужским нижним бельем носили свои трусы и лифчики, которые привезли из дома. Столкнулись только с проблемой в дни месячных, для этого правилами ничего не было предусмотрено. Полковой медбрат — немолодой еврей дядя Саша, увидев пришедшую к нему девушку, ворчал: «Знаю, зачем ты пришла». Но все-таки давал ваты. Старшина был тоже неплохой, он, например, сразу же выдал все новое девушке Насте, у которой и брюки, и портянки, и шинель сгорели, когда их прожаривали от вшей[285].

Политические работники разъясняли задания на период обороны и подготавливали к будущему наступлению. Оборона против мужиков тоже шла полным ходом. Как-то, когда Вера одна была в землянке — дежурила, — появился офицер, намерения которого сразу стали очевидны. Вера дала ему отпор, он стал угрожать. Но Вере, девушке не робкого десятка, море было по колено. «А я сейчас гранату брошу в печку!» — тут же завопила она. В наказание ее посадили на гауптвахту, правда, только на одну ночь. Когда на следующий день выпустили, девчонки показали могилу того офицера: его убило при минометном обстреле. И Вере как-то стало его жалко.

А нравился ей старший лейтенант Анатолий Любилкин, парень на семь лет старше. Нравился приятным лицом и добрым характером, тем, что нагло не добивался, а ухаживал за девушкой как умел. Все, что мог принести от своего пайка, нес ей — и сахар, и печенье. Для Веры, едва не умершей от голода, как и для всех людей, переживших блокаду, мало что в жизни было важнее еды. «Дай бог, чтобы здесь и закончить войну, не попасть в пекло», — думала Вера.

Совсем недалеко от нее на побережье Финского залива девушки-снайперы из того же, второго, выпуска Подольской школы, направленные в 125-ю стрелковую дивизию, сразу попали в бой как пехотинцы. Снайперский счет Тая Киселева открыла только в июле 1944-го под Нарвой: во время Нарвской операции случались моменты затишья, когда снайперы могли действовать. «Страшно, когда первого, — вспоминала Таисия спустя десятилетия. — В школе были мишени, это не так. В человека стрелять страшно». Тая попала в немецкого связиста, вылезшего чинить связь. Перед штурмом Нарвы ей удалось «снять» еще троих[286].

Отделение Таи Киселевой воевало на этом участке с весны; летом с ними, уже награжденными, понюхавшими пороха, познакомился новый начальник штаба полка капитан Сагайдак. Снайперов было тогда, после штурма Нарвы, все еще десять человек, никто даже не был ранен.

Сагайдак пришел в 749-й стрелковый полк с военно-морского флота, носил, в отличие от пехотинцев, бороду, полосатую тельняшку и фуражку с похожей на краба кокардой. И курил трубку. После того как летом 1944 года дважды форсировали реку Нарву и брали одноименный город, от его 2-го Отдельного морского батальона никого не осталось (капитана преследовала картинка: лед реки, усеянный ранеными и мертвыми в черных морских бушлатах), и их сменили. Так как пополнить батальон было некем, его расформировали, и в ожидании нового назначения Сагайдак как-то вечером подкреплялся «фронтовым коньяком» — созданной его приятелем начхимом смесью самых невообразимых химических ингредиентов. Закуска у них тоже имелась — отличная мороженая луковица. Тут-то и появился незнакомый подполковник со шпорами, объявивший о переводе Сагайдака — о, ужас! — в пехотный полк[287]. Бороду ему, правда, разрешили не сбривать. С 749-м пехотным полком, в тельняшке под гимнастеркой, Сагайдак прошел всю войну, до победы.

После Нарвы полк, продвигаясь вперед, вышел к гряде высот, хорошо укрепленных противником. Остановились, чтобы «привести себя в порядок» и приготовиться к штурму. Противник непрерывно стрелял по их позициям. Возвращаясь из санчасти, где ему перевязывали руку, «Борода» — так прозвали начальника штаба в 749-м, — где-то в тылах полка услышал, как в землянке поют частушки. Не так часто он слышал частушки на фронте, а тут еще и женские голоса их распевали. Решил слезть с лошади и посмотреть, кто поет. Откинул одеяло, служившее в землянке дверью, вошел и сначала не поверил своим глазам. «Батенька! Большая землянка с нарами, на нарах и на скамейках — молодых девчонок человек, мне показалось, двадцать». Девушки, «и русые, и черные, и рослые, и малые», пели и чистили свое оружие. При виде офицера они встали и поздоровались. Сагайдак глянул на оружие — пятизарядная винтовка 7,62 со снайперским прицелом! — и наконец понял, что это за девушки.

Он знал, что из снайперской школы к ним прибыла группа, десять девушек, но, пока полк шел с боями, некогда было с ними познакомиться. Снайперские пары распределили по батальонам, и у немцев там, на высотах, началась уже другая жизнь: «вообще все живое у них пригнулось, спряталось в землю». Девчонки высматривали наблюдателей, корректировщиков да и просто

солдат — ждали, когда мелькнет каска, блеснет стекло стереотрубы или бинокля.

Забыв за давностью лет имена большинства из тех девушек-снайперов, «Борода» запомнил двух: «снайпера по имени Бэлла и ее напарницу Музу Булгакову (на самом деле Булатову)» — запомнил потому, что у этой пары были красивые имена, и сами девчонки были красивые.

Тае Киселевой они обе тоже нравились. Бэлла Морозова была «с гонорком», Муза — очень веселая, талантливая. Мать у нее была актриса, а сама Муза хотела после войны пойти в циркачки и уже много чего умела. Она была старше других девчонок на год или два. В тылу у нее остался ребенок, но про него она не распространялась, как и про то, почему пошла на войну. После войны Тая слышала, что это мать ей сказала идти. А больше всех Таисии нравилась Марина Швецова — женщина взрослее остальных на несколько лет, симпатичная и разумная[288].

После прорыва укрепленного рубежа наступление на Таллин развивалось очень быстро. Группу армий «Север» необходимо было навсегда отрезать от Восточной Пруссии. «Нужно спешить, чтобы немцы на пароходы не сели», — просто объяснила подругам суть событий их комсорг. В этом наступлении погибла Муза Булатова. Отчаянная, она поехала с танкистами в танке, и в танк попал снаряд. Все люди в нем сгорели, труп Музы опознали по винтовке. «Ваша снайпер сгорела в танке», — сказали девушкам, ехавшим сзади на грузовике. Они очень плакали, в отделении это была первая гибель — Музы, общей любимицы.

В Таллине, пока стояли там на отдыхе, девчонок поселили в школе, всех вместе в одной комнате. Там были и душ, и ванна, — просто не верилось во все это после стольких месяцев походной жизни, где «в ручье лед пробьешь, и голову помоешь, и подмоешься»[289]. А вечерами вспоминали погибшую циркачку Музу, и вытирали глаза, и пели песни.

После нескольких месяцев боев они чувствовали себя бывалыми солдатами. Комендант штаба как-то распорядился, чтобы девушки-снайперы помыли полы в штабном помещении. «Ну уж нет», — была однозначная реакция снайперов. На это есть солдаты-дневальные. За кого их принимают? Сагайдаку пришлось вмешаться и «применить меру взыскания к бунтующим снайперам» — посадить всех на гауптвахту. Там девчонки весело провели время, полковые поварихи из женской солидарности кормили провинившихся великолепно[290]. Просидели там недолго, вскоре полк погрузили в эшелоны и отправили в Литву: готовилось наступление в Восточной Пруссии.

От того лета у Калерии Петровой осталась фотография —

шесть девушек в летних красивых платьях на цветущем лугу. Фотография прекрасного качества, совсем не как те, что делали в начале войны: советские военные уже вовсю использовали трофейные фотоаппараты и пленку «Кодак». На головах у подруг — венки. И не скажешь, что сделано это фото в разгар войны, а девушки — советские снайперы с десятками немцев на счету.

Про эту фотографию Роза писала позже: «Дальше мы стоим шестеро в литовских костюмах, я и они. Их была тоже тройка. Таню убило, Люду ранило, она (Валя Лазоренко) теперь одна»[291].

Зайдя в дома, хозяева которых прятались от Красной армии в лесу, Каля и ее подруги брали еду и чистые трусики — грязные теперь не стирали, а просто выбрасывали[292]. Еще брали одежду, подходившую для портянок: портянки они уже давно научились наворачивать, разрезая то, что попалось под руку. Жаль, взять с собой запас не могли, чтобы было на что в пути заменить промокшие.

Все это вошло в привычку, так было все время до конца войны, пока они наступали: и еду, и одежду они брали в покинутых домах. Позже, уже в Германии, «открывали шкаф», чтобы взять там комбинацию, трусы и фильдеперсовые чулки, которые надевали в сапоги по пять или шесть пар, вместо портянок[293]. Когда Тоня Захарова так переоделась в последний раз, ей не повезло: чистое, перевязанное ленточками белье в шкафу оказалось все штопаное. В нем она приехала в Москву, его и носила несколько лет после войны, ведь другого взять теперь было негде.

Из брошенных литовских домов девушки брали не только белье, но и платья, и шляпки. Не для того, чтобы носить их с собой в вещмешке, — каждый ненужный предмет в нем означал дополнительные мучения во многокилометровых переходах, а посылки разрешили посылать домой только позже, — а для того, чтобы ненадолго переодеться в гражданское и почувствовать себя девушкой. «Я заболела одной болезнью — необычайно захотелось мне надеть платье и быть хоть немножко похожей на женщину», — писала 19 февраля 1943 года, отдыхая после ночного вылета, штурман женского ночного бомбардировочного полка Галя Докутович[294].

Да и вещи здесь были красивые, у большинства этих девушек ни до войны, ни в нищем послевоенном существовании красивых платьев не было. Все, что было нужно, — это нарядно одеться, сфотографироваться и послать фотографию домой — пусть там все удивляются, и пусть останется на память. А можно послать такую фотографию молодому человеку, если с кем-то

переписываешься: пусть каждый день на тебе сапоги и гимнастерка и волосы коротко острижены, чтоб не набрать вшей, но на фотокарточке ты — красивая девушка в светлом платье.

Дневник Розы Шаниной за то лето, к сожалению, не сохранился. Толстая тетрадь у нее в Литве была, и писала она в нее чуть ли не каждый день[295]. Но оставленные в обозе вещи частенько пропадали. Может быть, так случилось и с этой тетрадью? Да и то, что сохранились следующие тетради, — чудо. О фронтовой жизни Розы Шаниной мы знаем подробно из ее тетрадей с сентября 1944 года до гибели Розы в январе 1945-го.

«Я привыкла к Саше и к Калерии, и мне без них скучно. Я их очень уважаю, больше чем других девушек. С подругами жить легче. Мы трое из разных семей. У нас разные характеры. Но есть что-то общее. Дружим, и крепко. Калерия — хорошая девушка. Смелая, без тени эгоизма. Я это больше всего ценю в людях. Саша толковая. Разбирается во всех вопросах. Память у нее золотая. Саша, Калерия и я — „Бродячая тройка“. Как буду жить без них, когда кончится война и мы разъедемся в разные стороны?» — писала Роза[296]. Но она из «тройки» погибла первая.

30 июля 3-й Белорусский фронт прорвал оборону противника по Неману. 1 августа немецкие части оставили Каунас. Однако немецкое сопротивление постепенно усиливалось, 3-й Белорусский двигался вперед медленно и со значительными потерями. Коммуникации растянулись, боеприпасов не хватало. Противник обрушил на фронт ряд контрударов, в середине августа несколько пехотных полков попали в окружение.

Клава Пантелеева не запомнила, где это случилось с ее полком. Окружение было не полным, «а как бы подкова» — остался небольшой выход. В памяти сохранился двухэтажный дом на хуторе — «сверху донизу лесенка»[297]. Им велели забинтовать лопаты и котелки, чтоб ничего не гремело, и вели потихоньку мимо хутора. Но если бы были поблизости немцы, о присутствии русских их непременно известили бы местные: на лесенке большого дома стояло несколько женщин. Они смотрели на проходящую военную часть, и одна из женщин, не стесняясь в выражениях, ругала советских. Никто ей ничего не сделал, позволили остаться при своих взглядах — а ведь могли и пристрелить.

К 20 августа наступающие советские войска выбились из сил. С 29-го Ставка ВГК приказала 3-му Белорусскому перейти к

обороне в районе Сувалок. До границ Восточной Пруссии — территории врага — оставалось от Сувалок всего несколько километров. Немецкое население начало уезжать в панике, заверениям гауляйтера Коха уже не верили. Для 3-го Белорусского фронта операция «Багратион» закончилась.

Политруки готовили армию к вступлению на вражескую территорию, рассказывая о зверствах врага на территории СССР. «Следы кровавых злодеяний немцев бойцы видят на каждом километре своего победоносного наступления», — отмечалось в донесении политотдела 31-й армии. В беседах приводились примеры таких злодеяний. «Подразделения 1162 сп прошли через дер. Видрица Шкловского района Могилевской области. В 500 метрах от деревни на опушке леса лежит девушка лет 20-ти. Это немцы поймали советскую девушку и за то, что она имела связь с партизанами, нанесли ей 20 ножевых ран и синяков, предварительно раздев ее догола и изнасиловав. В деревне ни одного дома. Немцы сожгли всю деревню, где насчитывалось 147 хозяйств. Сейчас осталось одно только географическое название…»[298]

«Акт о зверствах» зачитывался в подразделениях, заставляя бойцов «с еще большей яростью бросаться в бой, чтобы отомстить фашистским извергам»[299].

Клаве Пантелеевой запомнился короткий отдых, который ее армии дали в конце августа — начале сентября 1943-го у самой границы Восточной Пруссии. Она и ее товарищи писали множество писем родным и друзьям, наконец появилось для этого и время, и, главное, бумага: до этого бумага была страшным дефицитом и родных просили прислать в письме листочек. В письма Клава вставляла стихи, переписанные из «Боевого листка» — не маленького, который во взводе делала Зина Гаврилова, а большого листка дивизии, ее собственной фронтовой газеты. Там все время печатали разные стихи, и Клаве особенно нравились К. Симонова. Родители и сестры над этими стихами плакали, старшая сестра хранила все Клавины письма и думала стихи отправить «в какую-нибудь редакцию» — считала, что стихи Клавины. Когда Клава, вернувшись с войны, узнала об этом, ей стало очень смешно: «Да ты что! У меня ума не хватит сочинить, переписать бы — и то хорошо!»[300]

После отдыха Клавин взвод разделили на три отделения и все отделения «раскидали по разным частям». Получилось так, что в разные отделения почему-то попали и Клава с Марусей Гулякиной, а ведь Маруся только что вернулась после ранения. И когда Марусю убили, она была в паре с Катей Ульяновой. Клава

узнала только позже, что Маруся погибла, и очень горевала о ней, но все же не так, как о Марусе Чигвинцевой. «Третья Маруся» — следующую Клавину пару тоже звали Марусей — благополучно воевала до конца войны. Как только кончилась война, Маруся Кузьмина вышла замуж за политрука Иванова и родила мальчика, который, насколько Клава могла судить по фотографиям, был «вылитый политрук Иванов»[301].

В августе — начале сентября полк Славнова вместе со снайперским взводом вывели во второй эшелон на отдых и пополнение: людей осталось мало. Вскоре им устроил смотр командующий 31-й армией генерал В. В. Глаголев. Узнав о его приезде, бойцов поспешно выстроили, и Славнов впервые заметил, что вид у полка неважный: его люди стояли не по ранжиру, в пропотевших и изношенных гимнастерках. Для боев сойдет, но генералу наверняка не понравится.

Но генерал по поводу их внешнего вида ничего не сказал, его удивило другое. Подходя к солдатам, он спрашивал, кто они и где воевали, и, если кого-то видел без ордена или медали, осведомлялся почему. Славнов объяснил, что наград в полк пришло больше, чем осталось людей. Получать медали некому: мало кто из стоящих в строю воевал в этом полку ранее, большинство — из других частей, попали сюда из госпиталей. Генерал велел наградить в первую очередь получивших ранения. И привести полк в порядок[302].

Вскоре им выдали новое обмундирование, заменили изношенное оружие и 12 сентября, в теплый солнечный день, провели награждение. Выступил приехавший к ним ансамбль песни и пляски, накрыли длинные столы для бойцов.

Через несколько дней приезжал еще и цирк. А скоро они вновь стояли в обороне и только изредка вели короткие бои с группами «обросших, голодных, одичавших, злых как волки»[303] немецких солдат, пробиравшихся из окружения на запад.

Перед наступлением на Восточную Пруссию на короткий отдых вывели и соседнюю дивизию, где служила Калерия Петрова и ее товарищи. Только собрались в баню и к парикмахеру, как в первый же день убило в туалете шальным снарядом Таню Кареву. «Убили!» — закричал кто-то из девчонок, прибежав оттуда[304]. Как обидно, и так трудно было в это поверить: передовая была не так уж и близко, так что на время, казалось, они находились в полной безопасности.

Роза Шанина отдыхать не могла, все требовала, чтобы ее с другой частью отправили на фронт: «Не хочу отдыхать!» И все

писала что-то карандашом в своей тетради с толстыми корочками. У этой простой девчонки была большая тяга к образованию, к литературе, она мечтала после войны пойти учиться в университет. Тот дневник ее боевые подруги прочитали только через много-много лет в журнале «Юность».

Что касается ее товарищей по взводу, то они не возражали против отдыха. Вместе с другими Калерия Петрова сделала у парикмахера химическую завивку (второй раз в жизни, первый — у вокзала в Москве перед отправкой на фронт, когда они завились чуть не целым отделением) и начала наводить порядок в домике, куда их поселили. Другие девчонки подключились. Попросив в санроте марли, покрасили ее акрихином — противомалярийным средством, которое лечило плохо, зато окрашивало все, с чем соприкасалось, в желтый цвет («малярики» ходили все желтые). Для занавесок акрихин подошел отлично[305].

Взвод девушек сплотился после нескольких месяцев фронта. Кто-то добудет еду — поделят на всех. Мужики завалятся в домик к снайперам — похихикав, девчонки скоро их выставят. Если пристает кто-то, к начальству не бегали жаловаться, а говорили подругам. Вместе можно дать отпор.

Командиров на отдыхе они особенно не слушались — куда там! Ведь они теперь обстрелянные солдаты, снайперы с десятком или двумя снятых немцев в серой «Личной книжке снайпера». Да вообще-то муштры, строевой на отдыхе почти и не было. Что командирам нравилось — так это проверять стрельбу девушек. Скорее это была не проверка, а демонстрация для зрителей: мол, смотрите, какие у нас снайпера! Ставили им банки, бросали бутылку в воздух, давали стрелять из всех видов оружия. Кале запомнилось противотанковое ружье, из которого ей хотелось пострелять из интереса. Оказалось, от ПТР такая отдача, что целую неделю у нее плечо было синее. С удовольствием девушки стреляли из пистолетов — к тому времени у большинства имелись подаренные разведчиками трофейные «пистолетики» — маленькие, дамские.

Они потом пригодились тем, кому случилось наступать в городах. А легче всего было, конечно, стрелять из автомата — в этом они тоже практиковались. Стреляли и в гостях — часто ребята из других частей приглашали их к себе в гости, на танцы, и девушки отправлялись компанией человек в десять.

На том отдыхе их в первый раз наградили орденами и медалями. Медалью «За боевые заслуги» — за пять убитых немцев, а те, у кого было десять на счету, получили ордена. В те же дни в армии провели слет женщин: было много речей, накрыли длинные столы, была и выпивка, и мясные консервы. В

конце устроили танцы, и Каля, хоть и не очень любила танцевать, в тот день даже вальс танцевала с другой девчонкой. Хотела ради танцев переобуться в туфли, которые дядя-генерал прислал из Москвы, но постеснялась, оставила в вещмешке. А туфли эти скоро развалились, и она их выбросила.

Глава 13
«А где Тося?» — «Тосю убило»

Третью снайперскую пару Клавы Логиновой Тосю Лукичеву, не такую уж красавицу, но общительную и веселую девчонку, убило под Сувалками в начале неудачного советского наступления. В первый день атаки захлебнулись, и всю ночь девушки-снайперы стояли в траншее с уцелевшими немногими солдатами. Поставили туда и связистов, и даже штабных. Согласно приказу, все «стреляли без конца» по немецкому переднему краю: минные поля и проволоку уже сняли, и можно было ждать чего угодно. На следующий день немцев отрезала с тыла другая группа советских войск. Клава и Тося нашли себе место в окопе, где до них стоял пулеметный расчет: видимость здесь была хорошая и удобно стрелять. Но только они начали наблюдать, как неожиданно совсем рядом разорвался снаряд. Клава Логинова помнила только удар — взрывная волна выбросила ее из окопа. Когда пришла в себя, услышала, как медсестра зовет ее по имени. Голос Клава слышала как под водой, ее контузило. «А где Тося?» — сразу же спросила она, и ей ответили, что Тосю убило. Проведя в госпитале неделю, Логинова вернулась в часть: как-то «неудобно» ей было болеть в такой момент: вот-вот они начнут наступать по вражеской территории.

Вскоре Клава потеряла еще одну, четвертую, свою снайперскую пару — Тосю Тинигину. Но до этого в боевой жизни Клавы Логиновой состоялось самое, пожалуй, важное событие: дуэль с немецким снайпером.

В советской литературе, а также в том, что написано уже в несоветское время, рассказ о боевой жизни чуть не каждого снайпера содержит описание снайперских дуэлей — многочасовых поединков, кто кого. Показывают их и в кино. А для Клавы, которой только исполнилось двадцать лет и которая героиней себя ни тогда, ни позже не считала, это было задание. И позже она не называла этот эпизод гордо «снайперской дуэлью». Только когда поняла, что была на волосок от смерти, стало очень страшно.

Наступление застопорилось, и в один из первых дней на новом месте, когда Клава с Тосей Тинигиной стояли в траншее и наблюдали, за ними пришли солдаты с другого участка: там потребовалась помощь. Немецкий снайпер ранил там уже нескольких человек. Клава с Тосей пошли, и им показали участок, окопы, откуда снайпер, по мнению офицера, стрелял. Клава

успела набраться опыта, да и в школе учили правильно наблюдать за врагом: комочек свежей земли, увядший листок рядом со свежими, переместившийся на пару сантиметров куст — все это могло указать на немецкого снайпера. Начав рассматривать в прицел немецкий передний край, вскоре Клава увидела окошечко, амбразуру в бруствере, хорошо замаскированную листочками. Приглядевшись, увидела, что в окошке лежит замаскированная винтовка. Теперь нужно было ждать, и это Клава умела: на ее счету было уже шестнадцать немцев. Листочки шевельнулись, и мелькнуло лицо — длинное, с рыжей щетиной. Клава выстрелила, опередив немца на долю секунды. Немец тоже видел ее, он выстрелил, наверное, с ней одновременно — наблюдал за ней так же, как и она за ним. Клаву спасло, как она считала, то, что отдача от выстрела отклонила ее тело в сторону. Пуля немецкого снайпера пробила ремень и ложе ее винтовки. У Клавы долго не слышало ухо.

Тот снайпер больше не стрелял, и Клаве Логиновой за него приписали к счету сразу десять очков. А в тот день она долго не могла успокоиться, трясло[306].

«Тась, давай подожжем сарай? — предложила Аня. Далеко на немецкой стороне маячило серое строение с соломенной крышей. — Хоть попугаем немцев»[307]. До немецкого переднего края было далеко, метров восемьсот, попасть в солдата удавалось редко. Да и вели они себя осторожно, пуганные.

8 октября 62-я стрелковая дивизия сменила у литовского города Калвапря 16-ю гвардейскую дивизию. 17-го пошли в наступление. 23-го Совинформбюро сообщало: «Войска 3-го Белорусского фронта, перейдя в наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации прорвали долговременную, глубоко эшелонированную оборону немцев, прикрывавшую границы Восточной Пруссии, и вторглись в пределы Восточной Пруссии на 30 километров в глубину и 140 километров по фронту». Наступление не имело успеха, 3-й Белорусский фронт перешел к обороне. Кончался октябрь.

Взвод Ани Мулатовой на участке фронта в деревне Рачки под Сувалками вернулся к своей основной работе: девушки-снайперы на рассвете занимали места у амбразур в траншеях, подкарауливая зазевавшихся солдат противника. Немцы тоже не зевали.

Поджечь сарай? Сказано — сделано, начали стрелять зажигательными патронами по крыше. Аня зарядила зажигательный патрон — они, в зеленой оболочке, у нее и товарищей всегда были при себе. Выстрелила, пуля взорвалась на

крыше. Крыша зашипела, загорелась и сразу погасла — мокрая. Тут же зарядив еще один зажигательный патрон, Аня выстрелила снова.

Что случилось потом, она не поняла: услышала треск и посыпался вокруг песок. По глазам полилось что-то теплое. «О боже, кровь!» Крови Аня боялась страшно. Тася, увидев кровь, тоже перепугалась и плакала. А с Аней было все в порядке. Она увидела, что разрывная пуля, отрикошетив от ствола винтовки, в щепки разнесла ложе. Маленький осколочек попал Ане в лоб, оставив на память о себе треугольный шрамик. Вытащив винтовку из амбразуры, она села с ней на землю, обняла ее и «начала реветь». На крик сбежались солдаты — днем в основном стояли «старики», лет сорока и старше: молодых ставили на пост ночью. О чем тут плакать, если пуля немецкого снайпера разорвалась в нескольких сантиметрах от твоей головы, не причинив тебе никакого вреда? «Анюточка, что ты?» — успокаивали «старички». Она, плача, объяснила, что жалко ей винтовку. «Да что ты, винтовка будет целая! Вон, в оружейную мастерскую отдашь, тебе это ложе сделают! Самое главное, что не разбили прицел!»

Но Аня все рыдала — из-за того, что чуть не погибла, из-за того, что повредила главную драгоценность — винтовку, из-за того, что нарушила золотое правило снайпера: никогда не стрелять дважды с одной позиции. Винтовку и правда ей быстро починили. И командиру она ничего не сказала.

В Рачках они стояли несколько месяцев. Девушкам из полка Славнова запомнилось, что жили они в деревне Рачки под Сувалками не в землянках, а в домах местных жителей, поляков.

Утром, съев кашу с хлебом и попив молока (солдат снабжали местные), ходили на «охоту», сидели в траншее у своих амбразур, высматривая немецких солдат. Те старались не высовываться зря. Снимать их удавалось, когда что-то подносили в траншеи: боеприпасы или еду. Потом немцы еще основательнее зарылись в землю и стало сложнее.

Солдаты в державших здесь оборону военных частях привыкли к тому, что каждый день на передовую и обратно ходят молодые девчонки, сидят весь световой день в траншее и смотрят, смотрят, иногда стреляя раз в день, иногда и вовсе не стреляя. «Проводи их, чтобы ничего не случилось», — приказывал солдату какой-нибудь командир: все знали, что ходить здесь опасно, немцы эту территорию простреливают. Клава Лаврентьева на ветеранских встречах после войны напоминала Ане Мулатовой про песню Шульженко, которую Аня любила петь по дороге на

«охоту». Любимой ее песней в то время была «Давай закурим, товарищ фронтовой…». Эту и другие песни Клавдии Шульженко, большой советской звезды, в первые два года войны давшей около пятисот концертов на Ленинградском фронте, пели на фронте и женщины, и мужчины. Ждали Шульженко и на 3-м Белорусском, но она почему-то не приехала. Зато в полку был молоденький парнишка-разведчик, который здорово играл «Синий платочек» на трофейной губной гармошке[308]. У Ани Мулатовой был несильный, но приятный голос и отличный слух, и сколько она себя помнила, вечно пела. Когда спускались в ход сообщения, чтобы идти к своим амбразурам, петь уже, конечно, было нельзя.

Шло время, фронт не двигался, у снайперов наладилась странная, с обстрелами и «охотой», но стабильная жизнь.

Зоя Ермакова стала ночевать у начальника штаба. Это не удивило ее товарищей: Зоя была старше всех да еще и курила — чего от нее ждать? Надо отдать ей должное, на «охоту» Зоя ходила вместе со всеми. Надя Веретенова «сдружилась» с начхимом, подшивала ему подворотнички, а было ли там что-то еще, никто точно сказать не мог. Ане и Тасе, да и большинству их подруг, еще не имевших опыта в таких делах, все это было странно, стыдно как-то. Раза два на фронте их всех проверял гинеколог, и Аня расстроилась, увидев, что в медицинском журнале ей в какой-то колонке поставили минус. «Что, это я больная, что ли?» — спрашивала она медсестру, а позже уже догадалась, почему у кого-то из девчонок были плюсы[309].

Цвели там, в обороне, и настоящие, сильные романы, завязывались чувства, которые могли бы длиться всю жизнь. Парторг Юрка Иванов, имевший доступ в расположение женского взвода, приходил проводить с девушками беседы и читал им разные лекции и «Маскарад» Лермонтова. Кончилось тем, что он не на шутку влюбился в Валю Кондакову. Дело шло к женитьбе, Валя потом признавалась девчонкам, что у них «почти до этого доходило». Но Юрку серьезно ранило в лицо, в челюсть. Его увезли, и Валя написала его родителям, что не знает, выживет Юрка или нет. Юрка выжил, но после госпиталя он Вале не писал и не отвечал на ее письма. Только через тридцать лет на встрече ветеранов дивизии выяснилось, что он не смог ей простить того письма его матери.

Аня и Тася любили перекинуться шуткой с расчетом «сорокапятки» сержантами Ваней Закопайко и Петром Федоровым. «Девчонки, зайдите к нам!» — все приглашали они, когда Аня и Тася шли мимо них на «охоту». Как-то, когда они возвращались с «охоты», начался обстрел. В расположении полка разорвался снаряд, и Петра ранило. Девушки бросились помогать,

Петр (он был ранен легко) просил друга дать ему свой перевязочный пакет. «У меня нет», — ответил не моргнув глазом Ваня, но когда Петр попросил его сходить тогда в землянку за его пакетом, то пакет у Вани сразу нашелся — не хотелось ему никуда ходить под обстрелом.

Дружили и с разведчиками. Дружбу с ними, бескорыстное дружеское расположение ребят из полковой разведки вспоминали многие женщины-снайперы. Молодые парни, которым не светила близость с этими девушками (на это могли рассчитывать в основном командиры), рады были поболтать и пошутить с ними, пригласить на танец, угостить сахаром или трофейным шоколадом. Когда пошли по немецкой территории, разведчики могли принести девчонкам и какую-то красивую вещицу, и часики. А уж если найдут где-то маленький дамский пистолет, то дарили его непременно девушке. Ане как-то принесли даже кроличью шубку, да она потерялась в обозе вместе с ее вещмешком…

Находились среди снайперов отчаянные девчонки, просившиеся с ребятами пойти на разведку. Почему? В основном из-за романтики, ведь они были совсем юные, а еще потому, что за удачную разведку могли дать орден или медаль. Снайпер в разведке не нужен: ночью он не может прицельно стрелять, даже если возникнет в этом необходимость[310]. Брали девчонок (самовольно, не поставив в известность начальство), чтоб сделать девушке приятное, произвести на нее впечатление. Кончалось это частенько плохо. Осталась без обеих ног после похода в разведку красавица-снайпер Маша Алхимова, служившая в соседнем с Аней подразделении и знакомая ей по школе. О том, что тогда произошло, в Анином взводе узнали от Машиной пары Калининой. Разведгруппе не удалось пройти бесшумно, они наткнулись на консервные банки и бутылки, висевшие перед немецким передним краем. По разведчикам открыли стрельбу, и они повернули назад. По неопытности или перепугавшись, Маша не пошла за разведчиками, знавшими проход в минном поле. Бросилась в сторону и подорвалась на мине. Разведчики, сами рискуя жизнью, вытащили ее с минного поля и принесли назад[311]. Маше ампутировали сначала одну ногу, потом и вторую.

После войны Алхимова не падала духом, хоть и мучилась с протезами. Слава богу, как слышала Аня, кто-то из женщин-снайперов написал самому Маресьеву и тот помог Маше с хорошими протезами. Она потом всю жизнь работала в Большом театре — делала шляпки.

У Ани с Лидой Андерман завелся «жених», один на двоих — командир взвода разведчиков Славка Чигвинцев — лейтенант, москвич, веселый и бойкий парень. Аня чувствовала себя деревенщиной, робела перед Славкиным столичным остроумием. Землянка разведчиков была рядом с землянкой девушек, и Славка развлекал болтовней и чаем то Аню, то Лиду Андерман — по очереди. Шла на «охоту» Лида — разведчик трепался с Аней; Аня шла в траншею — наставала Лидина очередь. Аню Славка прозвал «ежик» за торчащие во все стороны после стрижки очень густые кудрявые волосы. Ей, конечно, казалось, что с Лидкой «жениху» гораздо интереснее: Андерман была московская, интеллигентная девчонка. А с ней, с Аней, Славка, как она считала, трепался просто от нечего делать. Так они и не узнали, кто Славке больше нравится, потому что в один прекрасный день его арестовали и, как слышали девчонки, отправили в штрафную роту.

Оказалось, что командир полка во что бы то ни стало требовал «языка», чтобы узнать, что планируют немцы. Несколько разведок прошло неудачно, потом послали с группой Славку, и он, напоровшись на немецкий огонь, вернулся, не пошел дальше: пожалел своих людей. За это поплатился, больше Аня его не видела и не слышала о нем. После войны с Лидой Андерман они вспоминали «общего жениха», гадали, вернулся ли Славка с войны.

Ох уж эти молодые офицеры — никогда не знаешь, что у них на уме. Казалось бы, дружит с тобой без всякой задней мысли, а потом как отколет коленце… Дружили с девчонками-снайперами два веселых молодых парня, два Володи, артиллеристы. «Пошли, Москву послушаем!» — как-то предложил один из них Ане Мулатовой: у них в землянке было радио. Она согласилась, потом ругала себя за это: «Дура, не понимала, что ли?» Но ведь, когда она зашла, оба Володи были дома. Сначала и правда слушали радио и чай пили с сахаром и хлебом. Потом один Володя вдруг поднялся и вышел, а второй тут же на нее «набросился»! «Ты что?!» — закричала возмущенная Аня, отбиваясь, а Володя схватил пистолет и стал угрожать: «Я тебя убью!» Но она знала, что, конечно, он не выстрелит, так что сказала: «Ну и убивай!» Тут Володю кто-то позвал, он выглянул из землянки, а Аня быстро схватила пистолет и положила за отошедший фанерный лист потолка землянки. Вернувшись и не увидев пистолета, Володя перепугался: за утрату табельного оружия мог угодить под трибунал. «Провожай до землянки, тогда скажу», — велела Аня. Было уже поздно и темно, идти одной страшно. Володя, конечно, проводил ее, и она сказала, где пистолет. На прощание

артиллерист Володя обозвал ее плохим словом.

А вскоре появился офицер, который не оставил равнодушным Анино сердце.

Как-то утром, стоя в траншее у деревни Рачки вместе с Тасей Пегешовой — каждая у своей амбразуры, на расстоянии метров пяти друг от друга, — Аня вдруг увидела идущего к ним то ли солдата, то ли офицера — погон не было видно под плащом-накидкой, на голове — пилотка. Когда «мужик этот» важно так спросил: «Что это здесь у меня за посторонние люди?» — девушки поняли, что это кто-то из командиров. Аня всегда начальства побаивалась и тут испугалась, подумала: «Чего ж мы нарушили-то?» «Кто вас сюда прислал?» — строго продолжал незнакомый командир. Собравшись с духом, Аня ответила: «Нас сюда привел наш командир Ракитянский». Ракитянский, как обычно, рано утром привел их на место, показал амбразуры, и только они его и видели: не болтался он особо на переднем крае. «Так. Прежде чем сюда идти, надо было зайти ко мне и спросить разрешения у командира роты, — отрезал незнакомец, — или хотя бы у командира взвода». «Мужик» оказался командиром штрафной роты, державшей этот участок фронта. Поругавшись, ротный обещал все выяснить и ушел.

Но уже в следующую свою «охоту» Аня и Тася снова его увидели: пришел проверить, как несут они службу. Что интересно, на этот раз он был гладко выбрит и на гимнастерке подшит свежий подворотничок.

Ему было лет двадцать пять. «Смелый и волевой», — заключила Аня, немного узнав его, — да растяпу и не поставили бы командовать штрафниками. У Анатолия были широко расставленные серые глаза, прямой нос, легкие светлые волосы. «Захаживал» он часто. Тася, более бойкая, чем Аня, симпатичная, острая на язык, брала инициативу, но старшему лейтенанту, как стало вскоре ясно, нравилась Аня. В самом начале, не придав большого значения болтовне с ротным, Аня на его вопрос, откуда она, ответила бог знает почему: «Из Москвы». Анатолий спросил, где же она жила в Москве, и Аня назвала улицу, о которой слышала от эвакуированных у себя в Семанщине: «Сивцев Вражек». После этого Анатолий, который был москвич, ей проходу не давал, все звал: «Москвичка! Москвичка!» Расспрашивал, а Аня, конечно, мало что могла сказать о Москве. В конце концов она призналась, и после этого о Москве рассказывал ей Анатолий. Он много знал, пел арии из опер, но Ане тогда все это, в том числе и опера, «было до лампочки». А парень нравился. И когда он пригласил ее и Розу Шалаеву в гости к себе и своим товарищам, пообещав чай с печеньем, она

согласилась. За ними приехали на санках с лошадью — шел ноябрь, уже лег снег — и возили в гости за четыре километра, к штрафникам. Было очень весело, и Ане было приятно, что, хотя Роза Шалаева была очень красивая, Анатолий все время сидел рядом с ней, «москвичкой».

Вскоре началось наступление, и Аня потеряла этого парня из виду[312].

Глава 14
«У меня уже нет сердца. Я ко всему хладнокровна»

Илья Эренбург писал о Розе Шаниной осенью 1944 года: «Пусть радуется русская мать, родившая и воспитавшая Родине славную благородную дочь! Вчера снайпер Роза Шанина за один выход уничтожила 5 фашистов. С боевым успехом, товарищ Шанина! Теперь на боевом счету бесстрашной девушки 51 убитый гитлеровец и трое взятых лично ею в плен»[313].

Историю с пленными Роза кратко изложила в прессе. «Как-то после горячей схватки я натолкнулась на тяжело раненного красноармейца. Перевязав ему рану, я пошла дальше, — только сделала несколько шагов, как показался немец. Я приготовилась стрелять, но в тот же миг решила взять его живьем. „Хенде хох!“ — крикнула я. Каково же было мое удивление, когда я вместо двух увидела шесть поднятых кверху рук. Я привела в штаб трех фрицев».

В дневнике Роза описывала этот эпизод намного интереснее, с присущим ей грубоватым юмором. «Я пошла снова на передовую и в мечтах позабыла, что нахожусь в опасных местах. Проходя по мосту, случайно устремила взор на заросший внизу овраг. Вижу, что стоит фриц. Случайное: „Хенде хох!“ И поднимаются шесть рук… Болтает один что-то, не понимаю, только знаю слова „быстрее, вперед“ и кричу. Выползли из оврага. Отобрала оружие, часы, крем, зеркала и т. д. Провела километра полтора, смотрю, один фриц в одном сапоге. Это он и просил в овраге дать ему надеть сапог…» К концу перехода, у деревни, немцы, осмелев, спросили Розу, что им теперь будет — «гут или капут»? «Будет гут», — ответила Роза, гордая тем, что, «в маскхалате, с финкой, с гранатами, винтовка на изготовку — как бандитка», ведет она по польской деревне троих немцев.

К октябрю 1944 года Роза стала знаменитостью и нечасто появлялась в своем взводе: всеми правдами и неправдами старалась быть на передовой. Для товарищей по взводу ее появление то и дело сопровождалось сюрпризами: «то нескольких пленных приведет, то появляется раненая, то вдруг приезжает из штаба и всем снайперам привозит одежду теплую и валенки».

«Теперь на счету Розы Шаниной десятки убитых немцев», — отмечал в длинной заметке о Розе и ее товарищах (но прежде всего о Розе, за этим и приехал к ней в полк) военкор майор

Милецкий. «Работница» — советский журнал для женщин — изображал Розу в виде сказочной девицы-воина, в юбке и узорчатых сапожках, но в шлеме и латах древнерусского воина — да еще с биноклем и автоматом (видимо, не были знакомы художники женского журнала с устройством снайперской винтовки). В большом почете были в те годы русские былинные богатыри.

В отличие от большинства своих товарищей по Подольской школе Роза с самого начала войны хотела воевать именно снайпером, и никем больше. Она писала редактору армейской газеты Петру Молчанову, своему близкому другу: «Передайте, пожалуйста, по назначению и посодействуйте мне. Если бы вы знали, какая у меня страсть быть вместе с бойцами на самом переднем крае, уничтожать гитлеровцев. И вот представьте, вместо передовой — в тылу. Мы потеряли еще четыре черными и одного красного[314]. Очень хочу мстить за них. Прошу вас, переговорите с кем следует».

Вскоре у Розы и солдат ее части появилась возможность мстить немцам на немецкой земле: 18 октября часть «прорвала границу… уже плутаем по немецкой территории»[315], записала Роза. Наступление застопорилось, однако в октябре 1944 года советские войска вступили на территорию Восточной Пруссии — какой долгожданный день!

Офицер-связист из 31-й армии Леонид Рабичев вспоминал те дни: «Одна из дивизий нашей армии пробила брешь в оборонительных заграждениях на границе. Саперы засыпали ров, разрушили пять линий заграждений из колючей проволоки и ликвидировали еще один то ли ров, то ли вал. Таким образом… образовалась дыра шириной метров пятнадцать, внутри которой проходила проселочная дорога из Польши в Восточную Пруссию…» В шикарный фольварк Голлюбиен — Рабичев слышал от кого-то, что он служил охотничьим домиком прусским королям, — связист попал после пехотинцев и танкистов, «не оставшихся равнодушными» к немецкому богатству: зеркала в позолоченных рамах были разбиты, перины и подушки вспороты, на картине «Рождение Афродиты» черной краской было написано «популярное слово из трех букв». Во дворе солдаты ловили кур, сворачивали им шеи, потрошили, ощипывали, бросали в огромный котел[316].

Теперь все было по-другому: раньше они освобождали сначала свою страну, потом захваченные врагом третьи страны, а сейчас у них под ногами была земля, с которой пришел к ним враг. Эта земля взрастила тех, о ком писал Эренбург: «Убей немца!» Еще в 1942 году неистовый Эренбург, у которого, по

выражению Александра Верта, был «гениальный талант вызывать ненависть к немцам», призывал: «Мы поняли: немцы — не люди. Отныне слово „немец“ заряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя»[317]. Прошло два года. Родина уже не была в опасности, но заплатили за это колоссальной ценой. Теперь чуть ли не каждому солдату было за что мстить. «Пропаганда ненависти»[318] добавилась к личным счетам к врагу, которые были почти у всех. Теперь, на территории врага, расплачиваться будут не только военные, но и гражданские немцы.

Пока, в октябре 1944 года, вместе с боевыми частями границу Восточной Пруссии пересекли корреспонденты фронтовых газет, художники, фотографы. Их задачей было создавать для солдат образ вражеской земли, показывать бойцам «отвратительное нутро берлоги немецкого зверя»[319]. Солдаты вспоминали: «Накануне перехода на территорию рейха в войска приехали агитаторы. Некоторые в больших чинах. „Смерть за смерть!!! Кровь за кровь!!! Не забудем!!! Не простим!!! Отомстим!!!“» До этого основательно постарался Эренбург, чьи хлесткие статьи все читали: «Папа, убей немца!»[320] Ненависть, месть должны были помочь солдатам бесстрашно идти вперед. «Я помню, как нужны нам были статьи Эренбурга. Ненависть была нашим подспорьем, а иначе чем было еще выстоять»[321]. Подъем, который, пересекая границу, испытывали бойцы, должна была усилить пропаганда. Пруссия — логово, берлога, осиный, звериный или разбойничий питомник, живут в ней псы, волки, хищники[322]. «Немцы — не люди» — в этом Эренбургу не пришлось долго убеждать советских солдат и гражданских: разве люди станут истязать пленных и издеваться над мирным населением? Аудитория пропагандистов была подготовлена: только в одном из полков, перешедших в октябре границу, «у 158 бойцов были убиты и замучены близкие родственники, у 56 военнослужащих угнаны в Германию семьи, у 152 семьи остались без крова, у 293 было разграблено имущество и угнан скот»[323]. Даже те солдаты, чьи семьи не пострадали, насмотрелись такого, пока освобождали Белоруссию или Украину, что готовы были мстить безжалостно.

Вернувшись в родное местечко на Украине после ухода немцев, семнадцатилетний Леонид Шмурак помогал отцу и дяде выкапывать останки расстрелянных родных. Среди них были и маленькие дети. Увидев детские вещички, одежку, парень пошел

в военкомат. Нет, он не хотел защищать советскую власть, отнявшую у его семьи все и отправившую их в ссылку. Он хотел мстить немцам. Полковник в военкомате, посмотрев его метрику, сказал ему идти играть в футбол. Шмурак ответил: «В футбол я грати не буду, а буду вбивати». И вскоре на фронте он стрелял по немцам, даже когда те поднимали руки. «Была у меня большая злость, — вспоминал он спустя десятилетия. — Не было такого страха, что меня там убьют или ранят. Понимал вот это — что надо мстить, надо видеть, что я его убиваю»[324].

Анна Соколова, пришедшая на фронт после второго выпуска ЦЖШСП и воевавшая снайпером в 70-й стрелковой дивизии, незадолго до кончины рассказала корреспонденту МК о своей встрече с плененной немецкой девушкой-снайпером. Разведчики поймали ее в лесу, где девчонка-снайпер замаскировалась на дереве. Она была ровесницей Ани, чем-то похожа на нее, и у них были одинаковые мальчишечьи стрижки.

Анне Соколовой приказали расстрелять немку, и она, не колеблясь, повела ту в овраг. «Ведь если бы я оказалась на ее месте, она бы меня тоже не пощадила», — сказала Соколова после войны[325]. Немецкая снайпер была одиннадцатой жертвой Соколовой, однако та не включала ее в общий счет, так как убила в упор.

Загвоздка в том, что в немецкой армии женщин на передовой не было, тем более снайперов. Не было женщин и среди власовцев, даже медсестер. Скорее всего, этой девушки вовсе не было. Если это так, то какой интересный материал для психологов! Думая о своей юности, о войне, пожилая женщина представляет похожую на себя девушку-врага, которую убивает с той же жестокостью, какой сама ожидала от врагов по отношению к себе[326]. Ветеран-снайпер мысленно продолжала мстить немцам и через много десятилетий после войны.

За первые шесть месяцев своей войны Роза Шанина и ее товарищи почти не участвовали в наступательных боях. Сначала — оборона под Витебском, дальше — преследование отступающего врага. Настоящие, страшные бои выпали на их долю только в Восточной Пруссии. 3 ноября Роза записала: «Вернулась с передовой совершенно измотанная. Запомнится мне эта война. Четыре раза местечко переходило из рук в руки. Я три раза уходила из-под самого носа фашистов. Вообще-то война на территории врага — дело серьезное»[327].

Немецкие позиции приходилось буквально «прогрызать»[328], вспоминал ветеран 17-й гвардейской дивизии. «Город взяли

наши, их всех перебили», — записала в дневнике Роза. «Из штрафной роты вернулся один человек, остальные погибли»[329]. Роза считала, что в этом бою она убила по крайней мере 15 немцев (не записанных в снайперскую книжку, так как это произошло при наступлении). Отбивая атаки «фрицев», она стреляла по каскам ползущих трассирующими патронами и с расстояния 200 метров отчетливо видела в прицел, как патроны отлетали рикошетом. Подобравшись на 100 метров, немцы встали во весь рост, но Роза еще стреляла. Убежала она с товарищами, когда немцы были уже совсем близко. «В небольшой рощице, у дома лесника, малочисленная группа советских солдат вступила в неравный бой с танковым десантом неприятеля, — вспоминал участник этого боя[330]. — Силы были неравные, противник в десятки раз превосходил горстку наших воинов, которые стали медленно отступать, чтобы избежать окружения… Вскоре последовал приказ наступать»[331].

«Мы подползли и снова заняли домик, выгнали немца», — писала Роза[332]. Позже она вернулась на КП полка, где «первый раз покушала… и уснула». «Домой», в расположение снайперского взвода, Роза идти боялась: девчонок-снайперов, которые не должны были идти в наступление в первой линии, на передовую привела, конечно, она. «Убило в этот раз Сашу Кореневу и ранило двоих. Девчата всю вину кладут на меня». Товарищами Роза осталась недовольна. Когда контратаковали немцы, «девчонки все оказались трусами, убежали». Исключением стала лишь Калерия Петрова, которая «одна была храбрая»[333].

Об этом бое, как и обо всем самом важном, что с ней происходило, Роза написала редактору фронтовой газеты «Уничтожим врага» Петру Молчанову: «Третьего дня хоронили подругу по оружию Сашу Кореневу. Ранены еще две наши девушки. Может быть, вы их помните?»[334] Молчанов, на которого бесстрашная Роза произвела большое впечатление, сохранил все ее письма. После гибели Розы ему отдали и ее дневник, и Молчанов много сделал для увековечения памяти сорвиголовы. Валя Лазоренко вернулась в полк после госпиталя, Роза дружила с ней — красивой блондинкой, обожавшей лошадей и мечтавшей после войны служить в кавалерии. С Валей Роза заключила договор: «не говорить на фронтовом языке и ни одного даже нелитературного слова» — потому что все остальные девчонки «крыли матом»[335]. Нарушивший должен был отдать свой сахар за полмесяца.

После истории под Пилькалленом Роза больше весь взвод на передовую не водила, а ходила одна, возвращаясь «домой» отдохнуть, поесть и переодеться. Все чаще и чаще, не в состоянии

находиться в тылу и отдыхать, она уходила на передовую самовольно. «Скука, гармонь играет в мастерской, о, как тяжело, я хочу сейчас туда. Вперед! Где самый жестокий бой, больше ничего не хочу», — писала она в дневнике, пытаясь понять саму себя. «… Вы бы знали, на протяжении всей фронтовой жизни не было минуты, когда бы я не жаждала боя, хочу горячего боя, хочу идти вместе с солдатами… Я бы все отдала, чтобы мне сейчас идти с солдатами в наступление. О боги, почему у меня такая загадочная натура? Я не могу понять только. Жажду боя, горячего боя. Все отдам и жизнь, только бы удовлетворить эту прихоть, она мучает меня, спать не могу спокойно»[336].

Ее взвод, хоть и не все время был на передовой, нес все новые и новые потери. «У меня уже нет сердца. Я ко всему хладнокровна», — писала в дневнике Роза, вспомнив с подругами девушек, захваченных немцами.

Это случилось осенью в Литве, когда стояли в обороне. В то утро был сильный туман, «охотиться» невозможно, но девушки стояли в траншее на посту вместе с солдатами. Именно туман помог немцам подобраться незаметно — это разведгруппа «вела поиск», то есть шла за «языком». Все произошло очень быстро: они стояли в траншее и болтали, и вдруг «как гром среди ясного неба врываются в траншею фашисты и хватают троих наших девушек… Конечно, завязался бой»[337], — вспоминала Сима Анашкина. На самом деле схватили четверых, но двое из них спаслись.

Снайперам при хорошей видимости ничего не стоило бы подстрелить немцев, пока те тащили их товарищей, но в густом тумане они не рискнули стрелять, хотя Аня и Люба кричали им и просили об этом: предпочитали погибнуть. Дусе Кекешевой и Дусе Шамбаровой повезло: один из немцев подорвался на мине. Кекешева во время переполоха смогла добежать обратно до своих траншей, а Дуся Шамбарова была ранена и притворилась мертвой. Немцы с захваченными подругами продолжили бежать, а она, «обливаясь кровью»[338], доползла до своих. Каля слышала потом, что врачи вытащили из Дуси пятьдесят три осколка[339]. Вскоре после войны она все же умерла от ран.

Взвод Калерии Мороховец услышал о жутком происшествии тогда же. Каля запомнила, что в тот день они не ходили на «охоту». Поэтому (что случалось совсем не часто) ухитрились помыть голову: рядом было озеро. Сразу после мытья кто-то и принес известие о том, что немцы «утащили» Аню Танайлову и Любу Нестерову. «Дуся Кекешева — очевидец всего. Сама ушла из рук… А двое где-то живы ли? В руках палачей…»[340] — писала

Роза Шанина позже. О судьбе попавших в лапы к немцам девушек думали с содроганием: газеты, листовки и беседы политруков описывали издевательства немцев над советскими пленными — а ведь Аня и Люба были еще и девушками. Девушками-снайперами.

«А все же Нестерова и Танайлова ничего не сказали, когда их фрицы пытали, — молодцы, хотя их и назвали подмогами», — записала Роза 7 декабря. Фотографии девушек («давние, из красноармейских книжек») Роза видела в немецких листовках-газетах, разбросанных на советских позициях. Неясно, почему Роза считала, что товарищей пытали и что они ничего не сказали под пытками. После той немецкой листовки о них ничего не было слышно. Во взводе считали, что немцы после пыток убили их.

О том, что это было не так, Калерия Петрова узнала лишь через двадцать пять лет после войны: тогда, при Брежневе, фронтовикам стали оказывать почет и встречи с фронтовыми товарищами, собрания ветеранов стали традицией. На одной из встреч Калерия увидела Любу Танайлову. Эта женщина прошла немецкий лагерь и выжила, дожила до освобождения лагеря американцами, а Нестерова в лагере умерла. По возвращении Танайлова отсидела уже в советском лагере[341] — судьба, которая постигла десятки тысяч советских женщин-военнослужащих, захваченных немцами. Условия в этих лагерях не так уж отличались от немецких. В лагере ПФЛ № 0308, где в число заключенных входили женщины с освобожденных территорий и женщины, побывавшие в немецком плену, комиссия выявила, что «суп приготовлен из неочищенной и частично гнилой картошки и поэтому имел гнилостный запах и был крайне неприятным на вкус…». В лагере был недостаток воды, поэтому помещения вообще не мыли. Не мыли и «спецконтингент» — заключенных. На момент приезда комиссии они не были в бане и не стриглись уже два месяца. Люди были слабые, завшивленные, с кожными заболеваниями. Больных никто не госпитализировал. На работу в шахту, за два или три километра, «спецконтингент» ходил «без какой-либо теплой зимней одежды». Дистрофиков водили на работу вместе с остальными[342].

Кого-то из тех, кто был в плену, спасали боевые ордена, славная боевая биография до плена или, с большей вероятностью, участие в военных действиях после побега из лагеря.

Пилота штурмовика Ил-2 Анну Егорову сбили недалеко от Варшавы. Ее стрелок-радист Дуся была убита, а Аню в последний момент каким-то чудом выбросило из падающего горящего самолета, и она, рванув кольцо парашюта уже близко от земли,

спаслась. В плен она попала еле живая, со страшными ожогами и переломами после удара о землю — парашют раскрылся только частично.

Спасла ее, умирающую, советская медсестра Юля Кращенко, не отходившая от нее ни по дороге в лагерь, ни в лагере военнопленных в Кюстрине. Юля попала после Кюстринского лагеря в страшный женский концлагерь Равенсбрюк, но выжила и там. Она встретилась с Егоровой после войны. Военнопленный советский врач лечил раненую летчицу, пленные, принадлежавшие ко множеству разных национальностей, восхищаясь ее мужеством, передавали ей кусочки хлеба и сахара, сшили тапочки, сплели из соломы сумку, украшенную красной звездой. Рискуя жизнью, заключенные сохранили Анины ордена и партбилет. Поведение этих измученных, больных и голодных людей, товарищей по несчастью, поразило Егорову мужеством и человечностью. Майор Смерша, к которому она попала после освобождения на фильтрационный пункт, прекрасно видел, что она еле стоит на ногах, а затянувшая ожоги тонкая кожица потрескалась и из трещин сочится кровь. Но сесть не предложил. Называл он освобожденную из плена летчицу исключительно «немецкой овчаркой». «Где взяла ордена и партбилет? Почему сдалась в плен? Какое было задание? С кем должна была выйти на связь?» Кошмар продолжался десять суток, каждую ночь. Офицеры и охранники постоянно ее оскорбляли, в туалет водили под конвоем, кормили раз в сутки. Спасло Анну Егорову то, что бывшие заключенные и врачи кюстринского лагеря, узнав, что ее забрал Смерш, написали туда все, что знали о летчице, в том числе о состоянии, в котором она попала в плен, и о ее смелом поведении в лагере. Сообщив ей, что она прошла проверку, офицеры Смерша сказали, что Аня может идти. С трудом ей удалось получить справку о том, что прошла проверку. Транспортом ей, едва держащейся на ногах, конечно, никто не помог, но это было не важно. Скоро она уже была в родном полку[343].

Единственное добросовестное биографическое издание о Розе Шаниной упоминает: «В боях за Родину погибли снайперы: Александра Коренева, Александра Екимова, Анна Нестерова, Любовь Танайлова…»[344] История о Танайловой и Нестеровой неизвестна авторам, или они решили не ворошить эту тяжелую тему. О том, что Танайлова вернулась из плена, историки, писавшие о Подольской школе и о том взводе, где воевала Роза Шанина, как-то не писали: незачем было публике знать, как сложилась ее послевоенная судьба. Корреспонденты ею не интересовались. К сожалению, все, что о ней известно, — это что

после лагеря и ссылки в Казахстан Любовь Танайлова вернулась домой в Челябинскую область и работала в колхозе, как трудилась и до войны. О том, как она воевала, через что прошла в плену и через что — после войны, ничего нигде не написано…

Глава 15
«Ну зачем вы приехали? Воевать или?..»

Где-то совсем рядом с 31-й армией, летая из Польши в Восточную Пруссию, помогая развить наступление, бомбили немцев на фанерных самолетах летчицы и штурманы 46-го ночного бомбардировочного полка. Этих летчиц, «ночных ведьм», считали белой костью, они были в большом почете у начальства, к концу 1944-го в 46-м полку было уже немало Героев Советского Союза — не чета простым армейским девчонкам. Но гибли они, как все остальные.

В ночь с 13 на 14 декабря 1944 года разведчик Силкин, дежуривший с товарищами в траншее, увидел летящий над передним краем горящий самолет. Два человека выпрыгнули с парашютами, приземлившись на нейтральной полосе. Через короткое время раздался взрыв, и разведчики услышали крик женщины: «Помогите!» Они поползли к ней — заминированный участок им был знаком. Но прежде чем они успели доползти до раненой летчицы, раздался второй взрыв, более сильный. На лицо Силкина упал воротник от комбинезона летчицы и кусок ее тела. Самолет горел, освещая местность, и немцы «беспрерывно стреляли». Разведчикам все же удалось вытащить летчицу, но она уже была мертва. Они поползли за второй.

Штурман Руфина Гашева начала летать с Ольгой Санфировой на Кубани: там Ольга вернулась в полк после «долгой и тяжелой истории». Еще в Энгельсе, пока тренировался ее недавно сформированный полк, опытная штурман Санфирова «вывозила» летчицу Зою Парфенову. Они зацепились колесами за провода высоковольтной линии и упали, чудом оставшись в живых и разбив самолет. Санфирову как ответственную за полет отправили под трибунал, который приговорил ее к десяти годам заключения. И только после того, как руководство полка обратилось с просьбой в вышестоящую инстанцию, приговор отменили. В первый раз Санфирову и Гашеву сбили 1 мая 1943 года, они упали за линией фронта. Их спасли плавни, по которым они двое суток добирались к себе в полк. Через день после возвращения они снова были в боевом вылете.

Когда сбили во второй раз, им не повезло. Для Руфины Гашевой это был 813-й боевой вылет. Они сбросили бомбы и повернули домой, но тут Гашева увидела, что горит правое крыло

самолета. «Несколько секунд летели молча», — вспоминала она. Огонь разгорался и подбирался к кабине, Санфирова старалась дотянуть до линии фронта. Когда ждать больше было нельзя, она велела Гашевой: «Руфа, быстрей вылезай, прыгай!» Гашева помнила, как встала обеими ногами на крыло и ее сдуло струей воздуха. В падении она дернула за кольцо, но парашют не раскрылся. Ее «охватил ужас». Из последних сил она снова рванула трос. Ее сильно тряхнуло, и над ней «раскрылся белый купол». На земле, освободившись от парашюта и отбежав от него, она поползла: стоял страшный грохот, ей казалось, что стреляют со всех сторон[345].

Где же Ольга? Может быть, получила травму при прыжке и лежит где-то беспомощная? Может, попала к немцам? Вдруг рука Руфины «наткнулась на что-то холодное, металлическое — мина!», она попала на минное поле, но нужно двигаться вперед. Руфина шарила перед собой рукой, а потом найденной по пути палкой, как будто это могло спасти. Наконец оказалась перед стеной из колючей проволоки, которую не сразу и с огромным трудом удалось преодолеть. Услышав русскую речь, она встала и громко позвала. Солдаты закричали в ответ: «Давай сюда, родная!» В траншее солдаты напоили ее горячим чаем, один из них снял сапоги и дал ей, чтоб дошла в них до КП. Там она узнала, что произошло с Ольгой. «А подружке вашей не повезло, — сказал кто-то. — Подорвалась на минах… Она тоже шла через минное поле. Но там мины были противопехотные. А вы на противотанковые наткнулись, потому и прошли»[346].

В штабе Руфине налили стакан спирта, и она выпила как воду, ничего не почувствовав. Спать не могла. Утром принесли тело Ольги, и Руфина вышла из землянки посмотреть на нее. «Ничто не шевельнулось во мне, как будто это была не она», — вспоминала Гашева. Потом приехали подруги, девушки из полка, обнимали, утешали Руфину. Когда подъехали к дому, где жили девушки, Руфина выскочила из машины и босиком побежала в свою комнату — ей показалось, что Ольга там, настоящая, живая.

После гибели Ольги Гашева нашла в себе силы снова летать. Летала до победы, штурманом, с замечательной летчицей Надей Поповой.

Декабрь прошел спокойно. Дивизия Ани Мулатовой по-прежнему стояла под Сувалками, и девушки ходили на «охоту». Местных они почти не видели, сталкивались с ними лишь офицеры, которым давали увольнительные в город. Конфликты возникали редко. К полякам предписывалось относиться дружелюбно — «советов и иных органов власти не создавать и советских порядков не вводить, исполнению религиозных обрядов

не препятствовать, костелов, церквей и молитвенных домов не трогать». Приказано было также гарантировать польским гражданам «охрану принадлежащей им частной собственности и личных имущественных прав»[347].

С солдатами проводили беседы. «Победа над германским фашизмом лежит через освобождение народов Европы», «Воин Красной армии — представитель самой сильной и культурной армии в мире», — разъясняли личному составу политруки и комсорги. Да и то, что видели они вокруг себя, не настраивало солдат против поляков: «…Люди живут бедно. Вокруг пески, пески… Хвойные леса — и опять пески, и снова убогие деревушки…»[348] — писал жене военкор Дмитрий Дажин. Отношение диктовалось классовой принадлежностью, но и бедные нередко встречали советских враждебно. «…Все было мещанским, хуторянским… Да и на нас в Восточной Польше смотрели настороженно и полувраждебно, стараясь содрать с освободителей что только возможно. Впрочем, женщины были утешительно красивы и кокетливы, они пленяли нас обхождением, воркующей речью, где все вдруг становилось понятно, и сами пленялись порой грубоватой мужской силой или солдатским мундиром. И бледные отощавшие их поклонники, скрипя зубами, до времени уходили в тень…»[349]

Воспитанные в духе освободительной миссии Красной армии, советские солдаты и офицеры чувствовали себя оскорбленными тем, что многие поляки своему освобождению совсем не были рады. Галина Ярцева, прошедшая, как Тая Киселева и ее товарищи, Эстонию, Литву, Латвию и Польшу и остановившаяся «где-то на границе Германии», писала подруге: «…Гуляют, любят, живут, а их идешь и освобождаешь. Они же смеются над русскими… Да, да! Сволочи… Не верю ни в какие дружбы с поляками и прочими литовцами!»[350] Советская военная цензура зафиксировала такие настроения как «факт непонимания великой освободительной миссии Красной армии»[351].

Политруки 31-й армии проводили с личным составом беседы о зверствах немцев в Сувалках: казнях гражданских поляков (к ним относили и евреев, не выделяя в отдельную категорию: о холокосте советские публикации обычно молчали) и военнопленных, большом немецком концлагере в Сувалках, где погибло более 50 000 человек.

Командир 123-го стрелкового полка Василий Славнов встретил новый, 1945 год в Сувалках — лечился там от приобретенного в белорусских болотах гайморита. Хозяйка, к которой его поставили на квартиру, приготовила стол. Казалось,

что и нет войны. По воспоминаниям Славнова, к нему на квартиру частенько заходили местные — «чтобы узнать правду о Стране Советов»[352], разобраться, с чем пришли к ним русские. Немецкая пропаганда изображала русских настоящими зверями, и люди очень хотели убедиться в обратном. С теми, кто победнее, удавалось найти общий язык.

Поляки с готовностью выдавали русским фольксдойче, не успевших бежать и скрывающихся в городе. Только, как упоминали политические донесения, недоумевали местные, почему так плохо одеты советские солдаты[353].

Заканчивался 1944 год, Советская армия готовилась к наступлению, которое приведет ее к Берлину. В армию призывали ребят 1926 и даже 1927 годов рождения, девчонок — 1925 и 1926-го. В 1926-м родились Юля Жукова и ее подруга Валя, ехавшие в декабре 1944-го на фронт с выпускниками третьего набора ЦЖШСП.

Юля и Валя вместе пошли в военкомат в родном городе Уральске, вместе их призвали, вместе они учились и на фронте надеялись быть парой. Их мамы выбили себе на работе командировки (просто так в Москву их никто бы не впустил) и приехали к дочерям через всю страну на ноябрьские праздники. В казарме, пока Юля собиралась — им с Валей дали увольнительную, — девчонки облепили ее маму. Вот чудо — мама! Чужая, но все равно мама. Большинству из них было по 17 или 18 лет. Рано покинув родителей, они тосковали по дому.

Мамы привезли Юле и Вале платья, а жившая в Москве родственница одолжила девушкам свое и соседское пальто. Поехали гулять по Москве, на Красную площадь, и как было здорово гулять в гражданском и не отдавать честь встречным офицерам![354]

Через месяц с небольшим им выдали форму для фронта: гимнастерки и брюки, шинели, а еще ватные штаны и телогрейки, теплое белье и американские белые пуховые чулки. В первый раз дали к ужину вино, перед ужином были и речи, и музыка. А после ужина девушки — так было принято — «объяснились» с доносчицами, которых было у них двое. Но, будучи в хорошем настроении, сильно не били. Вскоре в теплушках они двинулись к фронту. Путь оказался долгим, ехали медленно, часто останавливались. Подолгу сидели у открытой, несмотря на холод, двери теплушки, смотрели на поля и рощи, пели все подряд свои песни из школы. Вздыхали по отличной школьной кормежке: теперь-то грызли черные сухари, обсасывали селедку и варили на буржуйке из концентратов то ли суп, то ли кашу. Везде на станциях воинский эшелон встречали русские женщины,

совавшие девчонкам какую-то еду, хотя сами, конечно, жили впроголодь. И все же им нужно было что-то дать солдатам — ведь, может быть, тогда и твоего мужа или сына кто-то накормит, кто-то приветит вдали от дома, на войне[355].

В Минске их переформировали, распределили выпуск — около 400 человек — по разным фронтам. Юле с Валей Шиловой было грустно: их разделили и потом Юля не могла понять, почему же они не попросились быть вместе. Но никакого предчувствия у нее при расставании с Валей не шевельнулось в душе. Только после войны она узнала, что Валя погибла в марте 1945-го.

В запасном полку в Сувалках «упитанный розовощекий майор» в добротном белом полушубке «прошелся перед строем, критически разглядывая» девушек. «Ну зачем вы приехали? — наконец изрек он. — Воевать или?..» Саша, главная матерщинница среди девушек, закончила фразу: «Или…»[356]И всем стало очень обидно. Таких обид, и намного худших, впереди было еще очень много. Впрочем, в запасном полку они не задержались, пошли в 611-й, заслуженный стрелковый полк, воевавший с начала войны на Карельском фронте, позже переданный в состав 31-й армии.

Первым боевым крещением стал минометный обстрел во время первого же обеда в новом полку. Перепугавшись, девушки побросали и оружие, и котелки с супом — а как радовались ему после стольких дней непонятно какой еды! Доедали, проклиная немцев, совсем уже холодный.

Вскоре во время первого знакомства с передовой сопровождавший их молоденький офицер преподал им первый урок того, что не всякой мины нужно бояться. Сначала он не произвел на них большого впечатления — мальчишка какой-то, хоть и весьма «мрачного вида». Но боевые ордена, которые они увидели под распахнутой как бы невзначай шинелью, внушили к нему уважение, как и то, что, когда они при обстреле все попадали в снег, офицер невозмутимо стоял и ждал, когда они поднимутся. Скоро они и сами знали по звуку, упадут мины близко или далеко.

А пока их предупредили о том, что надо соблюдать осторожность: у немцев тоже в последние дни появился снайпер. Как часто бывает, по-настоящему осторожны они стали только после того, как в один из первых дней погибла от пули снайпера одна девчонка. Аккуратная пулевая рана в голове не оставила сомнений в том, чья это была работа[357].

Вот и рабочее место девушек — длинная, глубиной почти в

рост человека траншея с огневыми точками и наблюдательными пунктами. За нейтральной полосой были немцы — совсем рядом, видно отлично через прицел винтовки, как проплывает иногда каска над бруствером. А по вечерам слышно было, как они поют, играют на губных гармониках.

Работая над воспоминаниями, Юлия Жукова анализировала свои чувства в первые дни на передовой. Присутствовало и «некоторое возбуждение, приподнятость, но и неуверенность, и ожидание чего-то необычного, и страх» — страх пока еще не перед немцами, тот пришел потом, а перед тем, что не сумеешь, оплошаешь, «выставишь себя на посмешище»[358].

В снайперской книжке девятнадцатилетней Юли еще до Нового года появилась первая единица. Она открыла счет, когда они с парой уже устали и замерзли, дело шло к сумеркам. Подстрелить кого-либо в те дни было непросто: просматриваемый, частично открытый участок у немцев был один и они перебегали его пригнувшись. Вдруг Юля увидела, как там в полный рост идет не торопясь немец. «Только что прибывший или бесшабашный какой-то», — подумала она. Прицелилась и выстрелила. Немец «нелепо взмахивает руками и как-то боком валится вниз». Девушки подождали немного, не встанет ли, и ушли, попросив солдат «понаблюдать за тем немцем». Не поднялся. Доложили командиру, и, выстроив все отделение, он объявил Юле благодарность. А ее весь вечер слегка подташнивало, знобило. И «думать об убитом не хотелось»[359].

Новый, 1945 год — без сомнения, последний год войны — девушки-снайперы встретили весело, с разведчиками — так написала в воспоминаниях Юлия Жукова. Она не упоминает о безобразном инциденте, который произошел под этот Новый год в ее полку, хотя откровенно пишет о других. Об этом происшествии, даже если не была его участницей, она не могла не знать.

Донесение начальнику политотдела 31-й армии Ряпосову упоминает «случай хулиганства в 611 сп 88 сд со стороны офицеров — работников штаба полка. После того как был распродан привезенный военторгом спирт (из расчета по 200 граммов на каждого офицера), трое пьяных офицеров „ворвались в помещение, где в этот момент проводилась репетиция кружка художественной самодеятельности“[360]. Майор Соснин приказал гармонисту играть вальс и грубо вытолкнул в коридор руководителя самодеятельности. После этого пьяные начали танцевать.

Член ВКП(б) капитан Поздняков, придя в расположение

снайперской роты, стал грубо приставать к снайперу Догадкиной. Когда та вырвалась, Поздняков догнал ее, велел встать по стойке „смирно“ и ругал „нецензурными словами“. После этого Поздняков вошел в помещение, где жили снайперы, и, встав посередине комнаты, „обрушился на них с потоком нецензурных слов: „Мы знаем, зачем вас прислали, все вы… и проститутки, вас прислали к нам, чтобы мы вас…““.

Чуть позже уполномоченный Смерша Шленников, также твердо вознамерившийся войти с двумя приятелями в общежитие к девушкам, сбил с ног командира снайперской роты Кафтанникова и старшину Биткову, которые пытались помешать ему. Когда подоспел вызванный на место происшествия инструктор по работе среди комсомольцев Довженко, нарушители, „демонстративно ругаясь, оставили помещение“»[361].

Глава 16
Арийское мясо

13 января началось наступление в Восточной Пруссии. 39-я армия, в ее составе 152-й укрепрайон, которому была придана рота снайперов, наступала на Кенигсберг в составе 3-го Белорусского фронта. Город-крепость, подготовленный немцами к длительной осаде, имел для них огромное значение — и стратегическое, и политическое. Наступление было медленным: в Восточной Пруссии у немцев были сильнейшие укрепления и сопротивлялись они отчаянно. 17 января вели бои за город Ласдинен. Клава Логинова и ее пара Тося Тинигина ночью подтаскивали на передний край ящики со снарядами для миномета и патронами. Было очень тяжело: передвигаться они могли только ползком, таща за собой ящики весом 10 килограммов и больше. Когда Клава вернулась за очередным ящиком, то услышала, что Тосю ранило и ее увезли в госпиталь[362].

Вскоре — новые потери, чаще даже не боевые, а по неосторожности. От взвода оставалось уже чуть больше половины: пятеро выбыли после ЧП с Орловой (включая ее саму), несколько человек были убиты и ранены под Сувалками, красивую цыганку Фаю Борисенко забрали в ансамбль, Клаву Митину — в штаб. Сразу после того, как был взят Ласдинен — из самого городка немцы отошли без боя, — взвод перевели из 152-го укрепрайона в 31-ю армию, 174-ю дивизию. Перевели в буквальном смысле — пешком. Пришла за ними снайпер Нина Исаева — командир взвода снайперов из первого выпуска ЦЖШСП, бывалый снайпер, офицер. Исаева повела их через лес, строго предупредив, что идти надо след в след, вокруг мины. Но кто-то оступился.

Клава шла сзади, почти последняя. Неожиданно впереди раздался взрыв и закричали девчонки. Из строя выбыло сразу четверо. Погибла Аня Замятина, еще одна девушка умерла от ран. Двое выжили, но на фронт уже не вернулись.

Когда наконец, сдав раненых в полевой госпиталь, дошли до 174-й дивизии, их очень хорошо там приняли: накрыли даже стол. Потом разделили и по нескольку человек повели по полкам: так часто делали, обеспечивая снайперами каждый полк, который в них нуждался. Клава, с четвертой парой Зиной Новожиловой, попала в 494-й[363], и уже там им показали передовую. В этом полку Клава воевала до конца войны.

Нину Исаеву Клава Логинова в следующий раз встретила через двадцать лет после войны: вскоре после появления девушек-снайперов в 494-м Исаеву тяжело ранило. Позже она вспоминала, как это было. По дороге к передовой она увидела на земле блестящую новенькую булавку, повернутую острием к ней — плохая примета! Но, не удержавшись, булавку взяла и приколола к гимнастерке — пригодится. На «охоте» ее что-то стукнуло по голове, и она потеряла сознание. Пуля немецкого снайпера повредила Исаевой глазницу и челюсть[364]. Мужчина, полюбивший Нину на фронте, остался ей верен, несмотря на ее увечья. Это был сам командир 174-й дивизии, сорокалетний полковник Никита Иванович Демин. Он оставил ради Нины семью, и с ним Нина прожила счастливую жизнь.

А Клава Логинова уже через пару дней после прихода в новый полк увеличила счет где-то у Мазурских болот, стреляя с чердака. Немцы пошли в контратаку и окружили их часть. Одновременно с двух сторон к деревне шли танки, и было страшно. Девушки били бронебойными патронами, стараясь попасть по бензобаку, но неудачно. Одному танку Клаве удалось попасть в смотровую щель. Танк выстрелил по ним, но не попал. Взрывной волной девушек сбросило с чердака[365]. У Клавы были только ушибы, а Зину ранило. Дальше Клава воевала с Олей Николаевой, пятой, и последней, своей парой. Окружение скоро закончилось — передали другим частям по радио, и те отогнали немцев. 31-я армия повела наступление дальше к Кенигсбергу.

За полтора года на фронте Клава Пантелеева стояла в обороне дважды. Первый раз — в самом начале под Оршей. Второй — в Прибалтике, под Мемелем. Здесь в течение двух месяцев снайперы занимались обычной работой — когда было во что обуться: однажды ночью все они без исключения лишились сапог.

После перехода на новое место отделение снайперов разместили при КП полка в деревянном доме. Там уже были построены нары, и аккуратные девушки, перед тем как лечь спать, поставили сапоги в рядок у двери. Утром сапог не было. Оказалось, что все дело в новых соседях — штрафниках. Украденные сапоги они уже успели сменять на водку. Девушкам нужно было идти на дежурство в траншею, а сапог нет. Старшина ругался: «Где я вам столько сапог найду?»

Сапоги нашли, а штрафники вскоре все, как слышала Клава, погибли во время очередной попытки прорвать оборону Мемеля. Они так и остались на нейтральной полосе, и, когда девушки

стояли в траншее, их мутило от ужасного запаха разлагающихся тел[366].

Важнейший порт, Мемель, был взят 28 января, после двух дней тяжелых боев. Остатки его защитников отходили по косе Курше-Нерунг к Кенигсбергу. Когда 1156-й полк вышел к заливу, на море горел большой пароход, долго горел. В штурме города девушки не участвовали, после него пошли дальше к Кенигсбергу. В отделении их осталось человек шесть. Уже не было и Клавы Монаховой. Эту девушку товарищи любили как старшую сестру, и, когда она погибла во время немецкой контратаки, подруги потом три ночи выползали на поле — хотели непременно найти Клаву и похоронить. И наконец нашли.

Клава Пантелеева в тех боях снова получила контузию, одна половина головы у нее была как чужая и хуже видел глаз. Но в санбат не пошла, боялась, что от своих отстанет. Жаловалась только своей паре — уже третьей, Марусе Кузнецовой. С ней Клава тоже очень сдружилась. На «охоту» после Мемеля они не ходили: пока 344-я дивизия очищала от немцев косу Курше-Нерунг и двигалась вперед к Кенигсбергу, девушки занимались ранеными, ловко научились перевязывать[367].

Лида Бакиева не собиралась становиться санитаркой, считала, что ее дело на войне — стрелять. 28 января 1945 года она выползла на нейтральную полосу. До немцев здесь было около 600 метров — слишком большое расстояние для прицельной стрельбы, и, хотя девушкам разрешалось «охотиться» только из траншеи, Лида решила, что надо подобраться поближе. Наметив позицию вечером, она выползла на рассвете вперед метров на пятьдесят и легла в снег за поваленным деревом. Поверх телогрейки и ватных штанов (внутри на телогрейке нашивка из овчины от отдачи) на ней был белый маскхалат — штаны и куртка, в кармане сухарь и кусок сахара, в другом — пистолет. Пистолет был трофейный, их добывали у убитых разведчики, и все девчонки-снайперы обзавелись такими. Из винтовки не в любой ситуации успеешь выстрелить, да и последний патрон в пистолете всегда оставишь для себя, если что.

Бакиева старалась не разменяться на солдат, стрелять по офицерам или наблюдателям. Но в последнее время так сложно было подстрелить кого-либо (немцы далеко и осторожно вели себя), что выбирать не приходилось. В этот день Лиде повезло почти сразу: появился немец в фуражке — офицер. После ее выстрела он поник, повис на бруствере. Потом сполз вниз или его стащили. И тут же, как нередко случалось после удачного

выстрела снайпера — особенно если удалось «снять» офицера, — немцы начали минометный обстрел. Уползти было невозможно, и, пока вокруг рвались мины, было страшно. Немцы, к счастью, не обнаружили позицию Бакиевой — а то бы совсем плохо пришлось. Лида пролежала на снегу до сумерек — когда стало невмоготу, пришлось пописать в штаны[368]. Такое бывало: частенько, придя с «охоты», кто-то из них просил дежурную: «Посуши!» Приказ по 31-й армии требовал, чтобы девушки-снайперы были обеспечены «юбками или второй парой летних брюк, так как, бывая на переднем крае и приходя в расположение, девушки не имеют возможности сменить ватные брюки для просушки»[369].

В сумерках, окоченевшая, в заледеневшей от растаявшего снега и мочи одежде, она доползла обратно до своей траншеи. Солдаты ее обматерили — ведь из-за нее немцы обстрел устроили, а она скорей побежала к себе, к девчонкам — чтоб наконец согреться, поесть, выпить горячего чая или просто кипятку, но с сахаром. На сердце был «праздник, такой подъем!» — сегодня ее счет пополнился офицером.

На Фриду Цыганкову — снайперскую пару Лиды Бакиевой — «положил глаз» один офицер, и Фриде он тоже нравился. А Лиду, худую и немногословную, с обветренным темным лицом, с короткой стрижкой, мужики не донимали. Незнакомые и вовсе обращались к ней: «Эй, пацан!» И к лучшему, думала она, не этим сейчас нужно заниматься.

Бакиева закончила войну со счетом 78 в снайперской книжке. Когда спрашивали, честно отвечала, что цифра эта примерная. В обороне нельзя знать точно, что упавший после твоего выстрела немец убит или ранен. А в наступлении счет не записывают. Роза Шанина объясняла в дневнике: «Получалось так: в обороне иногда много стреляешь по целям, но темное дело, убит или нет»[370]. Однако, размышляет Роза, по мишени с такого расстояния она всегда била точно, а теперь стреляет в основном по «стоячим» и «пешеходам», а по «перебежчикам» (солдатам, которые не идут, а бегут, пригнувшись) стреляет только для того, чтобы попугать, так как попасть в них сложно. Так что в книжку ей «иногда совсем не напишут, а иногда напишут на авось, иногда и зря»[371]. Но в среднем счет, она считала, как раз и получался как в книжке — это если не считать наступления. Здесь счет шел на десятки, но их никуда не писали. «Отбивала контратаки, расходовала по 70 патронов. В ту атаку по стрельбе по танкам угробила всех…»[372].Однажды, стреляя с расстояния около ста метров трассирующими пулями, она видела, что, хотя пули не пробивали каски и шли рикошетом к небу, попадала каждый раз точно — так что могла считать, что ее приблизительная оценка

верна.

Лиде Бакиевой в наступлении тоже случалось стрелять из снайперской винтовки, в том числе с близкого расстояния. После войны она иногда пыталась подсчитать, сколько всего она убила или ранила немцев. Сто пятьдесят, двести?

За полтора года войны, помимо «охоты» в обороне и участия в наступлении, чем только Бакиевой не пришлось заниматься! Как-то в Прибалтике в декабре 1944 года ее 32-я сибирская стрелковая дивизия попала в переделку. Немцы ожесточенно сопротивлялись, и неожиданно для всех дивизия оказалась в мешке — правда, с незавязанной горловиной: окружили не полностью. Полк, который поддерживал взвод Лиды, сильно поредел, и, когда порвалась связь, послать чинить ее было некого, кроме юного паренька — белоруса. Мальчишка 1927 года рождения насмерть перепугался[373]. Он только попал на фронт — видимо, из тех, кого набирали на освобожденных от оккупации территориях и, обучив в течение нескольких дней, бросали в бой. Это о них писала после боя под Пилькалленом Роза Шанина: «Но „славяне“ убежали все…»[374]. Глядя, как парень боится выйти «из-под земли» — из дота, Лида решила, что пойдет сама. Белорус дважды открывал дверь и, видя, что летят осколки, тут же закрывал. Оттолкнув его, Лида открыла дверь, бросилась на землю и поползла. С собой у нее был пистолет и кинжал — и то и другое трофейное, кинжал она очень любила — удобный, она им и хлеб могла нарезать, и палку обстругать, и вместо ножниц, если что, использовала. Провод лежал под снегом и льдом, и Лида потихоньку ползла, поднимая его рукавицей. Доползла до воронки — здесь упал, разорвав провод, снаряд. Найдя второй конец, полезла за кинжалом, но оказалось, что, пока ползла, потеряла его. Так что обгрызала изоляцию зубами. Приползла обратно и получила выговор от командира: «Не разбираетесь, а себя подвергаете!»

А Лида считала, что разбирается получше того мальчишки. Считала, что солдат, независимо от пола, должен стараться освоить как можно больше специальностей на фронте. И не терпела, когда отправляли делать женскую работу, считала это унижением. Ведь она приехала сюда снайпером, а не поварихой или уборщицей. Как-то после двух с половиной суток боев женский взвод разместили в каком-то сарае, где и стен-то настоящих не было — плетенные из прутьев. Продувало насквозь ледяным ветром, но девчонкам уже было все равно. Поставили винтовки, легли, прижавшись друг к другу, и, после двух бессонных ночей, уснули мертвым сном. Через очень короткое

время Лиду — помощника командира взвода — разбудил вестовой с приказом явиться к замполиту. Проклиная замполита, пошла и доложилась. Оказалось, что замполиту, дядьке лет сорока пяти, срочно требовались две девчонки, чтобы помыли в доме, где расположились офицеры, деревянный пол. «Вот сволочь», — думала Лида, идя обратно в ледяной сарай. Попробовала будить девчонок, но те спали беспробудным сном, хоть из пушки пали. Решила попробовать еще раз чуть позже, села у стены, прислонившись спиной, и сама заснула. Через полчаса вестовой пришел за ней снова. «Кому вы приказали вымыть пол?» — заорал на нее замполит. «Себе», — ответила Лида. «Почему не вымыли?» — «Потому что мы были в боях наравне со всеми и двое суток не спали»[375].

Замполит разозлился еще больше и дал ей пять суток гауптвахты, к чему Лида отнеслась философски: холоднее, чем в сарае, все равно не будет, а она наконец выспится. Когда солдат повел ее, без ремня и оружия, на гауптвахту, по дороге встретился начальник штаба. «Куда?» — удивился он. И, спросив в чем дело и кто наложил арест, только сказал: «Идите отдыхайте».

Однажды в поредевшем полку, которому нужно было продержаться до подхода своих, Лиде пришлось отражать танковую атаку. Взвод послали весь, даже штабных, отбиваться было некому. Девушкам-снайперам какой-то офицер кричал, чтоб стреляли по смотровой щели танков, но Лида сомневалась, что от этого будет толк: не очень верила, когда снайперы хвастались в газетах, что попадают. Несколько танков подошли довольно близко, и два снайпера, девчонки чуть моложе Лиды, испугавшись, выскочили из траншеи и побежали — верный рецепт гибели. Им кричали: «Ложись, куда!» — но они продолжали бежать, пока танк не скосил их пулеметной очередью. Лида старалась не терять голову и ждала. У нее была граната, и она думала бросить, когда танк будет совсем близко. Один танк подбили. Он загорелся, и, когда начал выскакивать экипаж, Лиде «нашлась работа». Тут же подбили еще один, остальные повернули назад.

«Да, пришло жестокое, железное время», — писал в дневнике фронтовой корреспондент Василий Гроссман после того, как в авиационном полку наблюдал такую сцену: из пропеллера самолета, вернувшегося со штурма автоколонны, напильником выковыривают человеческую плоть[376], и приглашенный для экспертизы доктор важно заключает: «Арийское мясо». Общий хохот.

Многие случаи на фронте казались женщинам-снайперам

комичными и через десятилетия. Лидия Ефимовна Бакиева вспоминала, как с напарницей Аней Шавец они как-то устроили себе позицию на ветряной мельнице в Восточной Пруссии. Девушки наблюдали за «здоровенным гитлеровцем», который вылез из траншеи и собирал хворост. К этому времени Лида, уже опытный снайпер, не любила размениваться на простых солдат. Но ее паре «действовал на нервы» толстый зад немца, который работал нагнувшись. Поймав зад в прицел, Аня убеждала Лиду, что надо по нему выстрелить, но та все не соглашалась, не хотела менять удачную позицию. Наконец Аня не выдержала и выстрелила, попав немцу в зад. Схватившись за раненое место, тот «быстро уполз в траншею»[377].

Если смеешься над врагом, он уже не так страшен. Газеты времен войны были полны подобных анекдотов. «Интересный способ, — делился опытом в газете знаменитый снайпер-грузин Ной Адамия, пропавший без вести в 1942 году, — ждешь, когда немец пойдет по нужде, сядет под кустик — и готово. Говорим: „Подорвался на своей мине“»[378].

После первого немца, внезапного осознания невероятного и жуткого — ты, девушка, вчерашняя школьница, забрала жизнь человека — мир становился другим. Один раз удачно выстрелив по живой мишени, они переходили грань, вступали на территорию, где главная в мире ценность — жизнь — становится объектом работы, предметом шутки или игры. Зиба Ганиева, до войны — студентка театрального института, а на войне — сначала санитарка, потом снайпер, после первого немца не ощущала никакой жалости к врагам. Зиба рассказывала о своей боевой работе «Крестьянке» — очень популярному советскому женскому журналу, где наряду со статьями о женщинах — передовиках сельского хозяйства и девушках-фронтовичках — печатали и выкройки, и рецепты, и стихи. Однажды, прождав в подтаявшем снегу с одиннадцати утра до четырех часов дня, она услышала от наблюдателя, что немцы начинают обедать и «некоторые, более наглые, ходят во весь рост». Выглянув из кустов, Зиба увидела двоих немцев, один из которых нес на спине термос — обед товарищам. Зиба выстрелила, и «немец с термосом упал, другой бежал, а третий выскочил из дзота и стал помогать раненому. „Даю тебе две минуты жизни“», — мысленно сказала ему Зиба: проявив гуманность, она не только не добила раненого, но позволила пришедшему на помощь солдату дотащить его до траншеи, прежде чем выстрелила[379].

«Постоянные бои, переходы, наступления, атаки, раненые, убитые, кровь..» — так через много лет Юлия Жукова вспоминала

наступление по Восточной Пруссии. Мало что осталось в памяти от тех дней — одни бесконечные марши, бои, когда «брали какие-то города, населенные пункты». Запомнилось лишь самое яркое — для нее, девятнадцатилетней девушки, это были скорее моменты «бытового, а не военного характера». Как и другие, она была поражена высочайшей материальной культурой немцев, добротным хозяйством. Они и представить себе не могли таких богатых деревень. На большом пустом хуторе в подвале кирпичного дома Юля и ее товарищи нашли всевозможные банки — заготовленные впрок «соленья и варенья». Хоть и предупреждали их ничего не есть (так как могло быть отравлено немцами), девушки не удержались и наелись. Как же там было вкусно! Какой необыкновенной чистотой сверкал брошенный хутор, чьи обитатели бежали, оставив все имущество! Юлю поразило аккуратно уложенное в шкафу подсиненное и накрахмаленное белье, «ювелирно заштопанное». Стволы росших вдоль шоссе деревьев были аккуратно побелены. После виденного в Белоруссии Юлю и ее товарищей все это не умиляло, «вызывало обратную реакцию»[380].

«Зачем немец к нам пришел, чего ему нужно было?» — задавались вопросом солдаты, подавленные и разозленные видом немецкого богатства. Что же им, немцам, не жилось?

На окраине города страшно усталые, голодные, мучимые жаждой Юля и ее товарищи набрели на молокозавод. Воды там не было, но девушки напились молока и умылись им же. Не было у них и хлеба, да зачем он? Сделали бутерброды из сыра с маслом. И пошли дальше.

В городе, название которого Юля не запомнила, они попали в большой красивый дом. На первом этаже в зале сидел в кресле старик-немец, вокруг него столпились члены семьи. Когда в залу заглянула Юля, на лицах взрослых появился испуг, но хорошенький голубоглазый мальчик лет трех или четырех подбежал к ней, и Юля взяла его на руки. Это, вероятно, спасло семье жизнь. Вошедший вслед за ней советский офицер, побледнев, сначала навел на Юлю с ребенком пистолет, но потом, поколебавшись несколько мгновений, вышел хлопнув дверью. Потом Юле сказали, что вся его семья погибла[381].

В городках Восточной Пруссии — Растенбурге, Левенберге и так далее, до Кенигсберга, — Аня Мулатова подбирала открытки — на память. Какие-то отправляла в письмах домой, некоторые носила с собой — что-то вроде коллекции. Немецкие открытки были не похожи на советские[382]. На советских изображали обновленный облик советских городов, ГЭС, физкультурниц на

фоне портрета Сталина, колхозников, обучающихся грамоте. Новогодних открыток не существовало. Так что на Новый, 1945 год фронтовики посылали домой немецкие рождественские открытки[383]. На немецких открытках были хорошенькие дети, цветы или котята. Свою маленькую коллекцию Аня привезла с войны домой и показывала знакомым.

А чего только не было в брошенных богатых домах! Много в вещмешок не положишь, зато после стольких голодных лет объедались разносолами — многие вообще никогда до этого не ели досыта. «Открываешь шкаф и смотришь — что взять?» — вспоминала Аня[384]. Сколько всего было в шкафах, а брать было бесполезно — каждая лишняя вещь в вещмешке на марше принесет страдания. Разве что взять платье и шляпку и сфотографироваться в них? Хотелось хоть ненадолго почувствовать себя женщиной: красиво одевшись, сфотографироваться и отправить фотографию домой — пусть удивляются.

Девушка-солдат, наступавшая в Восточной Пруссии, запомнила необыкновенную ночь, проведенную в немецком замке. Там было «много комнат… Такие залы!». Шкафы были полны нарядов, и каждая девушка выбрала себе платье. Ей понравилось желтое платье и неземной красоты халат, длинный и легкий как пушинка. Девушка и ее подруги страшно устали, было уже поздно. Одевшись в платья, они тут же заснули. Она заснула, надев поверх платья этот волшебный халат. А утром… «Встали… Посмотрели еще раз в зеркало… И все сняли, надели опять свои гимнастерки, брюки. Ничего с собой не брали. В дороге и иголка тяжелая. Ложку за голенище воткнешь, и все»[385].

Кое-кому удалось, конечно, отправить посылки, но ведь эти девушки были простыми солдатами, а посылки были в основном привилегией офицеров. Солдат бесправен, посылки Веры Чуйковой и нескольких ее подруг вскрыла женщина, работавшая на почте. Забрала себе то, что понравилось, остальное выкинула. Точно Вера, конечно, не знала, просто кто-то сказал, — а когда Вера вернулась домой, она узнала, что посылка и правда не дошла[386]. Офицеры — да, слали. А уж генералы, как говорили, — те отправляли барахло вагонами.

Девушки, кроме белья, могли взять платок, ну и часики золотые, если подарят разведчики, тоже таскали с собой. А однажды ребята притащили Ане Мулатовой шубу — у них было больше, чем у девушек, возможностей полазить по немецким домам. Аня сначала отказывалась: «Куда мне ее девать?» Но такая красивая была кроличья шубка, так захотелось ей вернуться домой и зимой носить эту мягкую шубку, что не удержалась и

взяла. Мучилась, таскала с собой в мешке, пока, уже в конце апреля, в Карпатах, не пропал весь мешок: девушки положили мешки на подводу, а ездовой то ли уснул, то ли лошадь испугалась и понесла, но сорвалась вся телега с лошадью в пропасть, погибли и лошадь, и ездовой, и вещи все пропали. Шуба — мелочь, с мешком пропала Анина снайперская книжка, и, хотя позже ей выдали справку и написали там снайперский счет, книжки другой не дали — все равно они уже были в наступлении[387].

Глава 17
«Может, к лучшему, что Роза погибла…»

«Высокая такая, грубоватая… много разговаривать не любила. Очень ей нравилась песня „Ой, туманы мои, растуманы“. Каждый раз, как начнет оружие чистить, так ее непременно затянет»[388], — вспоминала о «самой отчаянной из нас» Лидия Вдовина. Калерия Петрова — в 1960-х годах «красивая, ухоженная москвичка, научный сотрудник» — тоже вспоминала, что Роза была молчалива. «Ходила чуть вразвалочку, покачивая широкими плечами. В обиду себя не давала: молчит-молчит, но если заденут по-настоящему — встанет лицом к лицу, упрет руки в бока, глаза прищурит и выскажется крепко»[389]. На отдыхе, когда было свободное время, Роза все что-то писала. «Пишу целый день, устала, допишу потом. Все письма писала и в дневник, и на коленях все, приперла стенку и пишу, и спина, и рука устала»[390]. Она упоминает в дневнике, что в какой-то день написала 30 писем. Писала очень много домой, писала подругам по Архангельску, писала мужчинам, которых встретила на фронте, писала в редакцию фронтовой газеты, писала начальству, вплоть до самого Сталина, требуя, чтобы разрешили воевать на передовой. Предлагала Кале: «Давай я и твоей маме напишу, как мы здесь живем, как воюем. И Сашиной маме тоже…» И сама, конечно, получала огромное количество писем — особенно когда стала знаменитостью. «Но, — писала она с характерным для нее пессимизмом, — того письма, которое радует, нет»[391].

Дневник Розы всего-то за три месяца — с декабря 1944 года по январь 1945-го (более ранний не сохранился или не опубликован, но он точно существовал) — очень много о ней рассказывает. Советские и современные российские публикации создали образ Розы Шаниной — бесстрашного бойца, убежденной коммунистки, без остатка отдавшей себя защите родной страны. Иногда она предстает даже фанатиком. Непросто разобраться в записях Розы — записях человека, который спешит и сокращает, многое недоговаривает, который, в силу недостатка образования, часто не может в достаточной мере выразить мысль. Но, вчитавшись, сразу понимаешь, что имеешь дело с очень сложным случаем. Дневник, вызывающий у читателя самые разные эмоции, отражает страдания молодого и незрелого, очень талантливого, всегда неудовлетворенного, неуверенного в себе человека.

В этом дневнике четыре темы играют одинаково большую роль: война — снайперская «охота» и страстное желание быть на передовой, слава, взаимоотношения с мужчинами, отношения с подругами. Стоит ли говорить об очевидном: эти темы взаимосвязаны, тесно переплетены.

Роза часто упоминает свое неустойчивое эмоциональное состояние, признается дневнику, что плакала. Иногда — просто так, когда охватит тоска, иногда — от песни, которая взяла за душу, иногда — потому что с неуважением относятся подруги или мужчины. Плачет и потому, что хочет быть на передовой, а ее не пускают. «Была у генерала Казаряна и полит. начальника, искренне плакала, когда не пустили на передовую…»[392] А в гостях у майора — начальника оперативного отдела плакала, когда поставили хорошую пластинку. «Я навзрыд, до того доплакала и эту пластинку „Час да по часу“ завела раз 10»[393], — писала она на отдыхе 9 декабря. «Часа три уже сижу и плачу, — пишет она 18 января. — Кому я нужна?.. Мои переживания никому не нужны»[394]. И: «Я плакала от души всю дорогу, ибо мне тяжело было, я одна ночью, только пули свистят, пожары горят»[395].

«Адреналиновая зависимость», — комментирует дневник Розы современный психолог[396]. Кажется, эта девушка ощущала, что живет полной жизнью, лишь в моменты большой опасности. Свое состояние, тоску по передовой Роза сама называет в дневнике «жаждой боя». Почему ее так тянет туда, где смертельно опасно, она и сама не понимала. «Да, как хочется быть на передовой, как интересно и одновременно опасно, но не страшно мне почему-то»[397], — писала она во время октябрьского наступления. Роза, конечно, шла впереди с пехотинцами, хотя снайперов туда не посылали. «Команда — занять сопку, я заняла, я в первых рядах. Сначала я не видела, потом вижу: из-за горы, метрах в 100, вылазят самоходки с десантом. Била живую силу противника. Рядом слева, метрах в 8, раздавило старшего лейтенанта и капитана, и бойцов. У меня заклинение. Я села, устранила задержку и снова стреляю. Танк прямо на меня, метров 10 впереди… Страха никакого…»[398]. Чуть позже, не желая находиться далеко от передовой с женским взводом, она писала: «Хочу, чем объяснить? Какая-то сила влечет меня туда, мне скучно здесь… Некоторые говорят, что я хочу к ребятам, но я же там никого не знаю. Я хочу видеть настоящую войну…».

Она без конца писала жалобы и письма, добивалась приема у высокого начальства, чтобы разрешили быть на передовой официально, а не сбегать туда. «Скука, гармонь играет в мастерской, о, как мне тяжело, я хочу сейчас туда, вперед! Где

самый жестокий бой, больше ничего не хочу. Почему же нельзя это сделать, а? О, какие несознательные эти начальники!»

Бои, в которых она участвовала, Роза позже анализирует, записывает подробный отчет о своих приключениях на фронте, переживая их заново. «За эти двое суток все дни некогда было вздохнуть. Шли ужасные бои. Полные траншеи пехоты немец насадил и вооружил — защищались стойко… Была настоящая мясорубка. Сколько раз наши сажали десант на самоходки и привозили в то имение, 1–2 и никого (возвращались), остальных косило огнем. Я ездила в самоходке, но стрелять так и не удалось, нельзя высунуться из люка, убивали и ранили. Подошла по лощине, выползла и стреляла по убегающим из траншеи фрицам»[399].

Роль снайпера была для Розы недостаточна. «К вечеру 22-го выгнали всех, заняли имение… Иду, пехота лежит, боятся идти дальше. Идут два штрафника-разведчика. Я пошла с ними, и в результате мы трое первыми заняли следующее имение, и все за нами пошли в атаку и стали гнать по пятам убегающего фрица. Я, как и все, стреляла»[400].

Воевала она с азартом, как самые смелые из мужчин. Некоторые ее рассказы говорят о жестокости, тоже свойственной скорее мужчине, чем двадцатилетней девушке. «Заметила 30 фрицев, после побежали с разведчиками догонять. Схватка. Убили нашего капитана два немца прикладами из-за кустов… Этих двоих мы поймали и расстреляли»[401].

Многие девушки — товарищи по взводу, когда Роза говорила о том, что хочет сбежать на передовую, сомневались в ее искренности: считали, что она хочет быть там с каким-то мужчиной. К этому моменту многие девчонки уже переехали в другие дивизии к фронтовым мужьям, где офицеры устраивали их работать в штабы. В документах ряда армий содержались требования вернуть женщин-снайперов на место службы и в дальнейшем использовать только для снайперской работы. «Командир дивизии приказал: 1. Личный состав как окончивший специальную подготовку, а также подготовленных непосредственно в частях использовать только снайперами»[402].

Много ходило про нее слухов, которые Розу очень расстраивали. То же самое нередко думали о ней и в тех частях на передовой, куда Роза приходила воевать, — нужно сказать, что приходила она, конечно, в те части, где у нее были знакомые командиры, так было проще.

Ближе всех Роза дружила с Сашей Екимовой и Калей Петровой, однако ей все равно было одиноко. Она вспоминала подруг, оставшихся в тылу, — Агнию Буторину, с которой училась

в школе с 5-го по 7-й класс, Валю Черняеву — подругу по техникуму, восхищалась подругой по взводу Валей Лазоренко, упоминала, что рассматривает кандидатуры двух девушек из другой дивизии — хотела бы дружить с ними, но пока полностью не уверена. Сетовала по поводу нелегкого характера Саши Екимовой: та была с большим самомнением и эгоистка, могла что-то неприятное сказать, могла бросить товарищей в трудную минуту. Однако, имея доброе сердце, все равно дружила с Сашей и описывала в дневнике радостные моменты дружбы. Калерию Петрову уважала за смелость, ум и надежность. Но Калерия, хоть и участвовала в разных Розиных приключениях и авантюрах, была человеком не очень эмоциональным, разумным и спокойным, поэтому разделить Розины взлеты и падения не могла. Для нее пребывание на фронте было тяжелым временем, которое нужно пережить. Для Розы «охота» на немцев и передовая были моментами душевного подъема, как и для некоторых, немногих, мужчин.

Рассказывая о боях, Роза пишет о тех, кто был с ней рядом в драматические моменты. Этим мужчинам она часто отвечала взаимностью на чувства, хотя, как правило, ее взаимности хватало ненадолго. «Бежим мы с Николаем Соломатиным над Неманом по лесу, по скату берега, по кустам, быстро бежим… Николай посмотрел, тяжело взбираться, крутой обрыв, взял меня за руку, помог взобраться, крепко поцеловал, и бежим дальше… Ночью промокли, в луже оказались, такой был дождь. Ночевали мы с ним в бричке. Как он мне нравился…»[403]

Про Николая Соломатина Роза вспоминает в дневнике еще несколько раз. Однако фигурируют в ее записях десятки мужчин. Есть даже своего рода донжуанский список с цифрами. С тех пор прошло 70 лет, и сложно читать между строк. Роза многого недоговаривает. И все же трудно усомниться в том, что по крайней мере с двумя или тремя из этих мужчин у Розы были близкие отношения. Мужчинам, как и подругам, Роза не доверяет: рассуждает, истинны ли их чувства или она нужна им только сейчас, на безрыбье, только для сексуальных отношений. «На сердце тяжело, мне 20 лет, и нет хорошего друга, почему? И ребят полно, но сердце никому не верит… Перед глазами Блохин, Соломатин. Мне они нравились, но я знала, что это лишь временно, уехали и письма писать не стали — вот доказательство»[404]. С офицером Николаем Федоровым завязались серьезные отношения, которые Розу тяготили. Она впервые увидела его в наступлении во время одной из своих самовольных отлучек на передовую. Федоров тогда

соответствовал образу, который, видимо, был в тот момент для Розы идеалом мужчины: «Рослый, грязный, в грязи, в глине, длинная шинель, как настоящий воин. Его я уважаю за храбрость… но воспитанием и образованием не блещет…»[405] Николай настроен серьезно и уговаривает Розу подать заявление, «хотя бы формально пожениться», чтобы легче было жить вместе на фронте. Однако Роза уже думает о том, как закончить эти отношения, ей ясно, что этого парня она не любит. «Почему у меня не хватило мужества отвергнуть его знакомство? Условия — холод и грязь, я раздета, нужна была помощь, он помог мне… словом, было нелепо… Вот и теперь он мне немного нравится, а остальное я принуждаю себя, вбиваю себе в голову мысль, что я его крепко уважаю…»[406] Через несколько дней, перед переходом на новое место, она снова «ушла ночевать к Николаю, но не потому, что мне жаль с ним расставаться, а потому что надо кое-что: плащ-накидку, книгу и еще часы… Теперь опять никого нет, холостая»[407].

Дальше в дневнике фигурирует «хорошенький Николай Боровик», который воюет где-то далеко, Николай Ш., чей адрес она потеряла и расстраивалась, и еще, еще имена. Встретив снова Николая Боровика, она разочаровалась в нем, так как он выглядел неряшливо, в шинели без хлястика, и даже то, что его вскоре тяжело ранило в бою, не смягчило ее сердца. Того, о ком она мечтает, по-прежнему нет рядом, да и знает ли Роза, каким он должен быть?

И к тому же им всем не давал покоя этот вопрос — и тем, кто полюбил на фронте, и тем, кто еще ждал свою любовь. «А что будет после войны?» Что, если в тылу, где столько молодых, красивых, невинных девушек, он предпочтет тебе другую? Что, если ты нужна ему здесь только для развлечения? Что, если у него есть жена, к которой он вернется? Что, если, связав все же свою жизнь с тобой, он оставит безотцовщиной своих детей?

Роза не была бы собой, если не пыталась бы найти ответ и здесь. В толстую тетрадь в клеенчатой обложке — дневник Розы, переданный после ее смерти Петру Молчанову, был вложен листок — неотправленное письмо девушке по имени Маша.

«Здравствуй, Маша! Я решила написать, когда случайно узнала о твоем письме Клавдии Ивановне. Ты пишешь, что безумно любишь мужа Клавдии… Просишь у нее прощения не за то, что позволила себе непозволительную вещь, а за то, что собираешься в дальнейшем строить жизнь с ее мужем. Оправдываешь себя тем, что не можешь одна воспитывать ребенка, который должен скоро появиться, и что якобы не знала раньше, есть ли у Н.А. жена и

дети…

Если тебе тяжело разлюбить случайно встреченного на дорогах войны человека, то как же Клавдия Ивановна забудет любимого мужа?.. Я снайпер. Недавно была в тылу. В пути, в поезде, нередко чувствовала благодарность людей, рассматривавших мои награды. Но пришлось услышать и неприятные слова. Почему? Почему иные косо смотрят на девушку в гимнастерке? Это ты виновата, Маша…

Часто задумываюсь, как мы, военные девушки, будем возвращаться с войны? Как нас будут встречать? Неужели с подозрением, несмотря на то что мы рисковали жизнью и многие из нас погибли в боях за Родину? Если это случится, то виноваты будут те, которые отбивали чужих мужей…»[408]

Конечно, Роза прекрасно знала, что часто девушкам на фронте приходится вступать в отношения не по своей воле. Во взводе девчонки держались вместе и хоть кому могли дать отпор, да и в своих отлучках, блуждая по передовой и ночуя среди мужчин, Роза ничего не боялась: она уже знаменитость, о ней пишет фронтовая и центральная пресса, так что нагло приставать к ней вряд ли кто рискнет. В дневнике она неоднократно пишет, что слава ей совершенно не важна, однако записи говорят об обратном. «Я овеяна славой. Недавно в армейской газете „Уничтожим врага“ написано: „Отличившаяся Шанина во время контратаки противника награждается медалью „За отвагу“ — это знатный снайпер нашего подразделения“»[409]. В московском журнале «Огонек» мой портрет на первой странице, уничтожила 54, трех немцев пленила, два ордена Славы… Представляю — читает вся страна, все мои знакомые… Недавно Илья Эренбург писал обо мне в газете нашей армии… «57 раз благодарю ее сряду, тысячи советских людей спасла она»[410].

Размышлять о славе и о себе Роза продолжила в госпитале: 12 декабря ее легко ранило в плечо. И в госпитале, и позже, в доме отдыха, куда ее отправили после него, она снова писала и писала. Писала о книгах, которые прочитала за время этого вынужденного отдыха, — «Сестра Керри» Теодора Драйзера и «Багратион». Обе книги произвели большое впечатление: «О, Керри, Керри! О, слепые мечты человеческого сердца!» — восклицает Роза в дневнике. Книга о Багратионе навела на размышления о славе: «Что значит слава — это или свой череп расколоть во имя Родины, или чужой раскрошить. Вот это слава! Я так и сделаю, ей-богу»[411].

Она посмотрела фильмы — редкое удовольствие на фронте, доступное только на отдыхе: «В старом Чикаго», «Подводная

лодка номер 9» и «Жди меня» по сценарию Симонова, который Розе не понравился.

На отдыхе Роза бесконечно переписывала в дневник стихи — так делали и те девушки, кто дневников не вел, почти у каждой была тетрадка для переписывания стихов. Стихи были разные — переписанные из газет и «Боевого листка» (конечно, больше всех любили Симонова), но и фольклор, слова песен или стихи неизвестного автора, которые услышали от кого-то на фронте, а потом у кого-то переписали. Были среди них сентиментальные, были скабрезные. Роза переписала переделанные слова песни «Моя любимая» — текст был переделан с иронией и обыгрывал феномен фронтовых жен. Для Розы и ее подруг это был очень больной момент.

С обидой пишешь письма мне, что я забыл тебя,
Но ты пойми, я на войне, моя любимая.
Так много, мне не перечесть, ждут писем от меня,
И в Омске есть, и в Томске есть, моя любимая.
И ждет меня еще давно законная жена,
Тебя забыть мне суждено, моя любимая…[412]

И так далее — о том, что для него эта женщина была всего лишь приключением, а после войны он вернется к семье. Какая всем известная, старая, печальная история, неверность одной женщине, обман другой, юной. На войне для таких историй имелись все условия. А Роза и ее товарищи были еще так молоды, без жизненного опыта, с не закаленными обидами сердцами…

Дальше — еще одно стихотворение с пассажами, выдающими талантливого, но не очень образованного автора:

Под напевом пуль и свист снарядов
Я иду сегодня снова в бой
В той, когда-то новенькой шинели,
Что стояли, помнишь, мы с тобой…[413]

Другие переписанные в дневник стихи — красивые и сентиментальные, в форме письма от любимого с войны. Трогала сердца фронтовая лирика Иосифа Уткина — поэта и военного корреспондента. После ранения — ему оторвало четыре пальца на правой руке в 1941 году под Ельней — Уткин лечился в Ташкенте и написал там две книжки фронтовой лирики. В 1942-м он снова был на фронте, в 1944-м погиб. Роза переписала одно из самых популярных тогда — стихотворение о фронтовых письмах, где

были такие строчки:

На улице полночь, свеча догорает,
Высокие звезды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны…[414]

И еще — стихи неизвестного поэта, пользовавшиеся очень большой популярностью среди фронтовиков:

И, в края уезжая бранные,
Кровью залитые края,
Знай, идет сквозь поля туманные
За тобою любовь моя.

Еще две странички, и дневник обрывается. В конце — снова бои, снова парни, снова тоска и душевные метания. Роза признается, что «жизнь своя мне опостылела, я рада умереть во имя Родины: как хорошо, что есть эта возможность..»[415] В записях часто присутствуют упоминания путаницы, смятения. «Господи! Неужели ты не поможешь мне разобраться во всем? Все так перепутано, о Боже!»[416]

На этой ноте и кончается дневник. В последней записи, сделанной за пару дней до гибели, Роза пишет: «Снова ночью марш, сейчас темно, скоро рассвет, сижу у костра и пишу. Как плохо, когда нет начальника надо мной, хорошо, что никто не прикажет, но плохо — никто не подскажет, что делать? Я не могу найти удовлетворения своему сердцу. Никому я не нужна»[417].

О «дружной бродячей тройке» — так называла Роза себя, Калю и Сашу Екимову — после войны рассказывала корреспондентам Калерия — девушка, о которой Роза отзывалась с уважением: «Хорошая девушка. Она никакого не имеет эгоизма и смелая, очень здраво мыслит, разбирается хорошо во всех вопросах, память золотая, но немного с ленцой»[418]. Кале с Сашей Екимовой было интересно, несмотря на ее высокомерный характер, а Роза была «шебутная и добрая»[419]. Когда обе они погибли, Каля не убивалась по ним, как по Маше Шварц, но ей стало очень одиноко.

Роза погибла в конце января. 17 января она отправила редактору Петру Молчанову письмо прямо с линии огня: написала его, вернувшись ненадолго в землянку передохнуть. «Извините за долгое молчание. Писать было совсем некогда. Шла моя боевая жизнь на настоящем фронте. Бои были суровые, но я

каким-то чудом осталась жива и невредима. Шла в атаку в первых рядах. Вы уж извините, что Вас не послушалась. Сама не знаю, но какая-то сила влечет меня сюда, в огонь… Немцы сопротивлялись ужасно. Особенно возле старинного имения. Кажется, от бомб и снарядов все поднято на воздух, но у них еще хватает огня, чтобы не подпускать нас близко. Ну ничего, к утру все равно одолеем их. Стреляю по фашистам, которые высовываются из-за домов, из люков танков и самоходок…».

Впервые Роза пишет Молчанову о том, что ее могут убить. «Быть может, меня скоро убьют. Пошлите, пожалуйста, моей маме письмо. Вы спросите, почему это я собралась умирать. В батальоне, где я сейчас, из 78 человек осталось только 6…».

Было ли у Розы плохое предчувствие? Как бы то ни было, в этому аду она и не подумала о том, чтобы вернуться в свой снайперский взвод. Там тоже было находиться отнюдь не безопасно (из взвода тоже примерно половина девушек были ранены или убиты за год на фронте), но Розе опасностей, подстерегающих снайпера на передовой, было мало.

28 января во время боя примерно в 50 километрах от Кенигсберга солдаты-пехотинцы услышали «душераздирающий женский крик». Прибежав на крик, они увидели Розу Шанину, лежавшую на земле. Рядом снайперская винтовка. Роза кричала им: «Ребятушки! Пристрелите меня скорее!»[420] Она обеими руками держала внутренности, вываливавшиеся из разорванного осколком живота. Солдаты перевязали ее и унесли в медсанбат. Последние часы Розы и ее страдания зафиксировала медсестра Екатерина Петровна Радькина. Она была секретарем комсомольской организации своего медсанбата и познакомилась с девушкой-снайпером раньше, когда Розу ранили в плечо. Потом Катя изредка видела Розу в политотделе дивизии и вот теперь встретилась с ней, умирающей, в Восточной Пруссии. Шли сильные бои, и, передав в госпитали очередную группу тяжелых раненых, с которыми ей пришлось остаться, когда медсанбат с быстро продвигавшейся дивизией ушел вперед, Радькина хотела догонять медсанбат, но ей снова приказали остаться с очень большой группой тяжелораненых. Среди них Катя увидела Розу.

Как она позже написала родным Розы, та была в очень тяжелом состоянии и «понимала тяжесть своего положения… Сожалела, что мало успела сделать». Роза вспоминала родных и звала маму. Катю, которая была с ней до последней минуты, поразило, как мужественно держалась девушка-снайпер: «Ни стонов, ни слез». Ей очень хотелось пить, но было нельзя, и она вспоминала родник «с холодной вкусной водой» в родном селе Богдановском. «Катя, — просила она, — дай мне родной

холодной водички. Я только рот пополощу!»[421]

Девушки из снайперского взвода, когда, уже позже, им сообщили, что Роза погибла, жалели ее и плакали. Хотели узнать, где ее могила, но так и не узнали, а фронт уже ушел вперед, к Кенигсбергу. Родных известил о гибели Розы капитан Стихарев из в/ч 14041.

Младшему брату Розы Марату было в 1945 году 14 лет, и он, как многие подростки, работал в соседнем совхозе, живя там на казарменном положении. У него уже погибли двое старших братьев, и он очень гордился воевавшей на фронте сестрой Розой. Как-то ему дали выходной, и, приехав на лыжах домой, он увидел мать, которая вдруг показалась ему очень маленькой, сгорбленной, состаренной новым свалившимся на нее горем. Марата поразили ее глаза, полные горя, но сухие: слезы кончились. Мать стояла с похоронкой в руках и повторяла: «Вот и все. Вот и все». — «Что — все, мама?» — ужаснулся Марат, и она только и смогла выговорить: «Роза»[422]. Некоторое время спустя мать, простая русская крестьянка, сказала нечто, перевернувшее для Марата весь его мир: «Может, к лучшему, что Роза погибла. Как же бы она жила-то после войны? Столько людей настреляла»[423].

Глава 18
«Упала на что-то большое и твердое»

Советские войска шли по Восточной Пруссии. Месяцы затишья сменились почти безостановочным движением. За Восточной Пруссией их ждал Берлин. Юле Жуковой запомнилась ночь на марше: «Полная темнота, на небе не видно ни луны, ни звезд. Все идут молча, слышится только шаркающая поступь и тяжелое дыхание огромной массы людей. Иногда объявляют привал, и тогда все солдаты буквально валятся прямо в рыхлый снег… Но через 15–20 минут нас снова поднимают, снова идем, отупевшие от усталости, недосыпания, недоедания и сырости…» Многие женщины-снайперы после войны рассказывали, как во время огромных переходов, часто ночных, они спали на ходу. У Юли Жуковой «в какой-то момент отключилось сознание», как будто провалилась в яму. Уснув на ходу, она упала на что-то «большое и твердое». Посветив фонариком, увидела, что это труп немецкого солдата[424].

В течение недели 31-я армия прошла с боями около ста километров, и после того, как был взят Хайльсберг, все рассчитывали «хоть на небольшую передышку». Однако приказали, не останавливаясь, двигаться дальше на Ландсберг. Так называемый «хайльсбергский треугольник» — три города в двадцати километрах друг от друга — представлял собой сильно укрепленный район, последнюю преграду на пути к столице Восточной Пруссии. После того как 31 января был взят Хайльсберг, немцы нанесли сильный контрудар южнее Кенигсберга, и командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии И. Д. Черняховский был вынужден приостановить наступление ударной группировки фронта. Несмотря на нехватку сил, Черняховский одобрил план захватить Ландсберг, что и было поставлено задачей командиру 331-й дивизии Берестову.

Юлия Жукова вспоминала, как в Ландсберге солдаты наконец получили короткую передышку. Найдя в домах шнапс, они распорядились свободным временем обычным для них способом. Девчонкам кто-то из офицеров деликатно посоветовал уйти куда-то «с глаз долой», иначе не будет покоя от перепившихся мужиков. Так они и сделали, ушли все вместе на симпатичный хуторок совсем рядом с городом и «разместились с комфортом»: перекусив, на пол постелили перины и улеглись. Юля не знала, сколько они проспали. К счастью, кому-то понадобилось выйти по нужде. «Девчонки, немцы!» — истошно закричала эта девушка,

разбудив остальных. И правда, по полю плотной цепью двигались к городу немцы. Подхватив винтовки, девушки «рванули к городу» под огнем с двух сторон — и от немцев, и от своих, которые, не разобравшись, тоже палили по ним. На шоссе одну ранило пулеметной очередью, и ее чудом удалось спасти, остановив летевшую мимо повозку: на руках далеко бы не унесли. В какой-то момент Юля обнаружила, что осталась одна. Как выяснилось позже, ее товарищей остановил на шоссе офицер и приказал занять оборону в кювете. Как Юля отбилась от своих, она не помнила. В доме на хуторе осталась, не успев убежать, снайпер Дуся Филиппова. Вернувшись туда позже, девушки нашли ее тело со следами пыток[425].

Оказалось, что левый сосед — 50-я армия — отстал от дивизии на 10 километров, а 5-я танковая армия 2-го Белорусского фронта не смогла быстро взять город Мельзак и все еще находилась далеко. У немцев была возможность атаковать дивизию с севера, востока, юго-востока и запада, и атака не заставила себя ждать: Ландсберг был последним крупным узлом шоссейных и железных дорог, связывавшим южную группировку немцев с Кенигсбергом, и его постарались отбить.

174-й дивизии, занимавшей рубеж в нескольких километрах от Ландсберга, пришлось трудно. Когда в первый день на них шли немцы и вокруг рвались снаряды, девушкам-снайперам дали приказ сначала стрелять по командирам. Клава Логинова с парой Олей Николаевой и сами это знали. Потом уж «стреляли всех подряд». Клава посчитала, что «уничтожила сразу восемь». Потом полку пришлось отступить к городу[426].

Юля Жукова называла несколько дней, которые она и ее товарищи провели в окружении, «кровавой бойней». В окопах были «все, способные держать оружие в руках: и медики, и интенданты, и солдаты хозяйственного взвода, и даже раненые, контуженые, больные». Потом присоединились и артиллеристы, расстрелявшие все боеприпасы. Кончилась еда, и по ночам они выползали в поле, ставшее нейтральной полосой, и собирали мерзлую картошку — такие гостинцы ребята приносили Юле и ее подругам. Как-то Юля ползла по полю и услышала, что кто-то в стороне от нее зовет на помощь. Она подползла и увидела «совсем молоденького солдатика» азиатской наружности. Поволокла его в окоп, и маленький этот солдатик оказался страшно тяжелым. Солдаты помогли ей спустить раненого в окоп. Неожиданно парень открыл глаза, ощупал себя руками и радостно воскликнул: «Целый!» Оказалось, не ранен вовсе, а просто сильно испугался. Юля «была готова пришибить его»[427].

По очереди им давали возможность сходить в Ландсберг,

посушить одежду, согреться и поспать. Когда настала очередь Юли и ее подруг, 19-летняя Жукова, сидя на полу в теплом доме, написала тетке отчаянное письмо: ее часть в окружении и ей очень страшно, ей так не хочется погибать в 19 лет. Она не погибла, а письмо чудесным образом уцелело и дошло до тети Насти, и та много лет собирала соседок и читала им письмо вслух. И «все рыдали» — что страшно раздражало Юлю. В один прекрасный день она выкрала это письмо и сожгла[428].

7 февраля к окруженной в Ландсберге группе прорвались части 2-го Белорусского фронта. Что было! «Обнимались, плакали, смеялись, качали солдат, пришедших на помощь». Из четырехсот человек на Юлином участке обороны осталось десять, остальные убиты, ранены, контужены или больны. Простояв там в обороне еще несколько дней, Юля и ее подруги получили приказ остаться в Ландсберге и помочь с ранеными.

31-я армия пошла дальше, на Кенигсберг, но больше стрелять на фронте Юле не пришлось. А Клава Логинова из своей снайперской винтовки выстрелила еще не раз — даже в мае пришлось ей стрелять.

В конце февраля «катюшников» перевели на другое место, и Володя Емельяненко с трудом вырвался 8 марта к Саше Екимовой. Он попал на могилу: Саша погибла за несколько дней до этого, а подруги не знали, куда сообщить Володьке.

В тот день Каля Петрова, которая была Сашиной парой, заболела, и вместо нее пошла на «охоту» Дуся Кекешева, которая была беременна и должна была вот-вот уехать в тыл. В публикациях о Саше упоминали, что она «охотилась» в тот день на нейтральной полосе. Это не так: Саша и Дуся пошли в траншею, как всегда. Когда они не вернулись, их уже вечером пошли искать и нашли. Саша и Дуся были убиты сделавшими вылазку немцами, видимо, еще на рассвете, как только вышли на «охоту». Чтобы не производить шума, им перерезали горло — «так, что еле держались головы»[429]. Тело Дуси лежало в траншее, а Сашу нашли поблизости в кювете: она, видимо, пыталась бежать и ее настигли. Каля с подругами принесли трупы к себе в землянку и бинтами прикрепили Саше и Дусе головы — «не хотели хоронить кое-как». Ночь проспали в землянке рядом с телами подруг. Спали нормально, мертвецов они давно уже не боялись. На следующий день Сашу и Дусю похоронили, устроив настоящие похороны с залпом в воздух, с гробами, — простились достойно. Было их очень жалко, ведь война, судя по всему, очень скоро должна была закончиться.

Саша и Вовка Емельяненко в начале января написали заявление командиру, что хотят пожениться, — на фронте к этому заявлению, не имеющему формальной силы, и относилась фраза «оформить отношения». Сыграли у «катюшников» свадьбу, на которой были и Сашины подруги, кроме Розы. Вернувшись 8 января «домой» — в свой женский взвод, Роза возмущалась: «Не узнаю! Мои подруги Саша и Тоська вышли замуж»[430]. Саша, пока были на отдыхе, часто уходила к Вовке.

Сашины вещи отдали Вовке Емельяненко. Он узнал у Кали подробности, постоял, вытирая глаза, у могилы и уехал к себе в часть. Вскоре Кале передали, что Вовка ранен и лежит в полевом госпитале и что он просит Калю приехать. Каля поехала навестить, пробыла с ним час, поговорили. Ранение, как ей показалось, было не таким уж тяжелым, однако на следующий день или через день она услышала, что Емельяненко умер. Вовкины друзья передали Кале его дневник и письма — видимо, считали, что после смерти Саши у Вовки здесь, на фронте, не осталось никого ближе ее, Сашиной подруги. Кроме того, в Вовкином дневнике все было про Сашу — как Вовка в первый раз увидел ее, как познакомились, как он волновался, что она не ответит ему взаимностью. Каля оставила дневник у себя и с ним вернулась домой, когда кончилась война[431].

Тамара Рогальская после войны узнала, что многим девчонкам из третьего выпуска так и не пришлось на фронте стрелять в немцев. И подумала, что ей повезло. Ленинградка, которой довелось ранней весной 1945 года выйти на «охоту» в полуразрушенном элеваторе городка недалеко от Эльбинга, знала, что хочет стрелять по немцам[432]. Именно для этого она подавала заявление в военкомат, именно для этого закончила на отлично ЦЖШСП.

Настало время мстить немцам за многое. За два года блокады, когда ее спас от голодной смерти паек, который получала на оборонном заводе. За разрушенный и опустевший родной город, где с комсомольской командой она обходила квартиры в поисках детей, чьи родители умерли: детей собирали и отправляли в детдома, тащили на носилках невесомые детские тельца. Отомстить за умерших родных, за брата, который погиб на фронте в 1944 году. Тамара, которой в 1944-м было всего 18 лет, закончила курсы снайперов еще в Ленинграде. «Поедешь в женскую снайперскую школу?» — спросили в военкомате. «Еще бы!» — ответила Тамара. Весной 1945-го она уже «охотилась» на немцев.

Немцы превратили промышленный город Эльбинг в мощный

опорный пункт, прикрывавший подступы к Данцигской бухте. В самом городе оборудовали огневые точки в домах, вырыли траншеи и окопы на улицах. На подступах к Эльбингу тоже имелись укрепления. Город подготовили к продолжительной обороне. Советским войскам здесь очень пригодились снайперы.

В марте 1945 года молодой немецкий пехотинец Карл Хейнц Шмельке, сидя в полной грязи траншее где-то недалеко от Тамары Рогальской, записал в дневнике: «Никто не смеет высунуться из своей норы днем: русские снайперы ухлопывают каждого, кто осмеливается это сделать»[433]. В Красной армии были к этому времени десятки тысяч снайперов, среди них тысячи женщин. Во время боев в Восточной Пруссии снайперский огонь сыграл большую роль в моральном подавлении и без того деморализованного противника.

В 184-й стрелковый полк 56-й дивизии девушки из третьего выпуска попали в феврале. В самом начале марта Тамара с парой Клавой Пахомкиной впервые вышла на «охоту» на элеватор в небольшом городке где-то между Эльбингом и Данцигом. Повела девушек на позицию сама Нина Петрова[434]. Эта немолодая женщина не только сама действовала как снайпер, но и обучила сотни других[435]. Девушки, уже отлично обученные снайперскому делу, не считались учениками Петровой: ее задачей было лишь познакомить их с передовой[436].

Петрову, худую, очень спортивную женщину, в полку звали «мать». Биограф пишет о ней как об очень заботливом, душевном человеке. Тамара Рогальская не почувствовала этой душевности — может, из-за того, что провела с Петровой совсем мало времени. Ей Петрова запомнилась как очень строгий, волевой, дисциплинированный человек — таких Тамара не видела даже среди женщин-командиров в Подольской школе, а Петрова была всего лишь старшина. Девушки слышали, что Петрова скоро едет получать третий орден Славы — самой высшей, первой степени.

Перед элеватором бегали за загородкой овцы (девушки запомнили отличный ужин — гречку с кусочками баранины). За загоном было какое-то водное пространство. За водой — немцы, до них метров шестьсот или семьсот. До элеватора они добрались за Петровой перебежками (бараны, когда увидели их, начали бегать — «как будто подавали сигнал немцам»). Петрова, расставив их с Пахомкиной по позициям у больших окон, ушла к другим. В здании было темно, и немцы, освещенные солнцем, были видны как на ладони. Как часто случалось со впервые попавшими на передовую, Тамара, забыв об опасности, высунулась из окна чуть ли не по пояс, чтобы лучше разглядеть противника. И сразу услышала странный звук — «вжик, вжик» —

пули. Она тут же свалилась вниз и, вспомнив, что пуля пробивает полтора метра кирпича, отползла за мешки с зерном и села, прислонившись к ним. Тут же «как сумасшедшая» пробежала через весь элеватор Петрова, крича: «Кого обстреляли?» Перепуганная Тамара сидела и «не могла перевести дух». После этого боевого крещения она и Клава весь день только наблюдали за немцами, не открывая огня, — так велела Петрова.

А потом начали «охотиться» — на элеваторе, из траншеи, куда проводили их разведчики, знавшие проходы в заграждении — колючая проволока и проволока под током. Иногда выводили на «охоту» еще ночью, чтобы не выдали себя, иногда — вечером, или днем — на элеватор.

Счет Тамара открыла, стреляя из здания элеватора. Сделав выстрел, она не только видела, что упал немец, но еще и почувствовала каким-то шестым чувством, что ее пуля попала в цель. У нее сначала задрожали руки, потом — все тело. В первый раз попасть в человека — как это было «странно, непривычно». «Стреляй, я больше не могу», — сказала она Клаве. А второй немец не вызвал никаких эмоций, кроме радости.

Вскоре началось наступление, огромные переходы по 50–60 километров. Сначала говорили, что будут наступать на Берлин, потом повернули к Свинемюнде. Где-то в наступлении Тамара услышала, что Нина Петрова погибла.

Петрову 14 марта 1945 года наградил орденом Славы сам командующий 2-й ударной армией генерал армии И.И. Федюнинский. Подписывая наградные листы, он обратил внимание на один из них. Здесь должна быть какая-то ошибка: старшине Нине Павловне Петровой, снайперу, которую представляли к ордену Славы I степени, было 52 года. Вызвав начальника штаба, он расспросил о старшине Петровой и захотел с ней познакомиться. Петрова появилась в протертых на коленях ватных брюках — переодеться было не во что. Генерал, когда она отказалась от рюмки водки, посидел с ней за кофе и расспросил о жизни и фронтовом пути: счет снайпера Петровой превысил сотню. На прощание Федюнинский, не отличавшийся сентиментальностью (телефонист Н. Никулин запомнил его разговор по телефону во время боевой операции: «Вашу мать! Вперед!!! Не продвинешься — расстреляю! Вашу мать!»), обнял и поцеловал старшину Петрову. Вместе с орденом Славы I степени (она стала второй женщиной — полным кавалером ордена Славы) она получила часы с дарственной надписью от Федюнинского и новую снайперскую винтовку[437].

125-я дивизия наступала на главном направлении. «На

Берлин!» — объявили им, и даже трудно было в это поверить. Очень хотелось дожить, увидеть победу и вернуться домой.

Из десятерых девушек-снайперов, присланных в 125-ю дивизию, к марту осталось пятеро. Тая Киселева после войны с благодарностью вспоминала Марину Швецову, снайпера на пару лет постарше, красивую и разумную, всегда спокойную. Марина, «прелесть женщина», очень поддержала Таю и остальных на крошечном плацдарме за Нейсе в марте 1945-го, в две самые страшные ночи и два самых страшных дня за всю войну, а может, и за всю жизнь.

Одер в том месте, где в него впадает Нейсе, неширокий. Стрелковый полк, которому был придан взвод снайперов, перешел его ночью по льду, уже непрочному в феврале. Немцы, хоть и не сразу, определили их присутствие и открыли по ним стрельбу из пулеметов. У полка пулеметов не было, но командиры приказали занять оборону. С обеих сторон были немцы, но приказа отступать не дали. «Сталин приказал держать, — объяснил командир. — Идет наступление на Берлин, а здесь нужно оттягивать на себя немецкие силы». Полк пробыл в фактическом окружении двое суток («Что, Сталин одному полку только приказал?» — удивлялась Тая). В первую свою ночь там, на западном берегу Нейсе, они слышали крики раненых, которых добивали немцы: рядом отступила рота, а раненые остались. Как часто бывало, с ранеными остались женщины из той роты — медсестра и снайпер. Они тоже кричали в ту ночь, жутко кричали — их пытали. Одна из них, как узнала потом Таисия, была беременна. Поразило девушек-снайперов то, что на руке одной из убитых остались часы: мучителям не нужны были трофеи.

Если и были у Таисии какие-то сомнения насчет договоренности с товарищами, заключенной сразу после приезда на фронт: «Если что случится, лучше вы пристрелите меня, чтобы живой в плен не попала», теперь их не стало. Лучше, намного лучше умереть, еще раз решила она, услышав рассказ солдата, видевшего тела тех девушек.

Вместе с солдатами снайперы провели два дня в большом сарае на краю деревни. У них имелись отличные запасы провизии, принесенной из деревни: погреба пустых домов были полны еды. На следующий день мимо прошли танки отступавших немцев. Командир, залегший с небольшой группой в кювете на краю деревни, увидел, что за танками едет легковушка — везет, наверное, важную птицу. Когда они начали стрелять по машине и подбили ее, оттуда выскочил генерал, которому удалось убежать. А машина осталась, и потом все с большим интересом разглядывали генеральское барахло и фотографии. Только никто

не знал немецкого, так что генераловы письма прочитать не смогли.

На третий день обороны построили понтонный мост, и, хотя по нему без конца била немецкая артиллерия, перешли соседние части и переправили артиллерию, которую по льду перевезти было невозможно[438]. А полк, в котором были девушки, отвели на отдых и дали пополнение.

Снайперский взвод не пополняли ни разу, и теперь их осталось совсем мало. Еще в феврале во время наступления на Бреслау начальник штаба капитан Сагайдак подписал приказ о представлении к награде на снайпера Бэллу Морозову. К ордену Отечественной войны ее представили посмертно, как и начальника разведки полка Кайфмана, командира батальона Трофимова, шифровальщика Свердлова[439]. Девчонкам передали: «Бэлка погибла». Оказалось, что немецкий снайпер ранил комбата и когда Бэлла побежала оказать ему помощь, то сразу же попал и в нее[440].

Но чудеса все же иногда случались в этом фронтовом аду: Бэлла Морозова свой орден получила лично — выжила после страшного ранения. Капитан Сагайдак вспоминал: «Велико же было мое удивление, когда уже в Чехословакии, где-то у Вальденбургского перевала, в одной из рот встретил я Бэллу — живую, награжденную посмертно»[441]. Ведь Сагайдак держал в руках ее личное дело, перечеркнутое двумя перекрещенными красными полосами! Но вот она, живая! «Стояла худенькая русая девчонка в военной форме сержанта с нашивками о ранениях, с орденом Отечественной войны на гимнастерке, улыбалась странно и старалась показывать только одну половину лица». Пуля, пробив висок, прошла через носовую полость и выбила глаз. Бэлле было всего 19 лет, и она говорила подругам, что, когда увидела свое лицо без бинтов, хотела умереть. Но нашла в себе мужество не только жить дальше, но и настоять на том, чтобы ее прислали работать в штабе в родном полку. Разведчик Геннадий Курицын — парень, с которым девушки год воевали в одном полку и который давно уже любил Бэллу, — не разлюбил ее и с обезображенным лицом. Они прожили вместе долгую жизнь и вырастили детей.

Глава 19
«Ой, мамочка, как нас здесь бьют!»

«Вера, ты вся кровью залилась!» — ужаснулась подруга. Вера Баракина посмотрела вниз и увидела, что ниже пояса шинель порвана в клочья и залита кровью и кровью полны сапоги. У нее закружилась голова.

За несколько месяцев на Карельском фронте Баракина не видела ни больших боев, ни сильных обстрелов[442]. Бои начались для нее только в январе на 3-м Украинском фронте, уже в Венгрии. Вера считала, что за время наступления к Дунаю она, несомненно, «сняла» не меньше двух десятков человек. Стрелковому полку, с которым наступали снайперы, сильно досталось: к моменту переправы через Дунай в нем осталось около четверти состава.

Река в том месте широкая, но мелкая, и девушки шли пешком по пояс в ледяной воде, двумя руками подняв над головой винтовки. Немцы стреляли не сильно, и, подходя к другому берегу, Вера думала только о том, как и когда можно будет хоть чуть-чуть высушить мокрую одежду и сапоги. Страшный обстрел начался, когда они уже вышли на берег. Сразу же убило их командира, снайперу Саше оторвало осколком палец. Кто-то вокруг падал, остальные, пригибаясь, бежали вперед, Вера — со всеми. Что ее ранило, она не почувствовала. Только на приличном уже расстоянии от реки, когда всех собирали на линии немецких окопов, кто-то из девушек вдруг сказал ей, ужаснувшись: «Вера, а ты что?» — «А что?» — удивилась она. «Как ты дошла-то?» Только тут Вера увидела. Стащив с нее измочаленную шинель, подруги быстро поверх одежды ее забинтовали и на шинели отнесли в медсанбат. А там уж «раздели, и шуровать», дав для обезболивания спирта. Ранение в живот оказалось, слава богу, неглубокое: осколок задел сначала пуговицу на шинели, пуговицу-спасительницу, как окрестила ее Вера. Отлежавшись, Баракина вернулась в часть и воевала до победы, но уже не снайпером. Анатолий, которому еще зимой сильно покалечило ноги, писал ей из госпиталя, что ждет. И Вера хотела только, чтобы все кончилось, хотела вернуться с войны к Анатолию. Он оказался в числе столь немногих уцелевших на войне пехотных лейтенантов, настоящих баловней судьбы — в основном и выжили такие, как он, комиссованные по тяжелому ранению. Пощадил Анатолия и бич, безжалостно косивший Советскую армию на чужой территории: метиловый спирт.

«А мой Анатолий пил?» — было первое, что спросила Вера Баракина у солдат, ехавших в его вагоне, прибежав туда на остановке: только они остановились, как она услышала о том, что из его роты многие отравились. Стрелковую дивизию переводили с Карельского фронта на 3-й Украинский, и бесконечное время в пути все коротали как могли — мужики, как всегда, делали все возможное и невозможное, чтобы разжиться алкоголем. Солдат показал ей на Анатолия, который похрапывал на соломе. Вид у него, как показалось Вере, был нормальный. Вера его растолкала, но, что-то пробормотав, он снова заснул.

От солдат она узнала следующее: всех поил добытым им спиртом какой-то сержант постарше. Досталось и солдатам, и офицерам, с теплушки сгрузили несколько трупов. С десяток человек были при смерти. Осторожные выпили немного и, почувствовав неладное, не стали продолжать. Анатолию повезло: как сказал Вере солдат, его после пары глотков вырвало — это и спасло.

Русский человек, как известно, пьет все, что горит. А на войне без спирта пришлось бы нелегко. Даже девушки-снайперы не отказывались от своих «ста граммов». Во взводе Клавы Логиновой командир Аня Матох настаивала, чтобы они перед уходом на «охоту» выпивали пару глотков — «двадцать грамм», чтоб не замерзнуть, особенно зимой. Остальное Аня берегла как зеницу ока — для растирки замороженных рук и ног, когда девушки возвращались с позиций. А летом, конечно, «сто грамм» меняли у мужчин на шоколад[443]. Для солдат мужского пола поиск алкоголя имел первостепенное значение.

Случаи отравления непригодным для внутреннего употребления алкоголем конечно же имели место и до войны, и после нее. Однако в 1944-м и 1945-м, когда советские войска воевали на чужой территории и среди захваченных трофеев было столько бутылей — а нередко и железнодорожных цистерн — с неизвестными жидкостями, такие случаи приобрели массовый характер. Травились целыми частями. Приказы командования становились все более и более строгими, наказания — вплоть до трибунала. Говорилось в приказах, как правило, о том, что войскам запрещается употреблять захваченные при наступлении продукты и напитки — они могут быть отравлены немцами. Может быть, что-то и правда было отравлено. Однако на практике чуть ли не сто процентов отравлений приходилось на метиловый спирт. Человек, выпив его, начинал страдать от нарушения зрения, вплоть до полной слепоты, тошнотой и судорогами, мог остаться инвалидом, однако более вероятной при принятии даже

не очень большой дозы этого спирта была мучительная смерть. Несмотря на приказы по всем фронтам и жестокие наказания ответственных за их невыполнение, ситуация лишь незначительно улучшилась к маю 1945 года. В информационном сообщении интендантского управления 1-го Белорусского фронта от 6 мая 1945 года говорилось, что случаи отравления все еще носят массовый характер. Так, «в 3-й Ударной армии в результате употребления метилового (древесного) спирта отравилось 251 человек, из них со смертельным исходом 65… В 49-й армии отравилось от употребления спиртообразных жидкостей 119 человек, из них 100 умерло. В 46-й армии в 5-й АД отравилось трофейной жидкостью 67 военнослужащих, из них 46 умерло. Организаторами (пьянки) явились сами офицеры»[444].

В марте 1945 года Лиду Бакиеву, помкомвзвода снайперов, пригласили на совещание лучших бойцов. Такие слеты стали популярны еще в 1942 году, их проводили для разных родов войск, различных военных специальностей и, как этот, просто для бойцов-отличников. Лида Бакиева, несомненно, была одним из таких бойцов — снайпер-орденоносец со счетом выше семидесяти.

Добираться пришлось не близко. Лида шла сначала пешком, потом где-то ей дали лошадь, а последний отрезок пути она с другими отправленными на слет солдатами и отпущенным после ранения домой полковником ехала в крытом брезентом кузове грузовика. Был с ними и киномеханик, которого направили снимать слет. В кузове было страшно холодно, и полковник, который вез домой валенки, пожалел ее: «Пока едем, дочка, надень валенки», и Лида переобулась и поставила сапоги рядом с аппаратурой киномеханика. Неожиданно прилетел немецкий самолет и начал обстреливать. Спеша уйти от обстрела, шофер в темноте свернул не туда, машина перевернулась. В темноте Лида нащупала и вытянула свои сапоги. Уже дойдя с полковником пешком до городка, где было совещание, она убедилась, что один сапог не ее, а мужской 43-го размера — шофера грузовика. Отыскала шофера, к его большой радости: ему в маленьком сапоге было совсем худо.

В качестве приза Лиде вручили на слете новенькую снайперскую винтовку. Но зачем новая, если отлично работает и пристреляна старая? Расставаться с полученной в школе винтовкой Лида совершенно не хотела. Так что недели две таскала с собой две винтовки, а потом новую сдала старшине.

Свой снайперский счет Бакиева увеличила при осаде крепости Бреслау. Там ее часть была с февраля до конца войны:

Бреслау удалось взять лишь в начале мая, после трех месяцев осады. А стрелять Лидия Бакиева продолжала еще десятилетия после войны: стрельба стала ее любимым видом спорта. Она выступала на соревнованиях, объездила с различными командами (в том числе со сборной Казахстана), весь СССР[445].

К началу апреля войскам 2-го Белорусского фронта удалось ликвидировать Хейлигенбайльский котел; шестого пошли в наступление войска 3-го Белорусского фронта, державшие в кольце Кенигсберг.

Штурм начался с мощнейшей артиллерийской подготовки. Генерал-полковник Кузьма Никитович Галицкий вспоминал, как «земля задрожала от гула канонады. Вражеские позиции по всему фронту прорыва закрыла сплошная стена разрывов снарядов. Город заволокло густым дымом, пылью и огнем… Сквозь бурую пелену можно было рассмотреть, как наши тяжелые снаряды сносят земляные покрытия с укреплений фортов, как взлетают на воздух куски бревен и бетона, камни, исковерканные детали боевой техники. С ревом проносились над нашими головами снаряды „катюш“»[446]. В начале штурма из-за плохой погоды не в полную силу работала авиация, однако в следующие дни над головой «летали постоянно Ил-2, черная смерть»[447]. Гарнизон города и отрезанные в Кенигсберге дивизии — фольксштурм — оборонялись до последнего: отступать было некуда. Попавшие в городе в ловушку горожане и беженцы прятались в подвалах. Преодолевая рубеж за рубежом, русские пробивались к крепости.

Согласно многим советским источникам, город был взят с небольшими потерями с советской стороны. Однако рассказы очевидцев противоречат этим данным. Старший лейтенант медицинской службы Анна Сайкина, операционно-перевязочная сестра в полевом госпитале, расположенном в лесу в пяти километрах от Кенигсберга, запомнила «нескончаемый поток раненых». А город, когда она попала туда после штурма, поразил ее «необычной готической архитектурой» и, несмотря на большие разрушения, идеальным порядком, чистотой, которые «просматривались в уцелевших местах»[448], — удивила немецкая аккуратность.

Аккуратность, обстоятельность, крепкое немецкое хозяйство вызывали не зависть, а недоумение и ярость. Командир взвода пехоты двадцатилетний Николай Чернышов рассказывал, как после боя он и его солдаты забегали с улиц в пустые квартиры и «из автоматов по инерции все громили: стекла, зеркала, посуду». После боя у солдат «дрожали руки», и, устраивая погром, они «выплескивали энергию» — сейчас мы называем это «снять

стресс». В те дни для двадцатилетнего сержанта не имело смысла «пленять рядовых — от них ноль информации»[449]. Пригодился в качестве пленного лишь захваченный на форте штабной офицер. Легко прочитать между строк, что многие немецкие солдаты, не представлявшие ценности как «языки», так и остались в братских могилах Кенигсберга.

Немного в стороне от города к заливу Фришес-Хафф наступала 31-я армия. Через много лет после войны Клавдия Логинова и Анна Мулатова узнали, что в Кенигсберге они шли в наступление где-то рядом, только с разными дивизиями. Уже вышли к заливу, когда Анин командир подозвал нескольких девчонок-снайперов и велел, пока затишье, сбегать в хозвзвод за магазинами для автоматов. Они пошли, но тут же запутались: где его искать-то, хозвзвод? Начался страшный обстрел, и Аня Мулатова потеряла остальных. Решила остановиться за стеной разрушенного дома и переждать, потом идти дальше искать или вернуться обратно. Услышала справа от себя крики и, обернувшись, увидела раненого солдата, лежавшего в болотце через дорогу. Он страшно кричал, звал на помощь. Но Аня не могла идти к нему, слишком сильно стреляли. Решила, что пойдет сразу, как кончится обстрел. Раненый затих. «Наверное, умер», — подумала Аня. Она стояла и плакала. Плакала даже не столько от страха, хотя было страшно, а оттого, что рядом мучился и, видимо, умер человек, а она не могла ему помочь. «Ой, мамочка, как нас здесь бьют!» — повторяла она плача.

Обстрел кончился, и она побежала назад, к заливу. Где Тася, где другие девчонки из взвода? Аня Мулатова не знала, это было не важно, никого знакомого рядом не было; бежали рядом какие-то солдаты-пехотинцы — и ладно. В наступлении некогда искать своих.

На берегу было полно разбитой и целой на вид техники и немецких солдат. Отступать им было некуда — только в воду. Немцы бросались в море, чтобы добраться до косы вплавь или просто утонуть. Один на глазах у Ани подорвал себя гранатой[450].

Десятки тысяч солдат и десятки тысяч беженцев, оказавшиеся в те дни на косе Фрише-Нерунг или перебравшиеся на нее раньше, пробирались к Данцигу — была надежда оттуда эвакуироваться на кораблях в глубь Германии, последняя надежда.

Бегство через косу началось еще в январе, когда советские войска вошли в Пруссию. Несметное количество людей погибло, не добравшись до побережья, от холода и голода на дороге,

обстрелов, от руки догонявших русских солдат. Сколько погибло в ту зиму на льду залива от бомбежек, провалившись под лед или обессилев и замерзнув насмерть! И даже тем, кому посчастливилось добраться до Данцига, спасение еще не было гарантировано: отправлявшиеся оттуда суда поджидали советские подводные лодки. Самая крупная трагедия произошла 16 апреля 1945 года. Около полуночи подводная лодка Л-3 под командованием капитана Коновалова потопила немецкое транспортное судно «Гойя», на борту которого было 7200 человек, из них 6000 беженцев[451].

Когда к заливу вышел полк Клавы Логиновой, в разгаре был большой бой. Как часто случалось, раненые, увидев девушек, звали их: «Сестрица, помоги!» Разве станешь им объяснять, что никакие Клава с парой Олей Николаевой не медсестры. Перевязывали и вместе оттаскивали: санитаров нигде не было видно. И когда смотрела потом Клава фильмы о войне, где санитарки вытаскивают из боя раненых, то думала о том, что никогда на войне такого не видела, чтобы санитар бежал рядом в бою и оказывал помощь.

Оттащили очередного раненого и побежали дальше. Сильный обстрел — залегли и поползли. Но где ребята из их полка? Клава и Оля как-то под обстрелом отклонились, потеряли своих. Вокруг были незнакомые солдаты.

Впереди были кустики, ямы, и дальше на возвышенности — немецкие окопы и блиндажи. Немцы сильно обстреливали, и шедший лавиной полк, подбежав к линии окопов недалеко от моря, залег. Много было ранено, остальные не хотели подниматься в новую атаку.

Клава с Олей лежали и толкали друг друга локтем: вставать, не вставать? Наконец Клава решилась: «Оля, пойдем! Убьют так убьют, а мужики пойдут за нами». Они встали не сразу, сначала отстрелялась артиллерия, потом снова стал звать в атаку командир. Тогда Клава и Оля поднялись, и солдаты встали за ними. На пути попался блиндаж, прибежал солдат и сказал: «Крику там!» Солдаты с автоматами пошли и открыли его, там оказались раненые. Эти ни по кому не стреляли, и ничего плохого, по крайней мере пока там была группа Клавы, с ними не случилось. Солдаты погнали ходячих на выход: «Шнель, шнель!» К Клаве подошел один легкораненый, молодой и рыжеватый, с худым лицом. Парень поднял руку в рот-фронтовском приветствии и испуганно улыбнулся Клаве: «Снайперка гут, гут!» Правильно боялся, в международную солидарность рабочего класса русские уже не верили, утратили иллюзии еще в начале

войны. Немец показывал куда-то и, как мог, объяснял, что там склад какой-то, там шоколад. Солдаты сунулись туда, но Клава и Оля, более дисциплинированные, закричали, чтоб они остановились:

«Куда вы, не ходите, везде мины!» Рыжий немец замотал головой: «Мин — найн!» — и первым пошел на склад. Тут же он вытащил девушкам большую коробку с шоколадом и сам ее открыл: «Битте!» Коробку, конечно, Клава с Олей взять не смогли, и вещмешки были в обозе, только набили как следует карманы, чтобы угостить девчонок.

Бой кончился, собрали раненых, и солдаты сказали девушкам, что их вызывает командир: хотел узнать, откуда, из какой они части. Выяснилось, что попали они в 608-й полк. «У нас и девчат-то нету», — объяснил офицер и спросил, кто их командир батальона. Они ответили, и офицер по телефону позвонил к ним в штаб. Как оказалось, там за них беспокоились. Была уже ночь, но командир 608-го велел ординарцу проводить девчонок в их полк и по рации передал, что нужно их представить к награде. Гордые, шли они обратно, но комбат встретил трехэтажным матом. «А если бы вы к немцам попали?!» — орал он. Клава-то знала, почему он орет: испугался за них, за нее. Она комбату нравилась, он не скрывал этого. Ей тоже нравился комбат Михаил Прокопович Денищев — казавшийся ей очень взрослым, крепкого сложения, симпатичный шатен с карими глазами, смелый командир.

Ночевали девушки в каком-то доме, в маленькой комнате. От убранства дома «разбежались глаза» — девушки в первый раз «увидели роскошь» — пуховые одеяла и подушки. Открыли шкафы и смотрели на висевшие там «платья красивые, длинные». На следующий день часть провели по Кенигсбергу. Город был сильно разрушен, Клаве запомнилась только церковь, которая стояла нетронутая.

После взятия Кенигсберга дивизию повезли эшелоном на 1-й Украинский фронт, и по дороге комбат не давал Клаве проходу. «Ну что, — спрашивал он, — будем жениться?» Клава не совсем ему доверяла — много было таких, кто обманывал девчонок. Подавали заявление, а потом оказывалось, что в тылу у него семья и дети. Но Михаил на Клавин прямой вопрос о том, есть ли у него жена, только засмеялся: «Да нет, не успел я до войны жениться. У меня только мать в Нижнем Новгороде». — «Ладно, я подумаю», — ответила Клава[452].

Комбата уже не было в живых, когда, еще на фронте, Клаву наградили медалью «За отвагу». А орден Славы III степени, к которому ее представили за то, что подняла тогда солдат в атаку,

нашел ее уже после войны. Встретившись с Олей после войны, Клава узнала, что «Славой» наградили и Олю.

Глава 20
«Коленька, держись!»

«Девчонки, раненым бы молока», — попросил командир полка Шлихтер. Вера Чуйкова пошла искать ведро: она еще совсем маленькой умела доить корову. Недоеных коров здесь, около Штеттина, было предостаточно[453]. «Откуда-то издалека доносилось их истошное мычание, похожее на предсмертный вой», — вспоминали потом «ночные ведьмы», пилоты ночных бомбардировщиков, — они тоже бомбили немцев где-то недалеко[454]. Многие вспоминали потом тех коров с горьким невыдоенным молоком в вымени: даже Илья Эренбург писал 1 марта 1945 года: «Если можно кого-нибудь пожалеть на немецких дорогах, то только крохотных, ничего не понимающих детей, обезумевших недоеных коров да брошенных собак и кошек; только эти непричастны к злодеяниям». Этих коров и другой скот солдаты нередко убивали уже не для мяса, а просто для забавы. Частенько, убив свинью, брали с туши мяса всего пару килограммов. Донесение по 31-й армии упоминало: «В населенных пунктах зачастую можно увидеть зарезанную свинью в 5–6 пудов весом, от которой отрезана и использована лишь часть мяса. Остальное брошено и обречено на порчу»[455].

Вера Чуйкова, прожившая все свои двадцать лет не такой уж сытой жизнью, была потрясена здесь, в Восточной Пруссии, богатством брошенных немецких домов: хрустальные люстры, бархатные портьеры, паркетный пол, ковры. Солдат, с наслаждением громивших все это, она не одобряла: зачем? Придет сюда советская власть, отдадут дворцы школам, или сирот тут поселят! Но — как же без этого? — и она с подругами отъедались за все свои голодные годы: что проще, чем поймать и ощипать курочку? В рюкзаках — немецкая домашняя ветчина и колбаса, конфеты. Как она вспоминала все это потом: в конце сороковых в ее деревне жилось хуже, чем до войны.

А в Пруссии… Бульон куриный больному — конечно! Молока надоить — сейчас найдем коровку! Чего только Вере не пришлось делать на войне — и раненых вытаскивать и перевязывать, и землю копать, и коров доить, и прожектористкой работать. А вот по людям, хоть и была снайпером, стрелять не довелось. И слава богу, думала Вера, такой грех брать на душу!

В снайперской школе в Подольске этой кареглазой невысокой девушке с точеной фигурой лучше всех во взводе удавалась

стрельба, так что оставили в инструкторской роте. На фронт ее с товарищами проводили 1 февраля. По дороге состав остановился в Ковеле, где вместе с другими солдатами девушек водили смотреть на концентрационный лагерь. Показали печь, в которой сжигали людей, горы одежды и обуви, взрослой и детской. Пара детских поношенных ботиночек долго стояла у Веры перед глазами[456]. Более эффективную моральную подготовку к фронту сложно себе представить. В этом лагере, как объяснили девушкам, еще и проводили эксперименты, убивая людей электрическим током[457].

Когда они добрались до своей части, 1-й Белорусский фронт стоял в Познани. Взвод придали 236-му стрелковому полку, и комбат Бочаров сразу же устроил им смотр — кто как стреляет. Руководил какой-то молоденький парень, про которого сказали, что он — знаменитый снайпер. Фамилии паренька («весь в орденах!») Вера не запомнила, ее подруги — тоже, потом жалели об этом. «Стреляли отлично, нянек не надо», — доложил этот снайпер командиру полка. Но командир полка Шлихтер, очень хороший мужик, не хотел рисковать ими. «Девчата, я буду вас беречь. Куда я вас буду совать на передовую?» — сказал он как-то и сдержал слово. Они не сделали ни одного выстрела. Комбат Бочаров, мужчина среднего возраста, тоже относился к ним как отец.

Бывало, конечно, всякое. Их ждали не только насмешки солдат, в наступлении подсматривавших в стереотрубу, когда девчонки садились в воронке сделать свои дела, не только приставания и солдат, и офицеров — особенно когда выпьют. С 69-й армией они шли по 30–40 километров в день пешком, с тяжелой ношей. Был ад переправы через Одер. Были страшные артобстрелы, в том числе советскими «катюшами» и артиллерией («Девчонки, сидите в этой воронке, два раза в одно место не попадает», — учил их комбат Бочаров). Одна девушка подорвалась на мине, когда перед самой победой пошла на мостик мыть голову. Была бесконечная, невероятно тяжелая работа с ранеными: они стали фактически санитарками, во время боев перевязывавшими и эвакуировавшими раненых. Вера жалела, что оказывать медицинскую помощь их в снайперской школе не учили. Чего стоило ей перевязать страшную рану на ноге, полученную солдатом у переправы через Одер, — предварительно пришлось вытаскивать из нее тряпки и вату: было уже тепло, но солдат все еще был в теплых стеганых штанах. Да этот солдат еще, не владея собой от страшной боли, заехал Вере по голове! Она часто думала после войны: «А кто выжил из тех, кого я перевязала и вытащила? Спасла ли я кому-то жизнь?»[458]

А на Одере Вера Чуйкова была прожектористкой. В середине апреля 1945-го 1-му Белорусскому фронту предстоял штурм Зееловских высот — укрепленной, «вооруженной до зубов» гряды по левому берегу старого русла Одера, последнего препятствия на пути к Берлину. Немцы приготовились обороняться там до последнего: собрали до двухсот орудий на километр фронта. Генерал армии Г. К. Жуков, командовавший 1-м Белорусским, решил применить ночную атаку с прожекторами — атаковать, ошеломив и ослепив противника. В те дни деморализованные немцы все еще надеялись на немецкое чудо-оружие, которое спасет их, — ходили такие слухи. Одновременно они были напуганы слухами о новом советском чудо-оружии — еще страшнее «катюш». За новое советское оружие они запросто могли принять мощную артиллерийскую подготовку с прожекторами — присутствовал и такой расчет. Однажды Жуков уже пробовал провести такую ночную атаку с прожекторами, контратакуя немцев в самый трудный момент под Сталинградом. Тогда большого эффекта не было, но теперь Жуков решил попробовать еще раз — с большой концентрацией авиации и артиллерии, с мощными прожекторами, которые на этот раз взяли у ПВО.

Участник штурма вспоминал: «В мелкой траншее хлюпала вода, люди стояли в грязи, с автоматами в руках. Пулеметы были выкачены на позиции. Прямо к окопам подъезжали огромные грузовики — выдвигались на передовую прожекторы. Мы не видели раньше этого оружия на передовой и еще не знали, какая роль предназначалась прожекторам… Полсотни моих гвардейцев сели на танки и таким образом оторвались от батальона. Вдруг засияли прожекторы. На одну-две секунды мы увидели траншею противника, вдали Зееловские высоты. Одновременно ударила артиллерия, впереди все заволокло дымом, в котором видно было только сверкание разрывов»[459].

Вера Чуйкова толком не знала, зачем эти прожекторы: им, солдатам, никто идеи высшего руководства не разъяснял. Вызвали ее взвод и сказали, что будут помогать прожектористкам — и делом, и морально, поскольку прожектористки были совсем молодые девчонки, не видевшие переднего края. Той же работой — помощью прожектористкам из Ярославля — занимался и снайперский взвод Веры Кабернюк.

Началась артподготовка. Снайпер Раиса Серебрякова вспоминала, что ужасный «был грохот, канонада. Невозможно было услышать даже стоящего рядом. Наконец — ракета, сигнал включения прожекторов. Белый луч — сигнал к наступлению — „вертикально взметнулся в небо“ в три часа ночи»[460].

Чудовищная по мощности артподготовка длилась, казалось, бесконечно (два с половиной часа, как вспоминали немцы), но на самом деле всего полчаса.

Как вспоминала позже Вера Кабернюк, многие прожектористки были ранены или убиты, когда немцы открыли по прожекторам огонь из дальнобойных орудий. Снайперы заменили их. Вера и ее товарищи считали, со слов своих командиров, что прожекторы внесли большой вклад в успех наступления[461]. «У немцев поднялась паника, им казалось, что на них наступают огненные валы», — вспоминала Раиса Серебрякова. Однако командир 8-й армии генерал-полковник В. И. Чуйков с меньшим энтузиазмом говорил о результатах применения прожекторов: «Должен сказать, что в то время, когда мы любовались силой и эффективностью действия прожекторов на полигоне, никто из нас не мог точно предугадать, как это будет выглядеть в боевой обстановке. Мне трудно судить о положении на других участках фронта. Но в полосе нашей 8-й гвардейской армии я увидел, как мощные пучки света прожекторов уперлись в клубящуюся завесу гари, дыма и пыли, поднятую над передним краем противника. Даже прожекторы не могли пробить эту завесу…»[462]

В поддержку наступавшей пехоте Жуков послал две танковые армии, но подвижные соединения не смогли оторваться от пехоты. Лишь к исходу 17 апреля 8-я гвардейская армия смогла прорвать оборону Зееловских высот. Участник штурма вспоминал: «Перед траншеей все наши, через 6-10 метров: лежат — лежат наши солдаты и офицеры, павшие на этой высоте»[463]. В боях на подступах к Берлину Красная армия потеряла убитыми и ранеными треть миллиона человек — столько же, сколько американцы потеряли за всю войну.

Но в мемуарах генералы написали об успехе наступления, и один из них — генерал-лейтенант Ф.Я. Лисицын — даже упомянул Веру Кабернюк и ее товарищей, в том числе начавшую вместе с Верой воевать под Великими Луками кавалера нескольких орденов Веру Артамонову, закончившую войну со счетом 89. «На помощь пришли девушки-снайперы — лейтенант Артамонова, сержанты Кабернюк, Попова и Власова, — пишет в своих мемуарах генерал-лейтенант Ф.Я. Лисицын. — Во время атаки нашими войсками первой линии вражеской обороны фашисты открыли по светящимся прожекторам сильный огонь из дальнобойных орудий. Многие прожектористки были ранены или убиты. И все-таки установки продолжали светить. Выбывших из строя тут же заменили девушки-снайперы и выполнили боевую задачу до конца»[464].

Статьи о Вере Кабернюк отмечали, что за спасение машины она получила благодарность в приказе, который подписал лично Сталин (№ 359 от 2 мая 1945 года), а ее маме Анисье Петровне в алтайский поселок Зональное командир части отправил письмо, в котором поздравил с заслугами дочери. Биографы упоминают также, что гвардии младший сержант Вера Кабернюк и ее боевые подруги встретили День Победы у стен Рейхстага.

Это — чистая правда. В боях за Берлин Вера и другие девушки-снайперы из ЦЖШСП не участвовали, солдат было достаточно и без них. Но они были в Берлине сразу после победы и расписались на Рейхстаге. Оставила свою подпись и Вера Кабернюк, дочь расстрелянного в 37-м врага народа, которой полковой смершевец, неплохой парень, еще в 1943-м строго-настрого приказал держать язык за зубами и не высовываться: болтовня или просто шуточка, неосторожное слово, сходившие с рук другим, могли ее погубить. Теперь, стоя у Рейхстага среди победителей, она, вернувшаяся в строй после ранения и контузии, доказавшая всем, что родители воспитали ее настоящей патриоткой, верила, что жизнь, когда она вернется домой, пойдет другая и не надо уже будет бояться собственной тени[465].

В апреле 1945-го 31-я армия была переброшена с 3-го Белорусского на 1-й Украинский фронт, с которым после участия в Берлинской операции была передислоцирована в Чехословакию. Передислоцирована — так принято говорить. На самом деле, доехав сколько можно по железной дороге, дальше шли несколько дней пешим маршем через Карпаты в направлении города Легнице. Шли сначала по ночам, а днем, не разводя костров, отдыхали, питались сухим пайком, так как готовить было нельзя. Потом командование, наверное, все же решило, что прятаться нечего, так что пошли и днем. Армия в огромном перемещении — это десятки тысяч людей в нестройных колоннах, орудия, которые тянут лошади, и обозы, обозы…

Комбат Михаил Денищев погиб 19 апреля, когда армия почти завершила огромный переход. После ночного перехода днем спали в палатке: комбат с ординарцем, Клава и шесть ее подруг-снайперов. Под вечер снова двинулись в путь. Клава рассказала подругам, что видела сон: оторвалась подошва у левого ботинка. Кто-то из девушек сказал: «Это что-то нехорошее». Они все были суеверны — как большинство русских людей, и даже больше — потому что были молодыми девчонками и потому что здесь рисковали жизнью и каждый день видели смерть.

Снайперский взвод шел позади основной массы полка, поднимались в гору. Навстречу ехала танковая колонна. В какой-то момент движение остановилось. Потом снова двинулись, и тут

Клаву отыскал ординарец Михаила и сообщил страшную новость. Денищев воевал с 1941 года, выжил, когда подбили его танк, и вернулся в строй после ранения, и вот погиб глупой смертью перед самой победой. Комбат решил ехать на необъезженной лошади, хотя его предупреждал об опасности ординарец. Лошадь, испугавшись танка, встала на дыбы и сбросила его прямо на гусеницы. У него раскололся череп, и Клава, когда прибежала с ординарцем и увидела страшную картину, зарыдала. Подруги пробрались за ней к месту трагедии и утешали как могли. Отставать от полка было нельзя. Тело положили на подводу, Клава как в тумане пошла рядом, за телегой — другие девушки и солдаты.

Дошли до Легнице, комбата хоронили там. Разведчики в сарае нашли подходящую бумагу, и из нее девушки наделали цветов и венков. Шел конец апреля, но Клава точно помнила, что настоящих цветов на похоронах не было. Михаилу устроили торжественные похороны, был командир полка и его заместители, дали залп в воздух. Клава много плакала. Отказалась взять часы или что-то из личных вещей Михаила — сказала, чтобы отправили матери. Оставила себе только фотокарточку. На девять дней была на могиле с девчонками, начальником по тылу и начальником по строевой подготовке, которые дружили с Михаилом. Слава богу, что рядом были подруги — Клава запомнила, как утешала ее Аня Матох: «Клава, уже не плачь, не вернешь». Наверное, слова Ани врезались в память еще потому, что и Ани через несколько дней не стало.

Впереди был город Яблонец — армии поставили задачу взять его, но немцы не собирались сдаваться без боя, воевали здесь и после 9 мая. Именно здесь, в Чехословакии, шли даже после 9 мая самые жестокие бои. В ночь с 25 на 26 апреля полк занял оборону в деревне Явор. Их подняли по тревоге ночью. В комнате, которую снайперам отвели при штабе полка на втором этаже дома, они спали одетые, сняли только гимнастерки. Через минуту они уже были у окон на первом этаже. Оказалось, что немцы прорвались рядом с ними на соседнем участке, который защищала штрафная рота, и часть оказалась в окружении. Какие-то солдаты залегли в окопах, снайперы выставили винтовки в окна и вскоре уже стреляли по пробегавшим очень близко немцам. Дальше произошло очень страшное: метрах в пятидесяти от дома показалась немецкая самоходка и Логинова, стоявшая у окна с Таней Маркеловой, увидела, как дуло медленно поворачивается в их сторону.

«Сейчас стреляет, нам конец», — успела подумать Клава. Из самоходки высунулся немец, и Клава и Таня обе по нему

выстрелили. Как он упал, они не видели, потому что самоходка выстрелила по ним.

Потом они узнали, что снаряд попал в стену. Их отшвырнуло взрывной волной, комната заполнилась пылью, вокруг сыпались кирпичи. Они не могли прийти в себя и почти ничего не слышали. Куда бежать, им показали прибежавшие в дом — за ними — знакомые ребята-разведчики. «Снайпера, мы окружены!» — крикнули они и потащили Клаву и Таню за руки из полуобрушенного дома. «А где Аня Матох?» — спохватилась Клава. «Вон, гляди!» — показала Таня. Тело Ани сидело у стенки, рядом лежала оторванная голова.

Клава и Таня побежали за разведчиками, из кустов по ним стреляли. «Прыгайте!» — крикнули солдаты: впереди был высокий забор. Как перепрыгнули, Клава не помнила — потом пыталась представить себе и не могла.

За этим забором они заняли оборону, и вскоре подошедшая другая часть их разблокировала. Разведчики их спасли, была уверена Клава. И, встретив их через несколько дней, подбежала и поблагодарила: «Ой, спасибо вам, ребята!»

Через несколько дней, когда 1-й Украинский фронт занял Яблонец, Клава возвращалась в Явор, в тот дом: искала Аню и свои вещи, которые так и остались на втором этаже, где ночевали девушки. Аниного тела в доме не было, и не удалось узнать, кто похоронил ее. Из своих вещей Клава нашла только фотографию сестры Тани, на которой отпечаталась подошва сапога. Жаль было вещмешок — в нем было все Клавино фронтовое имущество, все фотографии и письма от родных. Фотографии остались лишь те, которые Клава присылала с войны сестрам и матери, и еще фотография Михаила, которую Клава носила в кармане на груди[466].

«Все было на войне. И смертью нелепой погибла Нина Толченицына, а я осталась жива», — записала через много лет после войны Анна Соколова. Как и другим, ей было очень обидно за товарищей, погибших в последние дни войны, и мучила вина за то, что не тебя забрала смерть. Около Моравской Остравы полк переходил Одер по понтонному мосту, и немцы стреляли с другого берега. «Вода ледяная, холод, скользко, течение очень быстрое», — вспоминала Соколова. В этой неразберихе Нина, когда ее легко ранило, упала с моста и утонула. Какой глупой была ее смерть! Река здесь была совсем мелкая, «по щиколотку». Погубило Нину то, что они совершенно вымотались после пешего марша — «день и ночь с полной выкладкой»[467]. Сколько они видели уже смертей, но умершие в последние дни войны запоминались навсегда.

«Снайпер! Снайпер!» — кричал молоденький солдат, которого все звали Коленька. Он умирал от полученного 8 мая тяжелого ранения в живот и хотел, чтобы Тая Киселева, помогавшая в госпитале в качестве санитарки, посидела с ним. Тая садилась и держала его за руку. «Ты ему только воды не давай!» — предупреждал ее, проходя по коридору, врач — как будто еще была надежда. По лицу у Таи то и дело текли слезы, было так жалко этого юного солдатика, умиравшего теперь, когда со дня на день кончится война. «Коленька, держись!» — а что еще она могла ему сказать?

В госпитале Тае нравилось, она подумывала, когда вернется, пойти учиться на врача. Она делала простые перевязки и помогала на операциях, пару раз даже упала в обморок, надышавшись наркоза: его давали раненым очень примитивным способом — попросту лили на рубашку, положив ее пациенту на лицо. «Кого мне дали в помощь!» — негодовал тогда хирург.

Немцы здесь, у границы Чехословакии, сопротивлялись как проклятые, и раненых в эти последние дни войны и даже после победы прибывало очень много. Среди них оказался офицер, который за Таей ухаживал, — заместитель комбата Ильницкий. «Свела судьба», — сказала ей одна из медсестер. Мстислав Ильницкий был старше Таисии на десять лет, образованный, из хорошей ленинградской семьи, обходительный и вежливый. По натуре — совершенно не солдафон, пользовался уважением солдат. Девчонки, видя, как он галантно дарит Тае после боя цветочек, завидовали и шипели ей, что она подметки его не стоит. Но она поняла, что любит его, только когда увидела тяжело раненным в госпитале. Так обидно было, когда в те дни умирали раненые: они ведь пережили войну, война кончилась!

Ильницкий тоже звал в бреду снайпера, и пришедший посмотреть на него командир полка велел Тае идти сидеть с ним: «Он тебя зовет, иди!» Она села у кровати, и раненый «мертвой хваткой» вцепился в ее руку и ни за что не хотел выпускать. Как считала Тая, Ильницкого выходила она. В госпитале, вместе, они встретили победу[468].

В начале мая 1945 года «ночные ведьмы» летали с аэродрома севернее Берлина — точнее, просто с зеленого поля около городка Брунн. Летать было «почти некуда» — противник везде капитулировал. Бомбить посылали только группировку в районе порта Свинемюнде, откуда «немецкие войска спешно удирали пароходами через Балтийское море». Знакомясь с «районом боевых действий», они вылетали в дневное время «по

треугольнику», стараясь, конечно, отклониться от маршрута в сторону Берлина — увидеть «логово фашистского зверя», как называли этот город в газетах. Их глазам открывался «огромный серый полуразрушенный город. Он весь дымится, кое-где догорают пожары. Небо почти сплошь затянуто дымом, и солнце светит слабым желтоватым светом…»[469]Неужели кончается война?

Немцев в Свинемюнде добивал на земле полк Тамары Рогальской, который повернули с берлинского направления в начале мая. Переправляться они должны были на шлюпках, и, хотя с большой земли их поддерживала огромная сила артиллерии и с воздуха тоже поддерживали, переправляться было очень страшно. Все понимали, что это уже конец, но немцы стреляли вовсю. Зайдя по пояс в воду, девушки забирались в шлюпки. Тамара залезла первая, думая о том, что плавает очень плохо. Переправившись, девушки услышали, что погиб Павел Ярыгин, комбат из их дивизии, молодой, веселый командир, который здорово пел и нравился девушкам. Когда был взят порт Свинемюнде, встретились с другим полком той же дивизии. Солдаты кричали: «Победа! Победа!» — и девушки подумали, что это кричат потому, что взят порт.

Тамаре и ее подругам довелось участвовать в братании с союзниками. Почти никто из них ни до этой встречи, ни после не видел иностранцев. Поразило их то, что американцы были всякие — и белые, и черные. А американцев поразили эти молодые женщины с автоматами (в том наступлении они были без винтовок). Тамара запомнила, как два солдата — черный и белый — кричали, увидев их, «Вау! Вау!», девушкам это показалось очень смешным. Кто-то из девчонок, как и солдаты, уже вовсю обнимался с американцами. На сердце было ощущение необыкновенного счастья[470]. Как все они мечтали об этом дне, о том, что «мы доживем и кончится война, и какая тогда будет жизнь…»[471].

Глава 21
«Ничего не обещают они!»

Часть Веры Чуйковой стояла в сорока километрах от Берлина, и, как многих солдат, девушек-снайперов возили после победы в фашистскую столицу на экскурсию. Первое впечатление у Веры было: «с нашей стороны весь город разрушен». А в городке, где они стояли, организовали «лагерь гражданских» для женщин — фильтровали, проверяли тех, кто внушил подозрение советским властям. Девушки-снайперы пошли туда из любопытства, посмотреть. Издалека, из-за ограждения, женщины из лагеря — русские женщины — махали им. Комбат Бочаров, узнав, что девушки туда ходили, предупредил: «Вы с этими женщинами не общайтесь» — и объяснил, что эти русские женщины специально были заражены венерическими болезнями[472]. Девушек-снайперов охватила брезгливость и жалость к тем женщинам и злость на них, что немцам продались: теперь вот сами виноваты.

Все, чего хотелось Вере и ее подругам, — это отоспаться после тяжелых последних месяцев. Однако расслабиться не получалось: до победы они обучали пополнение, солдат 1926 года рождения. Сначала отношения не складывались — девушки-сержанты начали с солдатами заниматься строевой подготовкой; солдаты роптали, что баб поставили. Потом, когда пошли занятия с оружием, в том числе трофейным, которое девчонки учили солдат разбирать, собирать, пристреливать и метко стрелять из него, солдаты все же начали испытывать к этим девушкам уважение. А девчонкам очень хотелось домой. Все обсуждали, как приедут, как переоденутся в платья, что приготовят из еды, куда пойдут. Комбат, очень хороший человек, когда слышал об этом, все говорил им: «Девчата, девчата, куда вы так рветесь, там ничего хорошего нет…» Без подробностей: он и так рисковал. Вера убедилась в том, как он был прав, только вернувшись домой: письма, которые приходили им на фронт, были просмотрены цензурой, «половина заляпана, оставят про домашние дела только», так что они не знали даже, что в тылу все еще карточки и голод[473]. «Все так ждали победы, так хотели домой вернуться, родителям помогать»[474], — вспоминала Лидия Бакиева.

Отпраздновали победу, а о демобилизации для большинства из этих девушек и речи не шло. Веру и ее подруг отправили помогать Смершу: требовались писари, составлять бумаги на бывших советских военнопленных. Вере запомнились длинные опросные листы — где попали в плен, где были в плену, и так

далее, и так далее. Во время допросов в комнате сидела служебная собака. «Наверное, не надо так с людьми, — шептались девушки в казарме. — Воевали же, кто-то раненый в плен попал, кто контуженый». А их теперь как врагов допрашивают, с собакой. Однако все сходились в том, что наверху начальству виднее[475].

А Клава Пантелеева тем временем уже вышла на работу на свою ткацкую фабрику. После победы она и ее взвод лишь пару недель были со своей частью. В первые дни девушки поднимались у землянок на бруствер и смотрели на длинные-предлинные колонны пленных немцев, которых гнали мимо. Один из них неожиданно вытащил из кармана и подарил Клаве флакончик духов: откуда он у него взялся? Потом немцев уже не было, а солдатам, чтоб не скучали, нашли занятие: хоть стояли они на опушке какого-то леска, но расчистили там все дорожки и бровки выровняли. Уже в июне девушек демобилизовали и с первым эшелоном отправили домой: точно как показывают в фильмах, ехали девчонки и «старики» — солдаты, которым было по сорок или даже по пятьдесят. Клава запомнила, как много среди них было ездовых, войну-то вели почти всю на лошадях! К большой радости девушек, заменили им шинели — у Клавы была шинель и горелая, и рваная. Дали новые — отличные английские, серого цвета (Клава потом перешила себе на пальто, и не она одна), и повезли в теплушках — таких же вагонах для скота, в которых чуть больше года назад везли на фронт. Дали им с собой продуктов «полно» — и сухарей, и брикетов пшенных, и еще чего-то в этом роде. Теперь, когда Германия осталась позади, эти продукты снова стали большой ценностью — а как рада была им большая семья Клавы! Привезла она и денег — пока была на фронте, у нее копились на аттестате, немного, конечно, но все это было большое подспорье голодавшим родителям, брату и сестре — «разговелись»[476].

Через пару дней после победы в Яблонце играли свадьбу: снайпер Люба Гусева выходила замуж за хорошего парня, разведчика. Пригласили гармониста, и Клава Логинова с подругами наделали пельменей — по рецепту, которым пользуется на Урале чуть не каждая хозяйка:

1 стакан холодной воды
чуть-чуть соли
1 яйцо
1 килограмм муки
1 килограмм мяса

Муку высыпаешь горкой на стол, воду надо смешать с яйцом и солью и лить в муку понемножку, все время мешая. Можно и без яйца. Тесто должно получиться такое крутое, чтобы само отлипало от рук. Фарш самый вкусный — из трех сортов мяса: говядины, свинины и баранины. В старые времена, конечно, вместо баранины клали «дикое мясо» — лося или косули. Фарш, даже когда появились мясорубки, в пельмени клали только рубленый. Готовые пельмени замораживали в полотняных мешочках, вывесив на улицу. Перед тем как высыпать пельмени из мешочка в кастрюлю с кипящей водой, мешочек нужно было как следует потрясти, чтоб пельмени загремели — а то будут вариться склеенными. На Урале заготавливали пельмени на зиму после того, как наступали большие морозы. За дело садились всей семьей, чтобы наделать сотни маленьких пельменей. Садились вместе несколько поколений женщин (мужчины только мясо рубили), работали, песни пели, разговаривали.

Трех сортов мяса у Клавы в Яблонце, конечно, не было, но какое-то мясо и муку разведчики притащили. Лепили девчонки и говорили, как запомнила Клава, все о том, как домой поедут, к мамам. Очень хорошую свадьбу сыграли: танцевали, веселились, привели гармониста. У Клавы немного отлегло от сердца: скоро она будет с мамой и расскажет обо всем, что пережила на войне.

14 августа на станции Бобырка Львовской области всех девчонок с Урала погрузили в товарный вагон с сеном и соломой и медленно тронулись в сторону дома. С собой у Клавы был запас продуктов и вещи — все это выдали, когда провожали девушек из части: два отреза ткани — шелковый и белый штапельный, два платья — синее из плотной материи и летнее крепдешиновое, брюки из красивой ткани, похожей на плащовку, и черные туфельки на высоком каблуке. Когда Клава через несколько лет выходила замуж, брюки очень пригодились: сделали из них верх для одеяла. Продуктов дали как следует — 4 кг сахара, 4 кг муки, еще крупу и концентрат, все вместе весило 12 килограммов. Свое богатство Клава везла в чемодане и в рюкзаке. Ехали две недели, хотя останавливали поезд мало. По дороге на остановках девчонки сходили с поезда, и становилось их меньше и меньше. Много вышло в Москве. Ехали весело: хорошо кормили в пути, гармонисты играли на гармошках, пели фронтовые песни. На станциях люди встречали с цветами, с подарками, с песнями. Приносили детей. Искали среди солдат своих. Поздравляли, обнимали, смеялись и плакали[477].

Тасе Пегешовой не повезло. Она влюбилась в молодого

офицера своего полка, который после нескольких свиданий начал ее избегать — надоела, серьезных намерений у него не было. Для Таси, девчонки из деревенской семьи, потерять девичью честь и быть брошенной было бедой и позором.

Она пошла к замполиту и все рассказала. Замполит вызвал обманувшего Тасю офицера, который, все выслушав, спокойно заявил: «Я ничего ей не обещал. Что касается наших отношений, то она сама этого захотела». Вот и все — передернул, но что тут возразишь? И что замполит мог для Таси сделать? Слава богу, не забеременела.

«И правда, ничего не обещают они!» — думала Аня, утешая плачущую Тасю. Она тоже нашла в Чехословакии свою любовь, и, пусть пока все складывалось по-другому, она и переживала, и сомневалась. Что там, в будущем?

Под Яблонцем незадолго до конца войны она снова встретила того капитана, который когда-то в траншее назвал их с Тасей посторонними и ругал их, а потом приглашал Аню с Розой Шалаевой на чай и дразнил Аню «москвичкой». Он очень Ане нравился. Сколько могла, она все же упиралась. Когда Анатолий спрашивал: «Ты девочка?» — делала вид, что не понимает, и отвечала: «Нет, я мальчик». И все же сдалась. После победы Анатолий забрал ее к себе в часть, и до демобилизации она была там писарем. Многие ее подруги из взвода тоже были уже кто где — с фронтовыми мужьями, из которых потом многие, но отнюдь не все стали им мужьями в мирной жизни.

В Москву Аня с Анатолием поехали вместе — демобилизовали, и, когда собирали состав на московское направление, Анатолий сказал, что нечего ей ехать домой в Семанщину — успеет. Прямо с войны он привез Аню в комнату в Марьиной Роще, где жили его родители, где он вырос[478].

«Часто задумываюсь, как мы, военные девушки, будем возвращаться с войны? Как нас будут встречать? Неужели с подозрением, несмотря на то что мы рисковали жизнью и многие из нас погибли в боях за Родину?» — писала, волнуясь о будущем, Роза Шанина. Аня про это тоже, конечно, думала, но такой реакции от родителей своего жениха не ожидала.

Отец Анатолия встретил ее враждебно и прямо при ней убеждал сына: «Столько сейчас девок свободных, богатых, а ты что привез?» Мать молчала, но было видно, что она тоже не пришла в восторг при виде Ани. «Это моя жена», — ответил Анатолий, и снова пошли возражения, что жить ему негде, никуда не пристроен, а привез вот эту женщину — в шинели, в сапогах, ее же еще и одеть во что-то надо. Как будто не привезла Аня с

собой и отрезы, которые выдали при демобилизации, и продукты! Анатолий в ответ сказал фразу, которую Аня помнила всю жизнь: «Это — чистое небо». И больше разговоров не было.

Про трагедию девушек, вернувшихся с войны и встреченных соседями или даже собственными семьями так, как будто они были на фронте проститутками, написала Светлана Алексиевич[479], и прибавить к этому нечего. Такой поворот предугадала Саша Екимова, которая в 1944 году записала в дневнике Розы рассказ о трех девушках.

«Милая Розка, в ночь на 30 ноября 1944 г. мне приснился такой сон. Шел июнь 1947 г. Был прекрасный солнечный день. Столица Советского Союза Москва жила прежней шумной жизнью. Прошло два года со дня окончания суровой войны. Участники боев вернулись в родные края… Как изменились эти люди за два года мирной жизни! Сегодня особенно шумно на улицах Москвы — воскресный день. По улице им. Горького шли две девушки… Заметно было, что они куда-то спешат. Дойдя до белого дома, они остановились у подъезда. Через несколько минут из подъезда вышла третья девушка. На ее устах сияла улыбка. Не прошло несколько секунд, как эта тройка продолжила свое шествие дальше… Навстречу им шла пара. Глаза девушек мигом устремились на эту пару. Стройный молодой человек в военной форме был элегантно одет. На руках у него в легком покрывальце был завернут ребенок. Рядом с ним шла стройная девушка — брюнетка. Они о чем-то весело болтали… Молодой человек устремил свой взор на трех девушек. Глаза их скрестились. Мигом у каждого перед глазами пролетела вся фронтовая жизнь. Их дружба — снайперов и катюшников.

Поравнявшись, они не остановились. Лишь кивнули головами в знак приветствия. Два года мирной жизни резко изменили этих людей… А когда-то они были большими друзьями… Видимо, молодой человек счел низким для себя признать себя другом перед лицом своей спутницы. Три девушки продолжили свой путь, но молча. Если бы вы внимательно посмотрели им в лицо, без всякого труда бы заметили, что одна из них особенно угрюма…»[480]

Послевоенную жизнь из «боевой тройки» увидела только Каля. После того как был взят Кенигсберг, ее дивизию повезли воевать с Японией. Ехали в вагонах — сначала, может, две недели, до Москвы. Красивый оживленный город поразил контрастом с мертвым разрушенным Кенигсбергом. Пока стоял поезд, она успела забежать к тетке с дядей, и дядя-генерал провожал ее на вокзал. На командира Кали дядя произвел

большое впечатление: подруги знали, что есть такой дядя, а офицерам скромная Каля не хвасталась. «Я не знал, что у тебя дядя генерал, я бы за тобой ухаживал», — сказал командир. И снова — недели в пути. На станциях устраивали концерты самодеятельности, которые организовывала и вела снайпер Зоя Михайлова — ее давно уже прозвали артисткой. Снайперские винтовки были при них, начищенные, по-прежнему хранимые как зеница ока. Но на Дальнем Востоке они из них не стреляли — поработали телефонистками, а скоро война кончилась и их демобилизовали.

После школы Каля хотела идти в институт иностранных языков, а когда ехала с войны, решила стать врачом: после всего пережитого хотела спасать людей. Но в Москве общежитие ей обещали только в университете, туда и пошла — учиться на гидролога. А почему нет, отличная профессия. Сестра ее приодела, и пошла совсем другая жизнь. Тяжелая и не очень сытая, но для того страшного, что было в прошлом, в ней уже не было места. В семидесятых годах к Калерии Александровне Мороховец, «научному сотруднику, яркой, уверенной в себе женщине», в которой с трудом можно было узнать «глазастого солдатика», смеявшегося с фронтовой фотографии вместе Розой и Сашей, зачастили корреспонденты, писавшие о Шаниной. Калерия показывала им на фотографиях тех, кто вернулся с войны, и тех, кто погиб: Машу Шварц, Сашу Екимову, Розу… Дусе Шамановой удалось спастись от немцев, утащивших Танайлову и Нестерову, но потом она все же умерла от ран. Валя Николаева ранена в челюсть, Ева Новикова — в глаз. Аня Нестерова умерла в концлагере, Люба Танайлова отсидела в немецком лагере, потом была отправлена в советскую ссылку. Надежда Минаева умерла от ран. Погибли Анна Лысенкова, Маша Фертова, Дуся Кекешева. И Валя Лазоренко, и Пасашникова, и Карева…[481]

Эпилог

«Однажды мама пошла за водой, — вспоминала снайпер-ветеран Ирина Изместьева. — Когда возвращалась обратно, издали увидела, что какой-то солдатик свернул на их улицу. Это была я — в гимнастерке, в кирзовых сапогах, с полупустым рюкзаком за плечами»[482]… Девушки-снайперы возвращались домой.

Мама Клавы Логиновой, зная из писем, что дочь демобилизовали, все встречала поезда на станции. Пока Клава была на войне, мать все время за нее молилась и свечки ставила. И думала про себя, что только бы не калекой Клава вернулась, тогда пусть уж лучше убьют. Очень много возвращалось с фронта калек. Однажды она увидела на станции девушку в военной форме с обгорелым лицом. Перепугалась: думала, Клава.

Когда Клава сошла на станции, дело было к вечеру, до дома доехать она не успевала. Добралась до завода, где работала сестра, и позвонила ей. Сестра за ней приехала на лошади и начала звонить всем родным: «Кланя приехала, живая!!!»

Мать не сразу пустила Клаву работать, хотела, чтобы пришла в себя. Она была права, конечно. В городке добывали магнезит, взрывали породу и ночью. И частенько, услышав взрыв, Клава вскакивала с кровати и хватала шинель — бежать (она долго еще ходила в этой шинели, как и большинство фронтовиков)[483].

Катя Передера провела в госпиталях целый год, раз пять ее оперировали: пятка была размозжена, раздроблено в ней множество мелких косточек. Но в госпиталях вокруг были люди, и Катя, очень общительная и добрая от природы, поверила, что и больная, неходячая, может им помогать — не делом, так словом. Решила, что станет врачом, и в будущее смотрела с оптимизмом — не всегда же будет болеть! Оказалось, что ходить она сможет лишь с трудом, с палкой.

В первые месяцы в Кропоткине она еще раз поняла, какая замечательная у нее семья. Родители ухаживали за ней, как за маленькой, чуть с ложечки не кормили, работу по дому делать не давали. Но в родном городе Катя сразу ощутила неприязнь. Неприязнь к ней, снайперу, тяжело раненной на фронте, инвалиду! «Что ты, жениха там искала и не нашла?» — мог спросить ее кто-то из старых знакомых — на юге России люди не очень-то воздержанные на язык. И часто приходилось слышать за спиной: ППЖ или ПБВ. Как там расшифровывалось это ПБВ, Катя не знала, но было обидно до слез. На фронте она два раза

влюблялась, но до близких отношений не дошло. Сначала на Тамани познакомилась с Левой, молодым сержантом, но только один раз и успела с ним двадцать минут погулять, обманув бдительного командира Полтора Ивана. На следующий день Леву ранило, и больше она его не видела.

Второго парня звали Александр Виноградов — большая Катина любовь. Красивый и веселый, бывший летчик, после ранения переученный на артиллериста-корректировщика. Очень скоро его часть ушла из каменоломен, и больше — ни слуху ни духу. После войны Катя думала поискать его, но сколько в стране Александров Виноградовых — сотни, тысячи?

В Краснодаре, куда она поехала учиться в медицинский институт, ей случалось тоже встречать презрительное отношение к себе. И в очереди иногда вперед не пропускали, хотя видели, что еле стоит, опираясь на палку, а на ней шинель. Вернувшись домой, Катя залезала в ванну с холодной водой, чтобы облегчить боль в ноге, и плакала.

Слава богу, добрые попались однокурсники в институте — и девчонки, и ребята. Большинство были моложе, и Кате многие помогали — стирали, продукты покупали, приносили, кто жил в Краснодаре, из дома что-то вкусное. Мама купила ей розовое платье из вискозы, сестра Нина помогала тоже с одеждой и продуктами, как начала работать. Жизнь налаживалась.

Катя пробовала даже ходить на каблуках, с трудом напяливая туфлю на искалеченную ногу. Только очень на этой ноге терлись чулки, а они, как соль, были баснословно дорогие. Когда началась в институте специализация, Катя поняла, что не сможет на работе много стоять, так что стала медиком-микробиологом. Вышла замуж и родила двоих мальчиков и, как обещала когда-то своим фронтовым подругам, возила сыновей на Сапун-гору, чтобы показать им, где она воевала и где погибла ее подруга Женя[484].

Через несколько лет после победы в харьковской школе, которую закончила Тая Киселева, появилась доска с фамилиями выпускников и учителей, кто был на войне. Там были все мальчики из класса Таи, из девушек — только она. Все мальчики воевали и почти все погибли[485].

Сколько людей Советский Союз потерял на той войне? Книга потерь в Великой Отечественной под редакцией Г.Ф. Кривошеева содержит цифры: 10008434 безвозвратных потерь, 18190693 санитарных[486]. Историк Елена Сенявская утверждает, что лишь 3 % мужчин, рожденных в 1923 году, пережили войну[487]. Есть оценки, которые сильно отличаются от приведенных выше, что неудивительно: сильно разнятся также и оценки численности

довоенного советского населения — да и объективность советской статистики нередко вызывает сомнения.

Эта книга — не о целом, а о частном, не о статистике, а о людях, из которых статистика состояла. Из деревни Прохоровское — теперь ее нет уже — уезжали в 1943-м на фронт вместе с Верой Чуйковой еще две девушки. Обеих звали Тонями. Все трое вернулись осенью 1945-го. А из молодых парней, которые ушли на войну из этой большой деревни (75 домов), не вернулся никто. Ни один из парней 1923 года рождения, ни один — 1924-го, ни один — 1925-го.

Вскоре после возвращения Вера с Тоней пошли в деревне на танцы. Плясали девушки моложе их — подросли, пока они были на фронте. Плясали что-то новое, что Вера не знала, пели частушки, которые появились без нее. Ребята Веру не приглашали — все они были на несколько лет ее моложе. И стало им с Тоней «как-то обидно». Девчонки еще и начали намекать — не все, но нашлись такие, — «какая же ты девушка, ты ведь в армии была!». Вера с одной из них пошла напролом: «Что я там, проституткой была?» И девчонка оставила ее в покое.

Вера через пару лет вышла замуж за парня моложе себя на четыре года. А до этого все надеялась, что найдет ее все же тот, с которым познакомилась на фронте, — танкист Слава Гондарь. Слава ей признался в любви, но его часть подняли по тревоге, и больше Вера его не видела и не имела от него вестей. Погиб, адрес потерял или нашел еще кого-то и забыл ее? У Веры остался адрес его матери — где-то на Украине, но она не стала писать туда, «закрутилась как-то», очень уж трудная жизнь пошла в колхозе без мужчин[488].

Только пятеро парней вернулись в большую деревню Лиды Ларионовой, а ушло 120 мужиков и ребят. Лида, уходившая на войну с узелком, в штопаной-перештопаной юбке, вернулась аккуратно и богато, по деревенским меркам, одетая — в плотных чулках, в новой подогнанной гимнастерке и юбке, куртке, в брезентовых сапожках по размеру. Кое-что привезла с собой, повидала другие страны. А жизнь в деревне после войны ждала ее такая же беспросветная, как довоенная, — только почти без надежды выйти замуж. Как и до войны, обирало государство, заставляя работать за гроши и платить неподъемные налоги. Как и до войны, спасались своим хозяйством, держали какой-то скот. Как и раньше, случались голодные годы — конец сороковых был страшнее тридцатых. И даже после войны не выдали деревенским паспорта, так что даже в райцентр они не могли убежать из своей деревни.

За то, что воевала, долго еще после войны ничего ей не доплачивали. Да и вообще она быстро поняла, что не стоит лучше болтать о том, что она фронтовичка[489].

К мужчинам, кто воевал, относились с уважением, пусть и без придыхания, к женщинам — по известной причине — зачастую подозрительно или враждебно, иногда с жалостью, но уважением и не пахло. Кому мужья, кому родители или подруги намекали, что о фронтовом прошлом лучше помалкивать. Они научились этому. И позже, когда при Брежневе ветераны оказались в большом почете, когда стали проводить для них встречи, приглашать в школы, чтобы выступили, многие женщины-фронтовички все равно считали, что лучше им обойтись без всего этого.

«После войны я долго пытался забыть все эти жуткие и чудовищные картины увиденного на войне. На меня давил тягостный груз невольной вины перед моими погибшими товарищами — почему я остался жив, а они убиты»[490]… Под этими словами подписались бы многие фронтовики. Совсем молодые, они несли страшную ношу, которую не могли разделить с окружающими — те, кто не был на войне, не могли их понять. «Да и как-то дико быть среди людей, которые даже издали не видели того, что пережили мы», — вспоминал ровесник Ани Мулатовой[491].

А женщинам было проще: как тут впадешь в депрессию, если нужно детей растить, если нужно каждый день думать, чем кормить семью?

Свекор со свекровью Аню вскоре полюбили как родную дочь: она ведь была работящая, с чудесным характером, веселая. Все уходили утром на работу, а она готовила еду на керосинке, убирала, носила дрова из сарая и топила печь. Пока было тепло, спали они с мужем в дровяном сарае — тогда много было таких сараев в Марьиной Роще. А потом, нечего делать, поселились все в одной комнате: родители спали на кровати, молодые — к дивану приставляли стулья и сверху клали перину. В 1946-м родился сын Валерик, в 1947 году Анатолий закончил военную академию и получил назначение в Белоруссию. Там им вначале пришлось очень тяжело — голод, нищета, зарплата, на которую не купишь даже картошки на черном рынке. Спасали посылки от родителей из Москвы — сухари, сушки… Демобилизовался Анатолий при Хрущеве, который погнал из армии фронтовиков, и приехали они снова в ту 15-метровую комнату к родителям. Аня работала в школе администратором. Хотела учителем стать, но не вышло. Мечтала хотя бы закончить десятый класс в вечерней

школе.

Лет через десять после войны ей удалось пойти учиться, но муж стал скандалить, что дома из-за этого порядка нет, и пришлось бросить. Муж, как и мужья многих ее фронтовых подруг, уже сильно пил в это время[492].

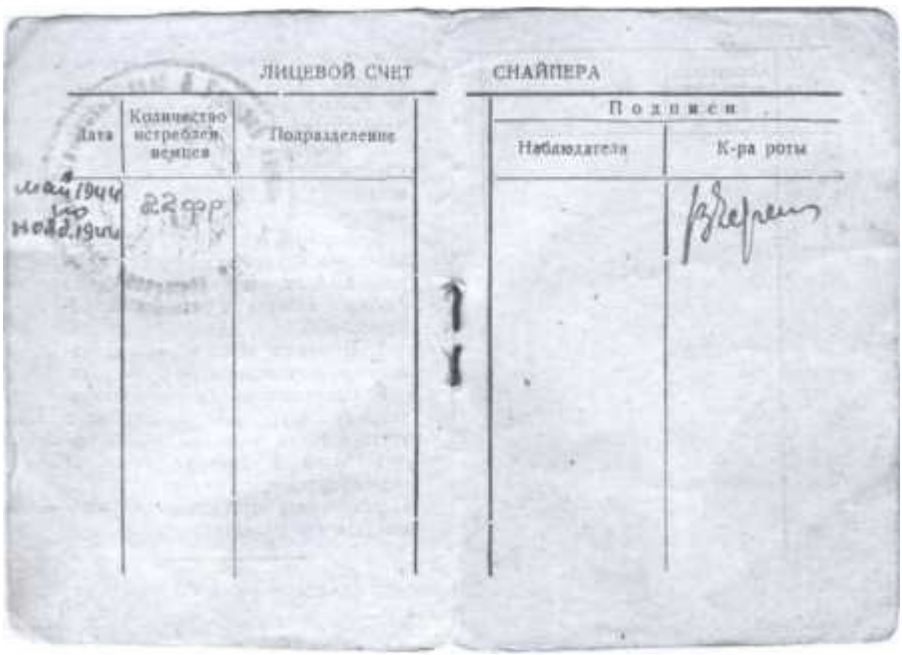
Фотоиллюстрации

Катя Передера. 1944 г. (Из личного архива Е.Ф. Тереховой (Передеры)).

Женя Макеева. 1944 г. (Из личного архива Е.Ф. Тереховой (Передеры)).

Снайперы Роза Шанина, Саша Екимова и Лида Вдовина. 3-й Белорусский фронт, 1944 г. (Из коллекции РГАКФД).

Снайпер Роза Шанина. 3-й Белорусский фронт, 1944 г. (Из коллекции РГЛКФД).


ЛИЦЕВОЙ СЧЕТ СНАЙПЕРА

Дата	Количество истребленных немцев	Подразделение	Подписи: Наблюдателя	Подписи: К-ра роты
мая 1944 по нояб. 1944	22 фр			

Снайперская книжка Веры Кабернюк, страница с ее личным счетом. «Фр.» означает «фрицев». 1944 г. (Из личного архива В. К. Зубченко (Кабернюк)).

Портрет гвардии младшего сержанта снайпера Веры Кабернюк. Нарва, 2-й Прибалтийский фронт, 1944 г. (Из коллекции РГАКФД).

Каля Петрова — «глазастый солдатик». Литва, лето или начало осени 1944 г. (Из личного архива К.А. Мороховец (Петровой)).

«Боевая тройка» — Калерия Петрова, Роза Шанина и Саша Екимова. Литва, лето или начало осени 1944 г. (Из личного архива К.Л. Мороховец (Петровой)).

Роза Шанина с боевыми подругами в Литве летом 1944 г.: найдя в покинутых домах гражданскую одежду, девушки переоделись. Роза вторая слева, рядом Саша и Калерия. Позже Роза писала об этой фотографии: «Дальше мы стоим шестеро в литовских костюмах, я и они. Их была тоже тройка. Таню убило, Люду ранило, она (Валя Лазоренко) теперь одна». Через полгода из этих шестерых девушек останется в живых только Каля Петрова. (Из личного архива К.А. Мороховец (Петровой)).

Роза Шанина, Александр Становов, Дуся Краснобровова. 1944 г. (Из личного архива К.А. Мороховец (Петровой)).

Таисия Киселева во время боев в Восточной Пруссии. Поверх гимнастерки на ней жилет с пушистым белым мехом. (Из личного архива Т.Д. Ильницкой (Киселевой)).

Таисия Киселева с Бэллой Морозовой и Музой Булатовой (незадолго до начала наступления, в котором погибла Муза и получила тяжелое ранение в лицо Бэлла). Начало 1945 г. (Из личного архива Т.Д. Ильницкой (Киселевой)).

Снайперский взвод Веры Кабернюк. Весна 1945 г. (Из личного архива В.К. Зубченко (Кабернюк)).

Бэлла Морозова. Бэлла позирует в полоборота, не показывая обезображенную ранением сторону лица. 1945 г. (Из личного архива Т.Д. Ильницкой (Киселевой)).

После победы: Аня Мулатова с Анатолием. Май 1945 г. (Из личного архива А.Ф. Синяковой (Мулатовой)).

Катя и Нина Передера. Послевоенная фотография. (Из личного архива Е.Ф. Тереховой (Передеры)).

Послевоенная фотография Веры Кабернюк. (Из личного архива В. К. Зубченко (Кабернюк)).

Вера Баракина (справа) с мамой и сестрой. Довоенная фотография. (Из личного архива В.Н. Любилкиной (Баракиной)).

Довоенная фотография Маши Шварц. (Из личного архива К.А. Мороховец (Петровой)).

Снайперы Татьяна, Маша Поливанова и Наташа Ковшова. 1942 г. (Из коллекции РГЛКФД).

Ленинградский фронт. Группа снайперов Горинкова Т., Кондратьева Т., Быстрова А. Февраль 1942 г. (Из коллекции РГЛКФД).

Курсанты ЦЖШСП, снайперский взвод Таисии Киселевой. Подольск, конец 1943 г. (Из личного архива Т.Д. Ильницкой (Киселевой)).

Клава Пантелеева — курсант ЦЖШСП. 1943 г. (Из личного архива К.Е. Калугиной (Пантелеевой)).

Военные цензоры за работой. 1943 г. (Из коллекции РГЛКФД).

Аня Мулатова и Тася Пегешова. ЦЖШСП, Подольск, 1943 г. (Из личного архива А.Ф. Синяковой (Мулатовой)).

Клава Логинова с парой Валей Волоховой во время учебы в ЦЖШСП. Зима 1943 г. (Из личного архива К. Г. Крохиной (Логиновой)).

Взвод Веры Кабернюк во время учебы в ЦЖШСП. Подольск, 1943 г. (Из личного архива В. К. Зубченко (Кабернюк)).

Аня Мулатова. 1944 г. (Из личного архива А.Ф. Синяковой (Мулатовой)).

Боевые товарищи Кати Передеры, группа девушек-снайперов, участниц боев за Крым (слева направо: младшие сержанты Рая Захарова, Люба Винницкая, Аня Бессарабова, Женя Макеева). С ними Николай Зайнутдинов (Полтора Ивана). 1944 г. (Из коллекции РГЛКФД).

Клава Логинова и Катя Маковеева. Фотография сделана в июне, незадолго до гибели Кати. Литва, 1944 г. (Из личного архива К.Г. Крохиной (Логиновой)).

Снайпер Саша Шляхова. 2-й Белорусский фронт, 1944 г. (Из коллекции РГАКФД).

Портрет гвардии младшего сержанта снайпера Веры Кабернюк. Нарва, 2-й Прибалтийский фронт, 1944 г. (Из коллекции РГАКФД).

notes

Примечания

1

См.: Костенков А. Уходили на войну девчата. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1969. С. 41.

См. там же. С. 48.

3

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 50.

4

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

5

См. там же.

6

П. Кравченко, из телепередачи ГТРК Кубань 9.10.13, корреспондент Ю. Волкова.

Орлов А.Н. Без вести пропавшие — Марина Морозова // Северный край. 2012. 16 мая.

8

Интервью с Е.Ф. Тереховой. Краснодар, сентябрь 2010 г.

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 97.

10

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

Бурмистрова А. ЯПомню.

12

См.: Степанова Л.Г. Коллаборационизм на Кубани во время немецкой оккупации: социальные истоки и проявления: (Электронный ресурс) // history-kuban.ucoz.ru

13

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

Черепнина В. Оккупация // МК Краснодара. 2013. 22 мая.

15

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 20.

16

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 24.

17

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

18

См. там же.

19

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 30.

21

Интервью с Е.Ф. Тереховой. См. также: Костенков А. Указ. соч. С. 34, 35.

См.: Пчелинцев В.Н. Особая миссия. Интернет-версия.

23

См.: Павличенко Л. Я — снайпер. В боях за Севастополь и Одессу // М.: Вече, 2015. С. 7.

24

В 1939 г. Владимир Пчелинцев закончил Снайперскую школу войск НКВД.

25

Пчелинцев В.Н. Особая миссия. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 11.

26

Guerilla Queen at Washington, Press and Journal, Aberdeen Saturday August 29, 1942.

Пчелинцев В.Н. Указ. соч. С. 53.

28

Lyudmila Pavlichenko speech in New York City — YouTube.

29

Пчелинцев В.Н. Указ. соч. С. 30

30

Woman Sniper Looses Tooth, Gloucestershire echo, September 17, 1942.

31

Time. September 28, 1942.

32

Там же.

33

Soviet Russia Today. Vol. 11. № 6 (October 1942).

34

No Chocolates for Miss Pavlichenko, Evening Telegraph and Post. Aug 29, 1942.

Soviet Russia Today. Vol. 11. № 6 (October 1942).

Вайль П. Гений места. М.: АСТ, 1999. С. 23–24.

См.: Пчелинцев В.Н. Указ. соч. С. 104.

NYT. November 23, 1942.

Эти сведения получены в основном из выступлений и интервью Павличенко во время турне по Америке, Канаде и США в 1942 г. и из публикаций о ней того времени. Как уже упоминалось, Людмила Павличенко после войны ничего не писала о себе и своем пребывании на фронте и выступала редко.

См.: Пчелинцев В.Н. Указ. соч. С. 103.

41

В книге А.И. Бегуновой «Ангелы смерти» (М.: Вече, 2014. С. 30) упоминается номер личного дела Павличенко в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО): 593897.

http://novodevichiynecropol.narod.ru/pavlichenko_lni.htm

См.: Павличенко Л. Указ. соч. С. 256, 257.

http://blogs.smithsonianmag.com

См.: Павличенко Л. Указ. соч. С. 70, 73, 74.

Каминский О. Загадка снайпера Людмилы Павличенко: (Электронный ресурс) //www.proza.ru

См.: Павличенко Л. Указ. соч. С. 131.

См.: Каминский О. Указ. соч.

См.: Каминский О. Указ. соч.

См.: Павличенко Л. Указ. соч. С. 255.

51

См.: У черноморских твердынь. М.: Воениздат, 1967. Интернет-версия.

52

См. там же.

53

См. там же.

См. там же.

Бегунова А.И. Предисловие к «Я — снайпер». С. 5.

Пчелинцев В.Н. Указ. соч. С. 130.

См. там же. С. 129.

См.: Павличенко Л. Указ. соч. С. 17.

Павличенко Л. Указ. соч. С. 145, 169, 203 и др.

См. там же. С. 78.

См. там же. С. 89, 110, 131 и др.

Там же. С. 292.

См. там же. С. 298 и др.

Павличенко Л. Указ. соч. С. 324–327.

См. там же. С. 360, 361.

Интервью со В.В. Мальцевым. Москва, 2013 г.

Интервью со В. В. Мальцевым. Москва, 2013 г.

См.: Пчелинцев В.Н. Указ. соч. С. 80, 81.

Олленберг Й. Немецкий снайпер на Восточном фронте. М.: Яуза-пресс, 2010. С. 153.

Мизин В.М. Снайпер Петрова. С. 44 и далее.

71

Интервью с Л.Н. Ларионовой. Бабаево, июль 2013 г.

72

Интервью с А. Н. Ларионовой. Бабаево, июль 2013 г.

73

Интервью с Л.Н. Ларионовой.

Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. М.: АСТ, 2015. С. 89, 90.

75

См.: Бегунова А.И. Ангелы смерти. Женщины-снайперы. 1941–1945. С. 227.

Интервью с А.Ф. Синяковой.

Интервью с К.А. Мороховец. Москва, июнь 2011 г.

Ленинский комсомол в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. Цит. по: Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1987. С. 7.

Тыл и фронт едины. Акбулакский район, 2002 / Под ред. Редько. С. 33, 34.

80

См.: Жукова Ю.К. Девушка со снайперской винтовкой. М.: Центрполиграф, 2006. С. 67.

81

См.: Чувилкин В.А. Девушки в шинелях. М.: Московский рабочий, 1982.

См.: Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 68.

Интервью с К.Г. Крохиной. Минск, август 2012 г.

Там же, июль 2013 г.

Чувилкин В.А. Указ. соч. С. 6.

Интервью с А.Ф. Синяковой.

Интервью с А.Ф. Синяковой. Москва, 2013 г.

Интервью с К.Е. Калугиной. Москва, февраль 2011 г.

89

Интервью с К.Г. Крохиной. Минск, июль 2012 г.

Интервью с К.Е. Калугиной. Москва, июнь 2011 г.

91

См. там же.

См.: И в снайперском прицеле есть добро / Под ред. А.А. Агафонова. Подольск, 2006. С. 29.

Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 79.

Там же.

95

Интервью с К.Г. Крохиной.

См.: Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 71.

Интервью с А.Ф. Синяковой. Москва, лето 2013 г.

См.: Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 72.

Интервью с А.Ф. Синяковой. Москва, 2010 г.

100

Интервью с К.Е. Калугиной. Москва, август 2013 г.

101

Интервью с А.Ф. Синяковой. Москва, июнь 2013 г.

102

Интервью с Т.Д. Ильницкой. Санкт-Петербург, июнь 2011 г.

См.: Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 88, 89.

Интервью с К.Г. Крохиной. Минск, август 2013 г.

105

Интервью с А.Ф. Синяковой. Москва, август 2013 г.

К.Г. Крохина, интервью автору. Июль 2013 г.

107

Интервью с М.А. Максимовой. Калуга, сентябрь 2010 г.

108

См. там же.

См.: Жукова Ю.К. Указ. соч. Интернет-версия.

Интервью с К.Г. Крохиной. Минск, июль 2012 г.

111

Интервью с В.Н. Любилкиной. Москва, март 2009 г.

112

Речь идет о Бадаевских складах.

113

Интервью с В.Н. Любилкиной.

Интервью с А.Ф. Синяковой, К.Г. Крохиной.

115

Интервью с К.Г. Крохиной. Минск, июль 2012 г.

Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 88.

117

Письма Жени Макеевой. Предоставлены автору ее родными.

118

Интервью с Е.Ф. Тереховой. Краснодар, сентябрь 2010 г.

119

Интервью с Е.Ф. Тереховой. Краснодар, сентябрь 2010 г.

120

Там же.

121

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 104.

122

См. там же.

123

Литвин Г.А. Освобождение Крыма, ноябрь 1943 — май 1944. М.: Кречет, 1994. С. 28.

Литвин Г.А. Указ. соч. С. 28.

125

См.: Ракобольская, Кравцова. Нас называли ночными ведьмами. С. 265–267. См. также: О.Т. Голубева-Терес, интервью автору.

126

Интервью с О.Т. Голубевой-Терес. Саратов, сентябрь 2010 г.

См.: Литвин Г.А. Указ. соч. М.: Кречет, 1994. С. 34.

128

Интервью с Е.Ф. Тереховой. Краснодар, сентябрь 2010 г.

129

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 106.

130

Интервью с Е.Ф. Тереховой. Краснодар, сентябрь 2010 г.

131

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 107.

132

Интервью с Е.Ф. Тереховой. Краснодар, сентябрь 2010 г.

133

Оперативная сводка за 14 ноября: (Электронный ресурс) // www.Great-victory.ru

134

См.: Никольский Б. Керченский капкан. Борьба за Крым. Интернет-версия.

См.: Рожденная войной: Сб. М.: Молодая гвардия, 1985.

136

Источник: информационный сайт г. Тимашевска www.timashevsk.ru

137

Интервью с Е.Ф. Тереховой. Краснодар, сентябрь 2010 г.

Литвин Г.А. Указ. соч. С. 36.

139

О.Т. Голубева-Терес. Интервью автору. Саратов, сентябрь 2010 г.

140

О.Т. Голубева-Терес. Интервью автору. Саратов, сентябрь 2010 г.

141

Там же.

Кузнецов А. Большой десант. Керченско-Эльтигенская операция. М.: Вече, 2011. Интернет-версия.

143

Описано Проценко. Цит. по: Абрамов В. Керченская катастрофа 1942. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 97, 98.

144

Сельвинский Илья Львович (псевд. Эллий-Карл) (1899–1968) — поэт, драматург, литературовед. В 30-х годах и во время Великой Отечественной войны — корреспондент «Правды».

Абрамов В. Указ. соч. С. 97, 98.

Костенков А. Указ. соч. С. 108.

147

Интервью с Е.Ф. Тереховой. Краснодар, сентябрь 2010 г.

148

Интервью с Е.Ф. Тереховой. Краснодар, сентябрь 2010 г.

149

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 112.

150

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

151

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 119.

152

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

153

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 121.

154

14-17 июля 1943 г. в Краснодаре проходил судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Краснодара и Краснодарского края. На процессе присутствовал писатель А. Н. Толстой. 18 июля 1943 г. на городской площади Краснодара был приведен в исполнение смертный приговор восьми осужденным пособникам фашистов.

Костенков А. Указ. соч. С. 122.

156

Интервью с Е.Ф. Тереховой. Краснодар, сентябрь 2010 г.

157

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 128.

159

См. там же.

160

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

Костенков А. Указ. соч. С. 129.

162

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

163

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

164

Газета «Заря Енисея», выпуск, посвященный 65-летию Победы.

165

Крестьянка. 1941. № 20.

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 131.

167

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

168

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

169

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 134.

Однако в ходе наступательной операции, проведенной войсками Отдельной Приморской армии в январе 1944 г., потери, понесенные крымской группировкой противника, были настолько велики, что восполнить их только за счет маршевого пополнения у немцев уже не было никакой возможности. Чтобы обеспечить хоть малейшие шансы удержать за собой Крым, противник вынужден был со второй половины февраля срочно перебросить туда из Одессы 73-ю пехотную дивизию. Эта дивизия, срочно перебазированная в Крым транспортной авиацией, после выгрузки на аэродроме в Джанкое была направлена на усиление керченской группировки и к концу февраля заняла оборону на главной оборонительной полосе в районе города Керчь перед фронтом Отдельной Приморской армии.

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 134, 135.

171

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

См.: Боец-снайпер Наташа Ковшова. М.: Главное архивное управление, 2010. С. 133.

173

См.: Мурманцева В. Женщины в солдатских шинелях. М.: Воениздат, 1971. Интернет-версия.

См.: Боец-снайпер Наташа Ковшова. М.: Главное архивное управление, 2010 г. С. 165.

175

См. там же. С. 321.

Там же. С. 179.

177

См.: Боец-снайпер Наташа Ковшова. М.: Главное архивное управление, 2010 г. С. 198.

178

Из воспоминаний художника Таира Салахова о Зибе Ганиевой: (Электронный ресурс) // www.lnews.az

179

«Мы знаем, что значит война». Воспоминания, письма, дневники универсантов разных лет. / Под ред. Тихонова. СПб., 2010. С. 59.

180

Из неопубликованных воспоминаний А.Ф. Синяковой (переданы автору А.Ф. Синяковой).

181

Интервью с К.Е. Калугиной. Москва, 2011 г. (здесь и далее).

182

Читается трижды. Молитва «Живые помощи» (псалом 90-й) используется в народной традиции и как оберег: читая его над больным, пытаются изгнать болезнь (читать в трудных жизненных ситуациях).

183

Крестьянка. 1944. Март.

Интервью с А.Ф. Синяковой. Москва, 2012 г.

185

Интервью с М.А. Максимовой. Калуга, сентябрь 2010 г.

Интервью с А.Ф. Синяковой. 2010, 2012 гг.

187

Полковой врач С.С. Абоев (упоминается в мемуарах Славнова).

188

Интервью с А.Ф. Синяковой, август 2013 г.

Женщины Славы. М.: Изд. центр МОФ «Победа — 1945 год». 1995. С. 71.

Интервью с К.Е. Калугиной: (Электронный ресурс) //А. Драбкин www.iremember.ru

191

Интервью с К.Е. Калугиной.

192

Там же.

193

Воспоминания Серафимы Анашкиной (Васиной) // И в снайперском прицеле есть добро. С. 117.

Интервью с К.Е. Калугиной. Москва, 2012 г.

195

Интервью с К. Лукашовой (Ромашовой): (Электронный ресурс) // А. Драбкин www.iremember.ru

196

Интервью с А.Ф. Синяковой.

197

Неопубликованные воспоминания А.Ф. Синяковой, архив автора.

198

Накат — ряд бревен, накрывающий землянку. Ряды бревен укладываются параллельно друг другу.

199

Интервью с А.Ф. Синяковой.

200

Спираль Бруно — противопехотное заграждение в виде цилиндрической спирали диаметром 70-130 см и длиной до 25 м, свитой из нескольких пересекающихся нитей колючей или обычной проволоки и растянутой на опорах.

201

Неопубликованные воспоминания А.Ф. Синяковой.

202

Интервью с А.Ф. Синяковой.

203

Интервью с А.В. Бородкиной (Махлягиной). Гомель, август 2012 г.

204

Этого немца Антонина Васильевна Бородкина (Махлягина) хорошо помнила в 2012 г., когда мы с ней встретились, хотя на этот момент, страдая потерей памяти, не могла вспомнить, сколько ей лет и где она живет.

205

Интервью с Л.Е. Бакиевой. Алма-Аты, 2010 г.

206

Интервью с А.Ф. Синяковой.

207

Интервью с К.Е. Калугиной, 2010 г.

Интервью с В.Г. Селиным: (Электронный ресурс) // www.iremember.ru

209

Интервью с К.Е. Калугиной, февраль 2010 г.

210

Интервью с К.А. Петровой-Мороховец. Москва, июль 2012 г.

Ракобольская, Кравцова. Указ. соч. Интернет-версия.

Костенков А. Указ. соч. С. 139, 140.

213

Опубликовано: (Электронный ресурс) //www.soldaty-pobedy.ru

Костенков А. Указ. соч. С. 141.

215

Там же. С. 140.

Интервью с И.Я. Шпаком: (Электронный ресурс) // www.iremember.ru

Костенков А. Указ. соч. С. 146.

218

Кировец. 2010 г. 22 апреля.

219

Интервью с М.Ф. Иващенко: (Электронный ресурс) // «Я помню» www.iremember.ru

220

Асадов Э. Моя звезда // Полное собрание стихотворений в одном томе. М.: Эксмо, 2015. С. 691.

221

Кировец. 2010 г. 22 апреля.

Интервью с Е.Ф. Тереховой. Краснодар, сентябрь 2010 г.

223

Интервью с Е.Ф. Тереховой.

См.: Костенков А. Указ. соч. С. 175.

Из 47 девушек, в 1943 г. ехавших из Медведовской на Кубань прогонять немцев со своей земли, 13 погибли, 25 были ранены, многие, как Катя Передера, остались инвалидами.

225

ЦАМО РФ. Ф. 1138 СП.

226

См. сборник «Она завещала нам песни и росы». С. 27. Архангельск, 2011 г.

227

«Она завещала нам песни и росы». С. 27.

228

Там же.

229

См.: «Она завещала нам песни и росы». С. 19.

Лидия Баженова (Вдовина) в сборнике «Женщины Славы». М., 1995.

231

Там же.

232

Из сборника «Рожденная войной». М.: Молодая гвардия. 1985. С. 134.

233

Интервью с Т.Д. Ильницкой. Санкт-Петербург, июнь 2011 г.

234

См. там же.

235

ЦАМО РФ. Ф. 31 армии. Политдонесения.

ЦАМО РФ. Ф. 31 армии.

237

Интервью с А.Ф. Синяковой. Февраль 2010 г.

Так вспоминал о силе «катюш», а по-настоящему — гвардейского реактивного миномета БМ-13, Владимир Яковлевич Ильяшенко.

К.Е. Калугина, интервью А. Драбкину: (Электронный ресурс) // www.iremember.ru

Интервью с К.Е. Калугиной. Москва, июнь 2011 г.

241

Интервью с К.Е. Калугиной. Москва, июнь 2011 г.

242

Интервью с К.Е. Калугиной. Москва, июнь 2011 г. См. также на сайте www.iremember.ru

243

1156-й полк 33-й армии 344-й стрелковой дивизии.

Интервью с К.Е. Калугиной. Москва, июнь 2011 г.

Интервью с К.Е. Калугиной: (Электронный ресурс) // www.iremember.ru

Интервью с К.Е. Калугиной. Москва, июнь 2011 г.

247

Интервью с Е.М. Кульковой. Москва, август 2013 г.

В небе фронтовом. М., 2009. Интернет-версия.

249

Интервью с Е.М. Кульковой. Москва, август 2013 г.

250

Интервью с А.Ф. Синяковой. Москва, февраль 2011 г.

251

Интервью с А.Ф. Синяковой.

252

Интервью с А.Ф. Синяковой.

253

Интервью с А.Ф. Синяковой. Москва, июль 2013 г.

«Мы знаем у что значит война…» (Иллюстрация на врезке.)

255

Эти швейцарские золотые часы ходят по сей день.

256

Интервью с А.Ф. Синяковой.

257

Абдуллин М. 160 страниц из солдатского дневника. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 121.

Интервью с К.Г. Крохиной. Минск, июль 2012 г.

259

ЦАМО РФ. Ф. 164 ОПАБ, опись 1, дело 6, коробка 26–34.

Интервью с К.Г. Крохиной. Минск, август 2012 г.

261

Интервью с А.Ф. Синяковой.

262

Интервью с А.Ф. Синяковой и с К.Г. Крохиной.

263

Интервью с А.Ф. Синяковой.

Славнов В.П. Сколько было пройдено. М.: Воениздат, 1984. С. 122.

265

В воспоминаниях Славнов по ошибке называет Аню Мулатову Шурой Мулатовой. (См.: Славнов В.П. Указ. соч. С. 123.).

Славнов В.П. Указ. соч. С. 123.

www.moy-polk.ru

Розенберг С.И., интервью: (Электронный ресурс) // www.iremember.ru

269

Интервью с К.Е. Калугиной. Москва, март 2011 г.

Интервью с К.Е. Калугиной.

271

Интервью с А.Ф. Синяковой, июль 2013 г.

272

Интервью с А.Ф. Синяковой.

Славнов В.П. Указ. соч. С. 52.

См. там же. С. 75, 76.

См.: Славнов В.П. Указ. соч. С. 75, 76.

Интервью с А.Ф. Синяковой.

277

Интервью с К.Е. Калугиной, июнь 2011 г.

278

В воспоминаниях Василий Славнов указывает другое название: озеро Шлавантис.

279

Интервью с А.Ф. Синяковой.

280

Интервью с К.Е. Калугиной.

281

Мулер М.С., интервью на сайте А. Драбкина www.iremember.ru

282

Интервью с Л.Н. Ларионовой. Бабаево, 2013 г.

283

Интервью с В.Н. Любилкиной. Москва, февраль 2010 г.

Дедовские мемуары: (Электронный ресурс) // http://partisan-p.livejour-nal.com/10831.html

285

Интервью с В.Н. Любилкиной.

Интервью с Т.Д. Ильницкой. СПб., июнь 2011 г.

Дедовские мемуары: (Электронный ресурс) // http://partisan-p.live-journal.com/10831.html

288

Интервью с Т. Д. Ильницкой.

289

Интервью с Т. Д. Ильницкой.

Дедовские мемуары: (Электронный ресурс(// http://partisan-p.livejournal.com/10831.html.

«Она завещала нам песни и росы». С. 52, 53.

292

Интервью с К.А. Мороховец.

293

А. Котлярова, интервью А. Драбкину.

Докутович Г. Сэрца и крылы. С. 72.

295

Интервью с К.А. Мороховец.

«Она завещала нам песни и росы». С. 44.

297

Интервью с К.Е. Калугиной.

ЦАМО РФ. Ф. 31-й армии, политдонесения.

299

Там же.

300

Интервью с К.Е. Калугиной.

301

Там же.

См.: Славнов В.П. Указ. соч. С. 154.

Славнов В.П. Указ. соч. С. 155.

304

Интервью с К.А. Мороховец.

305

Интервью с К.А. Мороховец.

306

Интервью с К.А. Мороховец.

307

Интервью с А.Ф. Синяковой.

К.Г. Крохина, интервью автору.

309

Интервью с А.Ф. Синяковой.

310

В упоминавшихся ранее воспоминаниях Людмила Павличенко писала, что ей поручали прикрывать снайперским огнем разведчиков, отправлявшихся на задание, — еще один интересный факт из ее снайперской биографии.

311

Интервью с А.Ф. Синяковой.

312

Интервью с А.Ф. Синяковой.

313

Уничтожим врага. 1944. 17 и 24 сентября.

314

Так писали для секретности в письмах и документах и говорили по телефону: «черный» — убитый, «красный» — раненый.

315

Там же. С. 33.

316

См.: Рабичев Л. Война все спишет. М.: Центрполиграф, 2009. С. 141–142.

317

Эренбург И.Г. Убей! Б. м. Воениздат НКО СССР, 194–195.

318

Определение Александра Верта.

319

Сологубов А.М. Вестник Балтийского федерального университета И. Канта. 2011. Вып. 12. С. 76–82.

Сологубов А.М. Указ. соч. Вып. 16. С. 161.

321

Гранин Д. Прекрасная Ута. Интернет-версия.

См.: Сологубов А.М. Указ. соч. С. 76–82.

Там же. Вып. 7. С. 216–221.

Шмурак Л.М. ЯПомню.

325

Сажнева Е. Потеряешь честь — с фронта не возвращайся. Московский комсомолец. 2004. 7 мая.

326

См. там же.

327

Письмо Розы Петру Молчанову Сборник «Снайперы». М.: Молодая гвардия, 1976.

«Она завещала нам песни и росы». С. 34.

329

Там же.

330

Воспоминания участника боя капитана в отставке Медведева. «Она завещала нам песни и росы». С. 35.

331

Там же.

«Она завещала нам песни и росы». С. 34.

333

«Она завещала нам песни и росы». С. 34.

334

Письмо Розы Петру Молчанову. Сборник «Снайперы». М.: Молодая гвардия, 1976.

335

Там же.

336

Письмо Розы Петру Молчанову. Сборник «Снайперы». М.: Молодая гвардия, 1976.

«И в снайперском прицеле есть добро». С. 117, 118.

«И в снайперском прицеле есть добро». С. 117, 118.

339

Интервью с К.А. Мороховец.

«Она завещала нам песни и росы». С. 45.

341

Интервью с К.А. Мороховец.

342

Цена победы. Российские школьники о войне. Мемориал, 2005. С. 242, 243.

См.: Тимофеева-Егорова А. Небо, штурмовик, девушка. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 297–302.

«Она завещала нам песни и росы». С. 62.

345

См.: Ракобольская, Кравцова. Нас называли ночными ведьмами. С. 295–298.

346

Через много лет после войны, прочитав очерк Руфины Гашевой, П.М. Силкин написал ей письмо. Рассказал о том, что он сам помнил о той ночи. Фамилия солдата, снявшего сапоги, чтобы летчица дошла в них до штаба, была Мороз, и он погиб через полтора месяца после Ольги Санфировой (цит. по: Нас называли ночными ведьмами. С. 295–298).

Цит. по: Сенявская Е. Солдаты Красной армии на польских землях. История, 2001. Август. Интернет-версия.

Там же.

349

Там же.

Цит. по: Сенявская Е. Солдаты Красной армии на польских землях. История, 2001. Август. Интернет-версия.

351

ЦАМО РФ. Донесение политотдела 19-й армии.

Славнов В.П, Указ. соч. С. 161.

353

ЦАМО РФ. Ф. 31-й армии, политдонесения.

См.: Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 103.

См.: Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 110, 111.

Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 116.

357

Интервью с Ю.К. Жуковой (по телефону).

Там же.

Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 118–122.

ЦАМО РФ. Ф. 31-й армии, политдонесения.

361

ЦАМО РФ. Ф. 31-й армии, политдонесения.

362

Интервью с К.Г. Крохиной.

363

Интервью с К.Г. Крохиной.

См.: Мужество, отвага и… любовь: сб. М.: Палея, 1997.

365

Интервью с К.Г. Крохиной.

366

Интервью с К.Е. Калугиной.

367

Там же.

Интервью с Л.Е. Бакиевой.

369

ЦАМО РФ. Ф. 31-й армии. С. 155.

«Она завещала нам песни и росы». С. 43.

371

Там же.

Имелся в виду немецкий десант на танках.

373

Интервью с Л.Е. Бакиевой.

«Она завещала нам песни и росы». С. 34.

375

Интервью с Л.Е. Бакиевой.

См.: Гроссман В. Годы войны. М.: Правда. 1989. С. 250–251.

http://articles.gazeta.kz/art.asp?aid=59250

Крестьянка. 1942. Октябрь. № 19–20.

Крестьянка. 1942. Октябрь. № 19–20.

Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 133.

381

См.: Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 134–135.

382

Интервью с А.Ф. Синяковой.

Они-то, вероятно, и вдохновили советскую печать на выпуск советских новогодних открыток, которые впервые появились вскоре после войны.

Интервью с А.Ф. Синяковой.

Алексиевич С. Указ. соч. С. 212, 213.

386

Интервью с В.В. Чуйковой.

387

Интервью с А.Ф. Синяковой.

«Она завещала нам песни и росы». С. 65.

389

Там же. С. 66.

Там же. С. 44.

391

«Она завещала нам песни и росы». С. 45.

«Она завещала нам песни и росы». С. 33.

393

Там же. С. 45.

Там же. С. 57.

Там же. С. 38.

По дневнику Розы Шаниной автора консультировала психолог Василиса Русакова.

«Она завещала нам песни и росы». С. 30.

«Она завещала нам песни и росы». С. 31.

399

Там же. С. 58.

400

Там же.

401

«Она завещала нам песни и росы». С. 31.

402

ЦАМО РФ. Ф. 1156 сп. Оп. 37104. Д. 1.

403

«Она завещала нам песни и росы». С. 41.

404

«Она завещала нам песни и росы». С. 29.

Там же. С. 37.

Там же.

Там же.

«Она завещала нам песни и росы». С. 55.

409

Там же.

Там же. С. 55, 56.

411

«Она завещала нам песни и росы». С. 47.

Там же. С. 47–49.

413

«Она завещала нам песни и росы». С. 49, 50.

Уткин И. Избранное. М.: Художественная литература, 1975. С. 286.

415

«Она завещала нам песни и росы». С. 56.

Там же. С. 42.

Там же. С. 58.

Там же. С. 44.

419

Интервью с К.А. Мороховец.

«Она завещала нам песни и росы». С. 59.

421

«Она завещала нам песни и росы». С. 59.

«Она завещала нам песни и росы». С. 11.

423

Там же.

См.: Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 136.

425

См.: Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 138. Юлия Жукова упомянула лишь Дусю (Евдокию Андреевну) Филиппову, однако, по другим источникам (см. www. forum_kenig.ru), попали к немцам и были зверски убиты еще две девушки из взвода: Антонина Александровна Шабанина и Мария Михайловна Куликович.

426

Интервью с К.Г. Крохиной.

Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 143.

Там же.

429

Интервью с К.А. Мороховец.

«Она завещала нам песни и росы». С. 51.

431

Интервью с К.А. Мороховец.

Личный архив автора. Интервью, записанные в Ленинграде Е.Н. Никифоровой. Запись передана автору Т.Д. Ильницкой.

«Der Undergang von Ostpreussen und das Ende der 4. Armee». Karl-Heinz Schmeelke: (Электронный ресурс) // http://www.klee-klaus.de/der_untergang_ostpreussens.htm

Рассказ Т. Рогальской записан на встрече снайперов в Ленинграде Е.Н. Никифоровой (запись передана автору Т.Д. Ильницкой). Личный архив автора.

435

Мизин В.М. Снайпер Петрова. Л.: Лениздат, 1988. С. 48 и далее.

В документальной повести о Петровой В.М. Мизин не пишет об этом.

См.: Мизин В.М. Указ. соч. С. 98–101.

438

Интервью с Т.Д. Ильницкой.

Дедовские мемуары: (Электронный ресурс) // http://partisan-p.live-journal.com/10831.html

440

Интервью с Т.Д. Ильницкой.

Дедовские мемуары: (Электронный ресурс) // http://partisan-p.live-journal.com/10831.html

442

Интервью с В Н. Любилкиной.

443

Интервью с К.Г. Крохиной.

Богомолов В.О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. М.: Книжный клуб 36,6, 2014. С. 39–42.

445

Интервью с Л.Е. Бакиевой.

Галицкий К.Н. В боях за Восточную Пруссию. М.: Наука, 1970. С. 385.

447

Сценарий устного журнала 6-го учебного курса «Кенигсбергская операция». (Подготовила педагог-организатор Колегаева О.Н.)

Опубликовано в онлайн-журнале «Летопись — новости археологии и истории» 16 мая 2015.

449

Калининградские ветераны вспоминают штурм Кенигсберга // Комсомольская правда. Калининград. 2009. 9 апреля.

450

Интервью с А.Ф. Синяковой.

Шойфлер Х., Тике В. Марш на Берлин 1944–1945. М.: Эксмо, 2005. Интернет-версия.

452

Интервью с К.Г. Крохиной.

453

Интервью с В.В. Чуйковой.

Ракобольская, Кравцова. Указ. соч. С. 32.

455

ЦАМО РФ. Ф. 31-й армии. Оп. 8599. Д. 218.

456

Интервью с В.В. Чуйковой.

457

«После освобождения в яме № 1 длиной 100 м, шириной 10 м и глубиной 4–5 м было обнаружено восемь тысяч тел женщин и детей, раздеты догола. На отдельных следы от ран отсутствовали. Этим подтверждается факт уничтожения граждан электрическим током…»: (Электронный ресурс) // ttp://kovelyaka.ru/ukr/history/vijna/index.html

458

Интервью с В.В. Чуйковой.

Воспоминания Героя Советского Союза гвардии майора Цитовского: (Электронный ресурс) // http://www.inberlin.ru/proriv/Zeelovski/

Исаев А. 1945. Последний круг ада. Флаг над Рейхстагом. М., 2009. Интернет-версия.

461

Интервью с В.К. Зубченко (с помощью В. Драницы). Алтайский край, Зональное, лето 2011 г.

Богомолов В. Указ. соч. // Наш современник. 2005. № 10–12. 2006. № 1.

463

Рен ТВ, 11.2721 апреля 2015 г., интервью Н. Сахаровской с А. Араповым.

Лисицын Ф.Я. В те грозные годы. М.: Воениздат, 1978.

465

Интервью с В.К. Зубченко.

Интервью с К.Г. Крохиной.

«И в снайперском прицеле есть добро».

Интервью с Т.Д. Ильницкой.

Ракобольская, Кравцова. Указ. соч. С. 312.

Рассказ Тамары Рогальской записан Е.Н. Никифоровой на встрече ветеранов ЦЖШСП в Ленинграде.

471

Интервью с Л.Е. Бакиевой.

С помощью мифа о специально зараженных венерическими болезнями женщинах, которым поставлена задача подорвать мощь Красной армии, объясняли широко распространившиеся в армии в 1944–1945 гг. венерические заболевания. Женщины в этом лагере, вероятно, были угнанные на работу в Германию советские гражданки, проходящие фильтрацию.

473

Интервью с В.В. Чуйковой.

Интервью с Л.Е. Бакиевой.

475

Интервью с В.В. Чуйковой.

Интервью с К.Е. Калугиной.

477

Интервью с К.Г. Крохиной.

Интервью с А.Ф. Синяковой.

Алексиевич С. Указ. соч. С. 103, 104 и др.

«Она завещала нам песни и росы». С. 40.

481

Интервью с К.А. Мороховец.

«И в снайперском прицеле есть добро».

483

Интервью с К.Г. Крохиной.

Интервью с Е. Ф. Тереховой.

485

Интервью с Т.Д. Ильницкой.

486

В санитарные потери включены также раненые и больные, которые впоследствии умерли в госпиталях. Великая Отечественная без грифа секретности.

Книга потерь / Под ред. Кривошеева. М.: Вече, 2014. С. 69.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке — исторический опыт России. Интернет-версия.

Интервью с В.В. Чуйковой.

489

Интервью с Л.Н. Ларионовой.

490

С.М. Полонский. Интервью с сайта А. Драбкина www.iremember.ru

Иноземцев Н. Фронтовой дневник. М.: Наука, 2000. Интернет-версия.

Интервью с А.Ф. Синяковой.

Любовь Виноградова – автор книги «Защищая Родину. Летчицы Великой Отечественной», переведенной на 5 языков, – родилась в 1973 году в Москве в семье ученых. Мама троих детей. Сотрудничала с известными западными авторами исторических монографий Энтони Бивором, Максом Хейстигсом, Саймоном Монтефиоре и многими другими.

«Какие-то истории тронули меня особенно глубоко – в основном женские, ведь женщины видят все не так, как мужчины, и запоминается им другое: не тактика и не стратегия войны, не цифры статистики, а детали, подробности, благодаря которым оживает рассказ».

Так появилась эта книга – рассказ о девушках-снайперах, которые занимались совсем не женским делом – уничтожали солдат и офицеров противника.

9 785389 116546 01